C 57
Om 7J
v. 44

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
им А. М. ГОРЬКОГО

ВОПРОСЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ И ЯЗЫКОЗНАНИЯ

THE LIBRARY OF THE
AUG 19 1969
UNIVERSITY OF ILLINOIS

ОМСК 1969

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
им А. М. ГОРЬКОГО

ВОПРОСЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ И ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Ученые записки
выпуск 44

ОМСК 1969

Редакционная коллегия:
Г. К. ВЕРНЕР, В. К. ГЕЙНЦ, Г. Г. ЕДИГ (отв. редактор)

10866

Г. Г. ЕДИГ

ПРИДАТОЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ФУНКЦИИ ГЛАВНЫХ ЧЛЕНОВ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО КОМПЛЕКСА

Среди придаточных предложений, выполняющих в сложноподчиненном комплексе функцию предицированных членов предложения, в структурном и семантическом отношениях четко выделяются два вида – придаточные предложения подлежащие и предикативные.

Их семантические особенности – в отличие от остальных придаточных предложений – заключаются в том, что они выполняют в сложноподчиненном комплексе функцию главных членов и выступают то в качестве логического субъекта, то в качестве логического предиката высказывания. При этом их логическая функция, как правило, определяется местом, занимаемом ими в сложноподчиненном комплексе: в препозиции по отношению к главному составу они обычно выступают в качестве логического субъекта, а в постпозиции – в качестве логического предиката высказывания, например:

ve:ɐ šla:pt / fədäint nušt "wer schläft, verdient nichts"
tu e:tə ha:ft / ve:ɐ šauft "zu essen hat, wer arbeitet"
vaut däi väl / äs mi: di:tliç "was der will, ist mir klar"
däi äs uk / vaut dy: ny: bäst "der ist auch, was du nun bist"

Параллелизм "препозиция – логический субъект высказывания" вытекает из того простого факта, что начало сложноподчиненного предложения, как правило, непосредственно или опосредованно связано с предыдущим высказыванием или ситуацией и, таким образом, заключает в себе те элементы, которые говорящий считает известными участникам беседы (исходный пункт высказывания). Наоборот, конец сложноподчиненного предложения обычно заключает в себе те элементы, которые говорящий считает еще неизвестными для слушателей (вновь сообщаемое); отсюда вытекает параллелизм "постпозиция – логический предикат высказывания". Указанный параллелизм как раз и позволяет говорящему лицу опускать в своем высказывании предполагаемую известную участникам беседы часть (логический субъект) и включить в него лишь предполагаемую неизвестную часть (логический предикат).

Однако, было бы ошибочно утверждать, что логический субъект "привязан" только к началу, а логический предикат – только к

концу сложноподчиненного предложения. Перестановка членов сложноподчиненного комплекса не приводит к перемещению логического субъекта на второе и логического предиката на первое место только в том случае, если предложение будет полностью изолировано от предшествующего контекста и ситуации и если в нем будет сохранена типичная для данного типа сложных предложений интонация. С этой точки зрения мы не наблюдаем такого рода перемещения в предложениях типа:

daut däi niç t'ämt, äs zäçɐ
dass der nicht kommt, ist sicher
äs zäçɐ, daut däi niç t'ämt
ist sicher, dass der nicht kommt

Когда же сложноподчиненное предложение включено в общий контекст или речевую ситуацию, что является естественным для процесса общения, перемещение логического субъекта и предиката наблюдается довольно часто. Особенно характерно такое перемещение для эмоционально окрашенной устной диалектной речи. Изменяя типичный для сложноподчиненного комплекса интонационный рисунок, говорящий довольно легко перемещает логический предикат высказывания на первое, а логический субъект - на второе место, например:

первый говорящий: däi t'ämt va:dɐ niç
der kommt wieder nicht
второй говорящий: äs zäçɐ / daut däi niç t'ämt
ist sicher, dass der nicht kommt

В приведенном сложноподчиненном предложении исходным пунктом высказывания (логическим субъектом) для отвечающего является та часть, в которой заложена мысль о том, что "он опять не придет", а вновь сообщаемым (логическим предикатом) та часть, в которой он выражает свое отношение к данному событию, т. е. мысль о том, что "это не вызывает сомнения". Причиной перемещения является эмоциональная возбужденность говорящего (возмущение, раздражение). Для выражения этих эмоций в данном случае использованы средства установления синтаксической связи - изменение порядка следования частей сложноподчиненного комплекса и изменение интонационного рисунка предложения.

Структурной особенностью сложноподчиненных предложений с придаточными предложениями подлежащими и предикативными является их синсемантичность, которая может быть собственно структурной и смысловой[1].

---

[1] Е. В. Гулыга, Некоторые вопросы теории сложноподчиненного предложения. Ин. яз. в школе, I, Москва, 1968, стр. 7.

Структурная синсемантия вытекает из того, что управляющему составу сложноподчиненного комплекса недостает один из главных членов - либо подлежащее, либо предикатив -, что приводит к возникновению в нем неполной предикативной линии, например:

daut dy: ɥk dǫ:ɐ bäst, äs gout "dass du auch da bist, ist gut"
äs aul ti:t, daut vi: go:nə "ist schon Zeit, dass wir gehen"
däi zän, ous aulə t'ɨn'ɐ "die sind, wie alle Kinder"

Однако, прерывность предикативной линии может быть устранена путем введения в главный состав сложноподчиненного предложения различного рода обобщающих и предвосхищающих содержание подчиненного состава коррелятивных элементов. Тем самым устраняется одновременно структурная синсемантия в собственном смысле, например:

ve:ɐ jəje:tə ha:ft, däi kaun šlo:pə "wer gegessen hat, der kann schlafen"; daut äs me:äjlɨç, daut däi fəbi:stɐt äs "das ist möglich, dass der sich verirrt hat; of-ɐ daut jəfɥnə ha:ft, äs nɨç jəza:çt "ob er das gefunden hat, das ist nicht gesagt"; də švi:n zän nǫx ämɐ zou, vu: zə də hǫ:ɐfst ve:rə "die Schweine sind noch immer so, wie sie im Herbst waren"

В приведенных примерах каждый состав сложноподчиненного комплекса имеет свою законченную предикативную линию. Формальное восстановление полной предикативной линии, таким образом, приводит к превращению структурно-синсемантического сложноподчиненного предложения в потенциально-автосемантическое. В этом можно убедиться, если воспользоваться примененными Г. Глинцом методами перемещения членов предложения (Verschiebprobe) и замены членов предложения (Ersatzprobe):

daut däi än traktorɨst äs, daut äs tu zäinə
dass der ein Traktorist ist, das ist zu sehen
Er ist ein Traktorist. Es ist zu sehen.

И все же в такого рода сложноподчиненных предложениях потенциальная автосемантия полностью не достигнута, потому что в их главный состав включена лексическая единица с избыточной смысловой структурой, требующая раскрытия своего содержания в придаточном предложении[2]. Следовательно, мы имеем и в данном случае дело с своеобразной синсемантией, которую мы, вслед за Е. В. Гулыгой, называем смысловой[3].

---

1) H. Glinz, Die innere Form des Deutschen, Bern/München 1965.
2) Е. В. Гулыга, Некоторые вопросы теории сложноподчиненного предложения. Ин. яз. в школе, I, 1968, стр. 10 - 11.
3) Там же, стр. 7.

I. ПРИДАТОЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПОДЛЕЖАЩИЕ

I. I. Общие замечания. Термином "придаточные предложения подлежащие" в языковедческой литературе обозначаются все те предицированные части сложноподчиненного предложения, общее содержание которых выступает в функции носителя действия или состояния сложного комплекса в целом. В современном немецком литературном языке придаточные предложения подлежащие встречаются реже, чем другие виды придаточных предложений. То же самое можно сказать и об устной речи носителей нижненемецкого говора Алтайского края. В ней придаточные предложения подлежащие также слышатся реже, чем другие виды, однако нами зафиксированы примеры почти со всеми подчинительными союзами, относительными местоимениями и наречиями, которые используются для их подчинения в современном немецком литературном языке.

По способу подчинения придаточные предложения подлежащие в говоре чаще всего являются относительными предложениями; союзные и бессоюзные предложения встречаются значительно реже. Из 56 предложений-образцов, зафиксированных нами в этом диалектном районе, 36 введены относительными наречиями и местоимениями (64,2%), союзами - I5 (26,8%), а бессоюзных предложений всего 5 (9%).

По своему месту в сложноподчиненном комплексе придаточное предложение подлежащее в говоре выступает преимущественно в препозиции по отношению к главному составу. Зафиксированные примеры в этом отношении распределяются так: в 45 сложных предложениях оно стоит в препозиции, что составляет около 80,4%, а в II - в постпозиции, что составляет около I9,6% от общего числа.

Заслуживает внимания тот факт, что союзное придаточное предложение подлежащее, как правило, стоит в постпозиции по отношению к главному составу, а относительное - в препозиции. Показательны в этом отношении следующие цифры: из I5 зафиксированных придаточных предложений подлежащих, введенных союзами, I3 являются постпозитивными (86,7%) и лишь 2 - препозитивными (I3,3%); из 36 зафиксированных относительных придаточных предложений подлежащих 30 являются препозитивными (83,4%) и лишь 6 - постпозитивными (I6,6%)

Различие в позиции союзного и относительного предложений по отношению к главному составу - явление не случайное. В немецком литературном языке также наблюдается тенденция к препозиции относительных и постпозиции союзных придаточных предложений подлежащих. Следует сказать, что мы не занимались анализом литературных произведений более ранних и современных немецких писателей, чтобы доказать это положение на основании статистических данных, но примеры на придаточные предложения подлежащие, приведенные в различных научных трудах и практических грамматиках немецкого языка, позволяют сделать вывод, что и в немецком литературном языке пре-

позиция преобладает при относительном подчинении[1].

Надо полагать, что различие в позиции указанных выше видов придаточных предложений подлежащих, объясняется их смысловой нагрузкой. Ф. Керн говорит в своей полемике против О. Эрдмана по вопросу о сущности придаточного предложения подлежащего между прочим следующее: "И вот Эрдман полагает, что в предложении как wer wagt gewinnt мыслится как субстанция или подлежащее главного предложения не содержание придаточного предложения, т. е. выраженное в нем действие (wagen), а то лицо, о котором что-то высказывается. На это, однако, следует ответить: то положение, что в качестве подлежащего выступает именно действие (разумеется, со всеми его уточнителями, содержащимися в придаточном предложении), становится лишь возможным у придаточных предложений с союзами "что" и "ли", потому что они вводят подобные предложения, но не являются в них членами предложения. Путем присоединения с помощью местоимения "кто" (в предложении, выражающем косвенный вопрос, а также в обычном относительном предложении) внимание направляется на носителя, с помощью наречия "когда" - на время, с помощью наречия "для чего" - на цель действия и т.д. Следовательно, в противоположность союзам "ли" и "что" эти слова не только соединяют, не только указывают на зависимость от главного предложения вообще, но одновременно указывают, что из уточнителей действия (или состояния) мыслится как то понятие, которому подчиняется все остальное, т. е. как управляющее понятие субъекта[2].

Если, следовательно, союзное придаточное предложение подлежащее в преобладающем большинстве случаев выступает в постпозиции по отношению к главному, то это объясняется прежде всего тем, что оно в смысловом отношении менее весомо относительного. Подчинительные союзы являются лишь формальными признаками подчинения и ничего не привносят в содержание придаточного предложения. Поэтому союзное придаточное предложение подлежащее почти всегда выступает в роли "ремы" высказывания[3]. Если же такое предложение выступает в роли "темы" высказывания, то оно обычно выделяется из общего комплекса усиленным ударением.

Такого рода выделение интонацией мы наблюдали каждый раз, когда носители говора употребляли подобные сложноподчиненные комплексы: препозитивное придаточное предложение подлежащее всегда носило бо-

---

1) См. примеры у: H. Paul, Deutsche Grammatik, Halle 1955, Bd. IV, S. 189 ff.; O. Behaghel, Deutsche Syntax, Heidelberg 1928, Bd. III, S. 712; F. Blatz, Deutsche Grammatik, Karlsruhe 1895, S. 826 ff.

2) F. Kern, Die deutsche Satzlehre, Berlin 1888, S. 162.

3) K. Boost, Neue Untersuchungen zum Wesen und zur Struktur des deutschen Satzes, Berlin 1956, S. 58 - 62.

лее сильное ударение, чем главное предложение, интонация сильно повышалась к концу предложения, пауза между частями сложноподчиненного комплекса была довольно большой, например:

daut dy: zäiɐ dǫm bäst // äs oubɐ gauns zäçɐ "dass du sehr dumm bist, ist aber ganz sicher"

Чтобы уменьшить паузу между главным и придаточным составами, добиться более тесной спайки между ними и подчеркнуть "тему" высказывания, в постпозитивный главный состав обычно вводится коррелятивное местоимение daut "das":

of-zə məši:nə t'äipə oudɐ niç, daut äs nǫx nə groutə frǫ:Y "ob man Maschinen kauft oder nicht, das ist noch eine grosse Frage"

Иначе обстоит дело с относительными придаточными предложениями подлежащими. Последние, как правило, в смысловом отношении более весомы, чем главное предложение. Подчинительное относительное слово привносит в содержание придаточного предложения дополнительный смысловой элемент, и поэтому они обычно выступают в роли "темы" высказывания, в то время как главный состав является "ремой":

äs aulət nųšt, vaut ji: dǫ:ɐ jəmǫ:kt ha:bə "ist alles nichts, was ihr da gemacht habt

I. 2. Союзные придаточные предложения подлежащие. Выше уже было упомянуто, что союзные придаточные предложения подлежащие в говоре встречаются редко. Для их подчинения используются древние союзы daut "dass" и of "ob":

än dan vǫrt, daut ät' də mänšə roupə de:d "und dann geschah es, dass ich die Menschen rief"; äs-n groutət ǫnjlät', daut dy: va:ç mǫtst dəm dǫ:Y "ist ein grosses Unglück, dass du an jenem Tag weg musstest"

Союз "ob" в говоре встречается в двух звуковых вариантах. В южной части диалектного района преимущественно употребляется недифтонгированная форма of,в северной части, наоборот, - дифтонгированная форма ouf. Примечательно, что в тех частях диалектного района, в которых преобладает дифтонгированная форма, в значении союза ouf может употребляться также союз ous:

oubɐ dǫx intərəsaunt, ous vi: fondǫ:Y nǫx fǫ:rə oudɐ niç "aber doch interessant, ob wir heute noch fahren oder nicht"

Союз "als" употребляется вместо союза "ob" и в целом ряде других нижненемецких говоров, особенно в юго-западной части нижнене-

немецкого района Германии[1], но в данном говоре их смешение, должно быть, явление позднейшего звукового развития. В быстрой речи конечный согласный союза ouf артикулируется очень слабо, так что вместо него часто появляется согласный s.

В говоре придаточные предложения подлежащие нередко зависят от эллиптических главных предложений. В качестве управляющего элемента здесь используются не только немецкие прилагательные и наречия, но и множество слов, заимствованных из русского языка, по всей вероятности потому, что последние не нуждаются в связочном глаголе:

jasno, daut däi daut nɨç ha:ft jəmǫ:kt "es ist klar, dass er das nicht gemacht hat"; jerunda, daut dy: daut nɨç kaunst toupbɨn'ə "dummes Zeug, dass du das nicht zusammenbinden kannst"

В современном немецком литературном языке препозитивные главные предложения, от которых зависит союзное придаточное предложение подлежащее, при прямом порядке слов вводятся либо коррелятивным словом "es", либо они выступают как эллиптические предложения, в которых все главное предложение представлено предикативом: es ist gut, dass du fertig bist или gut, dass du fertig bist. В рассматриваемом говоре это правило в общем не соблюдается. Коррелятивное слово "es" ни в одном из примеров не зафиксировано; в эллиптическом главном предложении, наоборот, в большинстве случаев сохраняется связочный глагол:

äs zäiɐ gout, daut vi: ǫns dǫ:ɐ jətrǫfə ha:bə "ist sehr gut, dass wir uns da getroffen haben"

Опущение вводного местоимения "es", по всей вероятности, объясняется ритмическими причинами. В предложении, введенном безличным местоимением, имеется два слова, произносимых с сильным приступом - самое местоимение и связочный глагол. Эти два приступа приводят к известному, хотя и очень незначительному замедлению, так что главное предложение оказывается расчлененным на два такта. А расчленение главного предложения, в свою очередь, приводит к снижению темпа речи.

В препозитивном главном предложении может быть опущен и связочный глагол, но только в тех случаях, когда предикатив выражен именем существительным с неопределенным артиклем:

äin jlät', daut ät' daut ma:sɐ än-ə fɥp haud "ein Glück, dass ich das Messer in der Tasche hatte"

Опущение связочного глагола также обусловлено ритмическими при-

---

1) J. Müller, Rheinisches Wörterbuch, Bonn und Leipzig 1923.

чинами: сохранение вспомогательного глагола вызывает два сильных приступа, а при опущении его неопределенный артикль объединяется с именем существительным в единый ритмический комплекс. В тех случаях, когда связочный глагол сохранен, редуцируется гласный элемент неопределенного артикля, что опять приводит к созданию единой ритмической группы:

äs-n pro:max, daut vi: də švi:n jəšla:xt ha:bə "ist ein Fehltritt dass wir die Schweine geschlachtet haben"

Предвосхищение союзного придаточного предложения подлежащего указательным коррелятивным местоимением daut "das", т. е. стремление восстановить прерванную предикативную линию, мы заметили лишь в эмоционально окрашенной речи. При этом коррелятивный элемент обычно стоял в начале препозитивного главного предложения:

na daut äs oubɐ nu̯št, daut ji: də t'e:j zou lo:t ma:lt'ə "na das ist aber nicht gut, dass ihr die Kühe so spät melkt"

I. 3. Относительные придаточные предложения подлежащие. Как видно из приведенного в общих замечаниях статистического материала, придаточные предложения подлежащие, введенные различными относительными местоимениями и наречиями, являются в рассматриваемом говоре наиболее распространенным типом. В отношении подчинительных относительных слов зафиксированные предложения распределяются так: в 22 примерах подчинительным словом является относительное местоимение (около 61,1%) и в 14 примерах - относительное наречие (около 38,9%). Эти данные лишь приблизительные, однако в общем в говоре преобладают придаточные предложения подлежащие, введенные относительными местоимениями.

Особенностью придаточного предложения подлежащего, введенного относительными словами, является широко распространенная корреляция, т. е. стремление восстановить прерванную предикативную линию. В данном случае говорящий, по-видимому, стремится напоминать своему слушателю о субъекте или объекте, выраженном относительным словом и оттесненном другими членами придаточного предложения на задний план, путем обобщения его в главном составе.

Относительное местоимение ve:ɐ "wer" вводит придаточные предложения подлежащие, содержание которых может быть обобщено в одном из местоимений 3-го лица мужского и женского родов. Содержание препозитивного придаточного предложения, введенного с помощью местоимения ve:ɐ "wer", обобщается в постпозитивном главном предложении коррелятивным местоимением däi "der":

ve:ɐ väl, däi kaun u̯k au̯lət, ve:ɐ ni̯ç väl, däi kaun u̯k gǫ:ɐ nušt "wer will, der kann alles, wer nicht will, der kann gar nichts"

Вместо нижненемецкой формы däi "der на всей территории распространения говора в последнее время все чаще употребляется верхненемецкая форма de:ɐ "der", заимствованная из окружающих верхненемецких говоров (нижненемецкие говоры данного района вообще не знают форм артикля и однозвучных указательного и относительного местоимений с вокализированным согласным r):

ve:ɐ fəta:lə vǫ:ɐd, de:ɐ blift, də aundrə go:nə ryta "wer erzählen wird, der bleibt, die anderen gehen hinaus"

Заимствованная форма коррелятивного местоимения употребляется чаще всего представителями младшего поколения. Представители старшего поколения, особенно те из них, кто редко выезжает за пределы родной деревни, обычно употребляют старую форму и решительно осуждают ненужные заимствования. Однако это заимствование постепенно проникает и в их речь.

Относительное местоимение vaut "was", как правило, вводит придаточные предложения, общее содержание которых можно было бы обобщить местоимением 3-го лица "es" или указательным местоимением "das". Вводному vaut в постпозитивном главном предложении обычно соответствует коррелятивное местоимение daut "das":

vaut dy: dǫ:ɐ jəmǫ:kt ha:st, daut äs aulәs dra:t' "was du da gemacht hast, das ist alles Dreck"

Однако, нередко встречаются также придаточные предложения, введенные местоимением vaut, хотя их содержание может быть обобщено лишь местоимением 3-го лица мужского и женского родов. В этом случае местоимение vaut замещает относительное местоимение vounɐ "welcher", о чем свидетельствует соотносительное слово, встречающееся иногда в главном предложении: däi vaut, т. е. der, was (der, welcher) или die, was (die, welche). Описание простого относительного местоимения vaut сочетанием däi, vaut наблюдается в большинстве немецких говоров, как нижне-, так и верхненемецких[1]. В качестве коррелятивного слова в постпозитивном главном предложении в этом случае выступает только местоимение däi "der, die":

näi, däi vaut dǫ:ɐ zou šaufə, däi bli:və aula "nein, die was da so arbeiten, die bleiben alle"

Предвосхищение содержания постпозитивного придаточного предложения в препозитивном главном составе в говоре встречается редко. Среди зафиксированных нами сложных предложений имеется всего лишь два таких примера. Предвосхищение содержания придаточного предло-

---

1) H. Wunderlich und H. Reis, Der deutsche Satzbau, Stuttgart 1925, S. 368 ff.

жения наблюдается только в эмоционально окрашенной речи:

däi vǫ:ɐd ämɐ jəšäk't, däi vaut ziç niç aufza:jə de:d "der wird immer geschickt, der was sich nicht absagen tut"

Составное относительное местоимение däi vaut может быть разъединено частями сложноподчиненного предложения. В этом случае первая часть вводит придаточное предложение, а вторая выполняет функцию указательного коррелята в главном составе:

dan koumə däi, vaut aun-ə bo:n šaufə de:də, no:m ural "dann kamen die, was an der Bahn arbeiten taten, nach dem Ural"

Придаточные предложения подлежащие, введенные относительными местоимениями ve:ɐ "wer" и vaut "was" в косвенных падежах, в говоре встречаются редко. Из косвенных падежей в говоре сохранился только один - дательный падеж[1]. В винительном падеже эти местоимения не употребляются совсем, он во всех случаях заменяется дательным:

ve:m däi mol fəfǫlçt, däi äs fəlo:rə "wen der mal verfolgt, der ist verloren"

Родительный падеж указанных относительных местоимений описывается формой ve:ms, употребляемая в значении "wessen" литературного языка. Это стяженная форма, состоящая из дательного падежа относительного местоимения ve:m "wem" и сокращенного именительного падежа притяжательного местоимения мужского и среднего родов zi:n "sein". Следует заметить, что стяженная форма ve:ms, подобно относительному местоимению "wessen" литературного языка, может быть отнесена также к женскому роду, в то время как при раздельном употреблении формы отличаются друг от друга. Так, например, можно сказать ve:ms fo:dɐ (wessen Vater), ve:ms mutɐ (wessen Mutter), но только ve:m zi:n fo:dɐ (wem sein Vater), ve:m zi:nə mutɐ (wem seine Mutter). Этот факт свидетельствует о том, что носители говора воспринимают данную форму как несклоняемую:

ve:ms t'in'ɐ niç än-ə šoul go:nə, vǫ:ɐd fondǫ:Y äm selsovet jəroupt va:dɐ "wessen Kinder nicht in die Schule gehen, wird heute wieder in der Dorfsowjet gerufen"

Корреляция в данном случае возможна как в постпозитивном, так и в препозитивном главном предложении. Соотносительными словами служат указательные местоимения däi "der, die" и daut "das". Последнее имеет обобщающее значение, в то время как первое относится только к

---

1) H. Jedig, Laut- und Formenbestand der niederdeutschen Mundart des Altai-Gebietes, Berlin 1966.

лицу:

däi vǫ:ʁd aul rout vo:ʁrə, ve:ms bri:goum daut äs "die wird schon erröten, wessen Bräutigam das ist"; ve:ms traktʁ də zǫmʁ nɨç šaufə de:d, daut äs ɣk t'äin traktǫrɨst "wessen Traktor im Sommer nicht arbeitet, das ist auch kein Traktorist"

Дательный падеж относительного местоимения ve:ʁ "wer" употребляется для обозначения одушевленного объекта; для обозначения неодушевленного объекта употребляется форма среднего рода vaut "was":

ve:m ät' zount za:j, däi äs nadjožni "wem ich so etwas sage, der ist zuverlässig"; ve:m dy: ha:lpst, däi äs nɨç fon-ə tšesni "wem du hilfst, der ist nicht von den Ehrlichen"

Относительное местоимение "welcher" редко употребляется для подчинения придаточных предложений подлежащих. Нами зафиксированы лишь два примера с этим местоимением. Наши попытки добиться с помощью заданных предложений-образцов желаемой формы не увенчались успехом. Вместо ожидаемой формы däi vounə "die, welche" носители говора употребляли däi vaut "die was". Однако, относительное местоимение vounə "welche" в говоре полностью не утрачено. Правда, оно здесь не выступает в первоначальной форме, но связь с ней еще прослеживается. В некоторых предложениях-образцах оно выступает в форме vount: däi vount jəfǫ:rə haudə, däi koumə dǫ:ʁ nän än vǫ:ʁmdə zɨç "die was gefahren hatten, kamen da hinein und wärmten sich"; däi vount ytjəšpaunt haudə, däi ve:ʁ aul aula no: hys jəgo:nə "die was ausgespannt hatten, die waren schon alle nach Hause gegangen". В данном случае мы не имеем дело с формой среднего рода, так как средний род сочетается только с местоимением daut "das". Форма vount не может быть также сведена к местоимению "welcher", так как последнее на всей территории распространения говора не встречается в этой звуковой форме.

Мы считаем, что в данном случае налицо компромиссная форма. Исходными являются составные относительные местоимения däi vaut "die was" и däi vounə "die welche". Общий элемент däi сохранился, а vaut "was" и vounə "welche" слились в vount. Таким образом, мы полагаем, что часть носителей говора когда-то вводили придаточное предложение подлежащее с помощью формы däi vounə "die welche", а другая часть - с помощью формы däi vaut "die was". Но это не единственное возможное объяснение. В данном случае можно предполагать также влияние немецкого литературного языка и окружающих данный говор верхненемецких говоров.

Многочисленны примеры, в которых придаточное предложение подлежащее введено относительными наречиями. Чаще всего в качестве подчинительных слов выступают наречия vou "wo", van "wann" и vu:

"wie". Корреляция в этом виде придаточных предложений возможна, но встречается довольно редко:

vou däi što:nə, vǫ:ʁd niç jəšre:və "wo die stehen, wird nicht geschrieben"; dan vǫrt ǫns di:tliç jəmǫ:kt, van vi: zylə šäitə "dann wurde uns erklärt, wann wir schiessen sollen"; vu:-zə zän, äs niç bəkaunt "wie sie sind, ist nicht bekannt"

Вопросительные местоименные наречия редко используются для введения придаточных предложений подлежащих. Особенность говора заключается в том, что в нем местоименные наречия употребляются раздельно. Между отдельными частями обычно стоит подлежащее:

vou häi fon re:də de:d, blift ɣn'ʁ ǫns "wovon er sprach, bleibt unter uns"; vou dy: no: fra:çst, äs aul aula "wonach du fragst, ist schon all"

Из всех местоименных наречий не разъединяется только наречие vu:ʁǫm "warum". Однако, как и во всех других немецких говорах, в рассматриваемом говоре вместо местоименных наречий чаще всего употребляются предлоги в сочетании с местоимением vaut "was":

mät vaut dy: daut mǫ:kst, äs mi: äindu:n, oubʁ dy: mǫtst-ət "womit du das machst, ist mir egal, aber du musst es machen"

I. 4. Бессоюзные придаточные предложения подлежащие. В рассматриваемом говоре бессоюзные придаточные предложения подлежащие довольно редкое явление. Они отличаются от соответствующих предложений литературного языка прежде всего наклонением глагола. В то время как в литературном языке глагол в них может стоять в изъявительном и сослагательном наклонениях, в говоре он стоит только в изъявительном наклонении. Сослагательное наклонение утрачено.

Позиция бессоюзного придаточного предложения подлежащего в говоре значительно свободнее, чем в литературном языке. В современном немецком литературном языке бессоюзное придаточное предложение подлежащее обычно стоит в постпозиции по отношению к главному составу, препозиция его встречается, как правило, лишь при глагольном сказуемом. В говоре же любое бессоюзное придаточное предложение подлежащее может стоять как в постпозиции, так и в препозиции:

däi t'ämt - zäçʁ "der kommt, sicher"; zäçʁ - däi fǫ:rə fondǫ:Y niç "sicher, die fahren heute nicht"

При препозитивном придаточном предложении пауза между частями сложноподчиненного комплекса больше, чем при постпозитивном. При постпозитивном эллиптическом главном предложении создается впечатление, что наречие просто вычленено из простого предложения и

превращено в ведущий член. В говоре такого рода синтаксические образования особенно часты при заимствованиях из русского языка:

ji:əd ve:ɐ dǫ:ɐ – fa:kt "Gerhard war da, Tatsache"; daut møt dǫ:ɐ zänə – totšno "das muss da sein, sicher"

Корреляция при бессоюзных придаточных предложениях подлежащих встречается редко. Это, по-видимому, объясняется тем, что такие придаточные предложения не очень большие по объему.

2. ПРЕДИКАТИВНЫЕ ПРИДАТОЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

2. I. Общие замечания. По вопросу о сущности предикативных придаточных предложений в языковедческой литературе до настоящего времени ведется полемика. Одни языковеды признают их существование безусловно, другие считают, что предикативных предложений нет и правомерно говорить лишь о придаточных предложениях сказуемных.

Языковеды, признающие существование предикативных придаточных предложений, исходят из того, что подчиненный состав сложноподчиненного комплекса замещает не полностью сказуемое главного состава, а лишь его именную часть, так называемый предикатив. Что же касается связочного глагола, то он либо представлен в главном составе, либо опущен при эллипсе и может быть легко восстановлен.

Те же языковеды, которые признают только существование придаточных предложений сказуемных, утверждают, что придаточное предложение должно полностью включать в себе сказуемое главного предложения и что в главном составе по этой причине не может быть ни связочного глагола, ни какого либо другого. Так, например, Л. Зюттерлин считает, что нельзя говорить о предикативных предложениях, так как их как таковых в языке нет. Свои взгляды он аргументирует как следует: "Придаточные предложения сказуемные выражают группы представлений, которые завершают в общем представлении уже существующее представление или группу представлений. В языковом отношении эти придаточные предложения должны сами по себе образовать законченное высказывание; они должны, наподобие простого соотношения Träume : Schäume соединяться с подлежащим без глагола." В качестве примеров он приводит предложения как Drauf er: was wünschen Sie? Alles, wie Sie gewünscht haben и подобные. Что же касается предложений, главный состав которых содержит глагольную форму, так называемый копулятивный глагол, то Л. Зюттерлин их не считает предложениями, заменяющими сказуемое или часть сказуемого главного состава. Он рассуждает так: "Сказуемного предложения нет в тех случаях, когда придаточное предложение замещает лишь часть сказуемого, что, кстати сказать, чаще всего имеет место. Оно тогда относится к одному из упомянутых раньше мало содержа-

тельных глаголов, так называемых вспомогательных, и является отвлеченным дополнением к нему. Следовательно, оно должно быть рассмотрено как дополнительное предложение."[1] В качестве примеров он приводит предложения как Sein erstes Wort war: seid ihr mit mir zufrieden? Alles bleibt, wie es gewesen ist и другие.

Рассуждения Л. Зюттерлина с грамматической точки зрения несостоятельны. Чем, например, отличаются друг от друга два предложения как Alles, wie Sie gewünscht haben и Alles ist, wie Sie gewünscht haben? Все различие, очевидно, состоит в том, что первое из них эллиптическое, а во втором сохранен связочный глагол. По мнению Зюттерлина, однако, первое предложение следует рассматривать как придаточное сказуемное, а второе - как придаточное дополнительное, хотя оба предложения выражают одно и то же и замещают один и тот же член предложения - именную часть сказуемого.

Еще более запутанным становится дело, когда утверждают, что в предложениях типа Drauf er: was wünschen Sie? отрезок "was wünschen Sie" является сказуемым к главному предложению drauf er. В данном случае логически подчиненное придаточное предложение выступает не в функции сказуемого главного предложения, а в функции его дополнения. Именное сказуемое и придаточное предложение, замещающее именной член сказуемого, отвечают на вопросы "кем является субъект?", "каков субъект?" и т. д. В данном же случае подобного рода вопросы совершенно невозможны; можно лишь спросить: "что сказал (ответил) он?". Отсюда следует, что логически подчиненное придаточное предложение является ни чем иным, как дополнением к главному составу.

Подобного взгляда придерживаются также авторы академического издания "Грамматики русского языка", которые этот вид придаточных предложений хотя и именуют предикативными, но в определении причисляют их к дополнительным. В определении предикативных придаточных предложений говорится, что сложное предложение может быть построено таким образом, что сказуемое главного предложения выражено указательным или атрибутивным местоимением, а в придаточном предложении раскрывается конкретное значение этого местоимения. Такие предложения называются, по мнению авторов, предикативными[2].

Это определение неточно. Если дело действительно обстоит так, как утверждают авторы, то придаточное предложение действительно не является предикативным, а, как утверждает Л. Зюттерлин, дополнительным, так как сказуемое главного состава уже дано, и придаточное предложение лишь уточняет, а не выражает его.

---

1) L. Sütterlin, Die deutsche Sprache der Gegenwart, Leipzig 1923, S. 393.

2) Грамматика русского языка. Издание института языкознания Академии Наук СССР. Москва, 1954, т. II, стр. 289.

В русском литературном языке, бесспорно, в главном составе сложноподчиненного предложения с придаточным предикативным почти всегда налицо указательное или атрибутивное местоимение. Это относится особенно к тем главным составам, в которых следовало бы ожидать связочный глагол "быть" в форме настоящего времени: "Я тот, кого никто не любит", "Я не тот, за кого вы меня принимаете". Однако и в русском языке имеется множество сложноподчиненных предложений, в которых нет указательного местоимения в главном составе, особенно в разговорной речи: "А ты останешься, кем был - бригадиром", "Я - как и ты, не люблю спорить".

С другой стороны, в русском языке связочный глагол опускается только в том случае, если он должен быть выражен глаголом "быть" в настоящем времени. Во всех остальных случаях в русском языке связочные глаголы обязательны: "Сад был не таким, каким он рисовался моему воображению", "Каким ты был, таким остался". Следовательно, уже само по себе неверно утверждать, что сказуемое главного состава может быть выражено указательным или атрибутивным местоимением, так как при такой формулировке не учитывается целый ряд других моментов.

Встает вопрос о том, что же уточняет придаточное предложение - сказуемое главного предложения или предикативное имя? Само собой разумеется, что оно во всех случаях замещает только предикативное имя. Если в главном предложении нет указательного или атрибутивного местоимения, то об уточнительной функции придаточного предложения не может быть и речи. Точно также обстоит дело и во всех остальных случаях: придаточное предложение не уточняет, а выражает именной член, который в главном составе отсутствует, но на который в нем указано коррелятивным местоимением.

Таким образом, предикативное предложение в русском языке не отличается существенно от немецкого. Все различие состоит в том, что в одном языке содержание предикативного предложения может, а в другом должно быть предвосхищено в известных случаях указательным местоимением. В. Юнг по праву замечает по этому поводу: "Если сказуемым главного предложения является полнозначный глагол, то оно не может быть заменено придаточным предложением, поэтому при придаточном предложении сказуемном и невозможен вопрос к сказуемому (о чем говорится?). Однако предикативное имя может быть замещено целым предложением, которое лучше всего называть предикативным."[1] Мы поэтому определяем придаточное предложение предикативное как подчиненное предложение, выступающее в сложноподчиненном комплексе в функции предикативного члена главного состава.

В рассматриваемом нижненемецком говоре предикативные придаточные предложения встречаются довольно редко. Мы зафиксировали всего

---

1) W. Jung, Kleine Grammatik der deutschen Sprache, Leipzig 1955, S. 80.

12 примеров, что составляет около 1,2% от общего числа. Но среди них имеются как союзные, так и бессоюзные предложения. Соотношение союзного подчинения к бессоюзному составляет 12 к 4 (75% к 25%). Среди придаточных предложений, введенных союзными словами, преобладают относительные предложения. Из 12 примеров 7 подчинено с помощью относительных слов, а 5 с помощью союзов.

По отношению к главному составу предикативное придаточное предложение преимущественно занимает постпозитивное положение. В зафиксированных примерах оно занимает лишь один раз препозитивное положение, что составляет около 6%. Постпозитивное положение полностью соответствует природе этого вида придаточных предложений. Они обычно содержат вновь сообщаемое, т. е. почти всегда выступают в роли "ремы" высказывания. При препозиции придаточное предложение стоит под сильным ударением, тон сильно повышается на подлежащем, так что подчиненный состав оказывается противопоставленным главному составу: vaut dy: bäst, zi: ät' ɥk (was du bist, bin ich auch).

В устной речи носителей говора бывает трудно отграничить предикативное предложение от придаточного предложения подлежащего. По нашим наблюдениям, предикативное предложение здесь характеризуется следующими признаками:

а) предикативное предложение подчинено только главным составам, глагольным элементом которых является связочный глагол: daut väçtiçstə äs, daut-ət fäi zaut äs "das Wichtigste ist, dass das Vieh satt ist";

б) главный состав, от которого зависит предикативное предложение, выступает только с прямым порядком слов и содержит в качестве обязательных элементов подлежащее и связочный глагол: däi blɨft zi:n gaunsət le:və, vu:r-ɐ fon t'li:n op ve:ɐ "der bleibt sein ganzes Leben, wie er von klein auf war";

в) препозитивное главное предложение никогда не может быть введено безличным местоимением;

г) предикативное предложение, как правило, является постпозитивным, в то время как придаточное предложение подлежащее чаще стоит в препозиции.

2. 2. Союзные предикативные предложения. Союзное предикативное предложение в устной речи носителей говора полностью совпадает с предикативным предложением литературного языка. Единственным подчинительным союзом является daut "dass", но и этот союз встречается довольно редко:

daut dœmstə äs dœ:ɐbi:, daut mi: də komari zou šra:t'liç fəbi:tə ha:bə "das Dümmste ist dabei, dass mich die Stechmücken so sehr verbissen haben"; mi:n troust blɨft, daut ät' aulət jədounə ha: "mein Trost bleibt, dass ich alles getan habe"

В главном составе, независимо от его позиции, может выступать коррелятивное местоимение daut "das". Указательное местоимение в данном случае стоит под сильным ударением, значительно более сильном, чем в других видах придаточных предложений. Чрезвычайно сильное выделение коррелята, по-видимому, необходимо для того, чтобы отграничить его от следующего за ним однозвучного союза: daut šlämstə ve:ɐ mi: daut, daut ät' niç rụš kụn "das Schlimmste war mir das, dass ich nicht Russisch konnte".

В речи одного из учителей мы услышали также пример с союзом of "ob". При этом в главном составе был употреблен коррелят däi: də frǫ:Y äs däi, of vi: därç dəm däipən šnäi därçko:mə "die Frage ist die, ob wir durch den tiefen Schnee hindurchkommen". Но в речи других носителей говора мы этого союза не слышали. Поэтому есть основания полагать, что учитель употребил его под влиянием литературного языка.

Кроме того, мы записали два примера с союзом ous van "wie wenn". В главном составе этих сложных предложений употреблено коррелятивное наречие zou "so", что придает подчиненному составу сравнительный оттенок. Но наличие в главном составе связочного глагола и возможность опущения коррелятивного слова доказывают, что данные придаточные предложения относятся к предикативным:

daut ve:ɐ zou, ous van dǫ:ɐ bo:və ve:ɐ jäit "das war so, wie wenn da oben wer herumgeht"; daut ve:ɐ zou, ous van äin šve:vldoust'ə op-ə zi:d jəšta:ld vǫ:ɐd "das war so, wie wenn ein Zündholzkästchen auf die Seite gestellt wird"

2. 3. Относительные предикативные предложения. Этот вид предикативных предложений также не отличается существенно от соответствующего вида в немецком литературном языке. Из подчинительных слов чаще всего встречается относительное местоимение vaut "was":

däi jụŋ blịft ny:, vaut-ɐ ve:ɐ - än reibɐ "der Junge bleibt nun, was er war - ein Räuber"; ät' väl ụk vǫ:ɐrə, vaut mi:n broudɐ äs - l'otšik "ich will auch werden, was mein Bruder ist - Flieger"

Особенностью устной речи данного говора является то, что в ней содержание предикативного предложения, как правило, уточняется дополнительным именем существительным, введенным либо в придаточное, либо в главное предложения. Этот именной уточнитель, разумеется, необходим, когда участники беседы не знакомы с ситуацией, однако носители говора вводят его в предложение даже в беседах со своими односельчанами: ät' väl ụk šǫfɐ vǫ:ɐrə, vaut mi:n fǫ:dɐ äs "ich will auch Fahrer werden, was mein Vater ist"; däi äs dǫm, vụ:r-ɐ äs "der ist dumm, wie er ist"

Подчинительному vaut "was" в главном составе может соотвествовать коррелятивное местоимение daut "das":

vaut dy: ny: bäst, daut ve:ʁ ät' ɣk mol "was du nun bist, das war ich auch mal"

Кроме vaut "was" для подчинения предикативных предложений спорадически употребляются также относительные местоимения vounʁ "welcher" и ve:ʁ "wer". В качестве коррелятивных слов в этом случае выступают местоимения däi "die" и daut "das", но корреляция и при данных относительных местоимениях факультативна:

zänt daut, vounə vi: ze:t'ə "sind das, welche wir suchen?"; äs daut, vounəm dy: väst "ist das, welchen du willst?"; äs daut, ve:ʁ dəm apara:t jəbrǫxt ha:ft "ist das, wer den Apparat gebracht hat?"

Из подчинительных относительных наречий чаще всего встречается vu: "wie". Оно вводит предикативное предложение, которое замещает предикативное имя прилагательное. Корреляцию при подчинительном vu: мы не наблюдали:

də t'a:lvʁ zän jəble:və, vu:-zə də hǫ:ʁfst ve:rə "die Kälber sind geblieben, wie sie im Herbst waren"; na vu:ʁrǫm häit də kaut, vu: dy: häitst "na warum heisst die Katze, wie du heisst?"; häitst dy:, vu: di:n pa: häit "heisst du, wie dein Vater heisst?"

Своеобразны в говоре предикативные предложения, введенные относительным местоимением vaut "was" в сочетании с предлогом, употребляемое здесь вместо местоименных наречий. Эти предложения по своему содержанию являются описательными. Ими иносказательно описывается лицо или предмет, который говорящий по той или иной причине не желает называть. Так, например, взрослый носитель говора, державший в руке современный перочинный ножик, на вопрос любопытного мальчика vaut äs daut, ǫŋkəl "was ist das, Onkel?" ответил предложением daut äs, mät vaut ät' di: fu:ts də o:rə aufǎni:də vǫ:ʁ "das ist, womit ich dir gleich die Ohren abschneiden werde". Предикативные предложения после формулы daut äs "das ist" в говоре широко распространены.

2. 4. Бессоюзные предикативные предложения. Согласно В. Юнгу, в современном немецком литературном языке бессоюзные предикативные предложения не встречаются.[1] В рассматриваемом же говоре мы зафиксировали их.

Бессоюзные предикативные предложения подчинены главному составу не формально, а чисто логически; порядок слов в таких придаточных

---

1) W. Jung, Kleine Grammatik der deutschen Sprache, Leipzig 1955, S. 8.

предложениях, независимо от позиции, прямой:

onzə opgǫ:və ve:ʁ, vi: zʏlə de:m niç dǫ:ʁ ha:nlo:tə "unsere Aufgabe war, wir sollten die nicht da hinlassen"; ät' ha: onzə ja:nzt'ɨt'əl bytə äm hǫf jəlo:tə, daut ve:ʁ daut šlämstə "ich habe unsere Gänslein draussen im Hof gelassen, das ist das Schlimmste"

В первом из приведенных примеров предикативное предложение выступает довольно ясно: в препозитивном главном составе нет предикативного имени, оно замещено придаточным предложением. Сложнее определить вид придаточного предложения во втором примере. Препозитивное придаточное предложение соприкасается с придаточным предложением подлежащим. Однако, в устной речи эта двойственность устраняется интонационными средствами: "рема" высказывания выделяется из сложноподчиненного комплекса усиленным ударением и измененным интонационным рисунком.

В заключение заметим, что сложноподчиненные предложения с придаточными предложениями подлежащими и предикативными являются неотъемлемой частью синтаксической структуры устной речи носителей нижненемецкого говора Алтайского края.

Г. Г. ЕДИГ

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПРИДАТОЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В НИЖНЕНЕМЕЦКОМ ГОВОРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

I. Общие замечания

Как известно, термином "дополнительные придаточные предложения" обозначают все те части сложноподчиненного комплекса, которые модифицируют сказуемое ведущего члена с логико-вещественной стороны. Среди различных других видов модификации действия или состояния, выраженного в сказуемом главного состава сложноподчиненного комплекса, логико-вещественная характеристика, несомненно, занимает ведущее место. Это подтверждается также материалом, собранным нами в районе поселения носителей нижненемецкого говора на Алтае: здесь дополнительные предложения являются самым распространенным видом придаточных предложений. В наших полевых записях мы обнаружили 401 сложноподчиненный комплекс с придаточным дополнительным предложением, что составляет около 30,4% всех зафиксированных примеров.

Как и в современном немецком литературном языке, в рассматриваемом нижненемецком говоре дополнительное придаточное предложение может зависеть от изменяемой глагольной формы и от имени прилагательного, выступающего в функции предикативного члена главного состава:

räime väit aul, vou-re štrou zol ne:me "Reimer weiss schon, wo er Stroh nehmen soll"; vi: zän frou, daut vi: mol tys zän "wir sind froh, dass wir mal zu Hause sind"

По своей форме дополнительное предложение в говоре чаще всего является относительным; союзные и бессоюзные дополнительные предложения встречаются реже. Зафиксированные примеры в этом отношении распределяются так:

1) относительные дополнительные предложения	184	(45,5%)
2) союзные дополнительные предложения	126	(31,5%)
3) бессоюзные дополнительные предложения	92	(23,0%)

Эти различия в частотности встречаемости того или иного вида дополнительных предложений объясняются тем, что при относительной связи придаточное предложение несет больше информации, чем при других видах связи. Поэтому в говоре и развилось значительно больше подчинительных наречий и относительных местоимений, чем подчи-

нительных союзов.

В устной речи носителей говора союзное дополнительное предложение чаще всего находится в постпозиции по отношению к главному предложению. Это явление характерно также для немецкого литературного языка в целом, начиная с древнейших периодов. В самых ранних древневерхненемецких письменных памятниках союзное дополнительное предложение выступает только в постпозиции. Г. Мюллер и Т. Фрингс в своем исследовании о возникновении придаточных предложений с союзом "что" в немецком языке замечают по этому вопросу: "Лишь в той мере, как утрачивается чувство того, что thaz являлось первоначально дополнением к главному составу и thaz начинает восприниматься как обыкновенный союз, предложение с thaz может выступать также в препозиции по отношению к главному составу"[1].

Однако, в современном немецком литературном языке и особенно в немецких народных говорах до настоящего времени все же преобладает постпозиция союзного дополнительного предложения. Об этом свидетельствуют примеры из произведений Т. Манна, приводимые Г. Мюллер и Т. Фрингсом в указанном исследовании, а также материал, собранный нами в нижненемецком говоре Славгородского и Знаменского районов Алтайского края. Союзное дополнительное предложение в говоре выступает в препозиции лишь в тех случаях, когда говорящий делает его содержание "темой"[2] высказывания в сложноподчиненном комплексе, т.е. когда он рассматривает его как исходный пункт высказывания.

Для достижения указанной цели, однако, простая препозиция придаточного предложения недостаточна. При препозиции дополнительного предложения говорящий, как правило, резко изменяет весь интонационный рисунок в сложноподчиненном комплексе, выделяя усиленным ударением и более высокой мелодикой подчиненный состав. По нашим наблюдениям, носители говора пользуются препозицией союзного дополнительного предложения главным образом тогда, когда находятся в состоянии сильного эмоционального возбуждения.

Иначе обстоит дело, когда речь идет о дополнительных предложениях, введенных с помощью относительных слов. Этот вид предложений выступает в препозиции не только при эмоциональном возбуждении говорящего, но и в спокойной речевой обстановке. Более частая препозиция относительных дополнительных предложений по сравнению с союзными, по нашему мнению, объясняется тем, что

---

1) G. Müller und Th. Frings, Die Entstehung der deutschen dass-Sätze, Berlin 1959, S. 29.

2) K. Boost, Neue Untersuchungen zum Wesen und zur Struktur des deutschen Satzes, Berlin 1964, S. 60.

они более весомы по своему содержанию. Относительные слова - наречия и местоимения - сигнализируют не только о подчинении одной части предложения другой, как это имеет место у союзов, но выполняют одновременно функцию членов предложения подчиненного состава: подлежащего (wer, was), дополнения (wessen, wem, wen, was), обстоятельства (wo, wohin, woher, wie lange, wann, wozu). По этой причине относительные дополнительные предложения чаще выступают в функции исходного пункта высказывания.

Однако, несмотря на относительную свободную позицию предложений, подчиненных с помощью относительных местоимений, в устной речи носителей говора дополнительное предложение все же в основном выступает в функции "ремы"[1], так как обычно содержит ядро высказывания. В зафиксированных нами примерах в 375 сложноподчиненных предложениях дополнительное предложение стоит в постпозиции, что составляет около 94% от общего числа. В препозиции оно стоит лишь в 26 сложноподчиненных предложениях, что составляет около 6% от общего числа. Интерпозиция дополнительного предложения в устной речи носителей говора нами не зафиксирована.

2. Союзные дополнительные предложения

Из союзов, используемых в говоре для подчинения дополнительных предложений главному составу, нами зафиксированы следующие: daut "dass", o(u)f "ob", ous "als", bat (bot) "bis". Самым распространенным из них является союз daut"dass". С помощью этого союза главному составу подчинено 79 дополнительных предложений из 126 союзных, то есть 62,8%. Затем по частотности следуют союзы: of "ob" (35 примеров или 27%), ous "als" (6 примеров или 5,1%) и bat "bis" (6 примеров или 5,1%).

Союз "dass" в немецком языке с древнейших времен является основным союзом для подчинения дополнительных предложений.[2] В рассматриваемом нижненемецком говоре он в этой функции сохранился, как и в большинстве других немецких народных говоров[3].

Как и в современном немецком литературном языке, в устной речи носителей говора дополнительное предложение чаще всего зависит от глагольного сказуемого главного состава:

zäi jläift niç, daut däi daut äs "sie glaubt nicht, dass das der ist"; däi viste gout, daut vi: daut ve:rə "die wussten gut, dass wir das waren"

---

1) K. Boost, Neue Untersuchungen zum Wesen und zur Struktur des deutschen Satzes, Berlin 1964, S. 60.

2) G. Müller und Th. Frings, Die Entstehung der deutschen dass-Sätze, Berlin 1959.

3) J. Schiepek, Der Satzbau der Egerländer Mundart, Prag 1899.

Дополнительные предложения, зависящие от имени прилагательного в функции предикативного члена главного состава, встречаются значительно реже:

no: ve:ɐ ät' tufre:d än mi:, daut ät' no hys kʏn "dann war ich in mir zufrieden, dass ich nach Hause konnte"; zi: frou, daut-ət ʏy: ɶm äs "bin froh, dass es nun vorbei ist"

При союзе daut "dass" в главном составе сложноподчиненного предложения редко встречаются обобщающие указательные слова. Среди 79 сложноподчиненных комплексов с придаточным дополнительным предложением, введенным с помощью этого союза, имеется лишь несколько, в которых содержание подчиненного состава в главном предвосхищается или обобщается указательным словом. В качестве коррелятивного элемента в говоре обычно употребляется указательное местоимение daut "das". Коррелятивное слово в главном составе может стоять в пост-, интер- и препозиции:

än dan rɪk't də vʏlf daut, daut də kɶzəmʏtɐ äm vault ve:ɐ "und dann roch der Wolf das, dass die Ziegenmutter im Wald war"; däi haud daut aul jəhi:əd, daut də vi:əd ha:ft zi:nə bräidɐ bəštoulə "der hatte das schon gehört, dass der Wirt seine Brüder bestohlen hat"

Наиболее сильное обобщение и указание на содержание придаточного предложения наблюдается при препозиции соотносительного слова. В этом случае указательное местоимение несет усиленное ударение и на нем резко повышается тон. Подобной конструкцией главного состава говорящий подчеркивает, что придает особо важное значение содержанию придаточного предложения:

daut väit vi:, daut ji: nɪç mäiɐ trɪd'ko:mə "das wissen wir, dass ihr nicht mehr zurückkommt"; daut vɶ:ɐ ät' mɶ:kə, daut dy: t'rɪçst "das werde ich machen, dass du bekommst"; daut äs mi: aul e:vɐ, daut däi ämɐ šrɪçt e:vɐ mi: "das ist mir schon überdrüssig, dass der immer auf mich schreit"

Кроме указанного указательного местоимения в говоре в качестве коррелятивных слов нередко используются различного рода местоименные наречия с указательным значением:

ät' haud mi: oubɐ nɪç dɶ:ɐrɶp räid jəmɶ:kt, daut ät' bi: zoun va:dɐ än bʏršteivl ve:ɐ "ich hatte aber nicht daran gedacht, dass ich bei so einem Wetter in Filzstiefeln bin"

Коррелятивный элемент иногда вводится также в постпозитивное главное предложение с целью выделения и обобщения содержания препозитивного придаточного предложения. Обобщение и в данном случае несет особо подчеркнутый характер:

daut däi-ət haud, daut vịst ät' "dass der es hatte, das wusste ich" daut dy: äns dǫ:ɐ bäst, daut ha: ät' aul jəhi:əd "dass du immer da bist, das habe ich schon gehört"

Дополнительные придаточные предложения, вводимые с помощью союза daut "dass", в устной речи носителей говора часто выступают без главного состава, особенно в тех случаях, когда говорящий отвечает на вопрос своего собеседника. Дело в том, что окружающая обстановка нередко создает общую для всех собеседников речевую ситуацию, которая позволяет каждому из них в отдельности предполагать у остальных некоторые детали как известные всем участникам беседы. Эти известные элементы, как правило, уже даны в вопросе одного из участников беседы и поэтому в ответе нет надобности повторять их:

vaut väitst dy: fon mi:, za:j mol, vaut väitst dy:? - daut dy: va:dɐ rǫmjədre:və ha:st "was weisst du von mir, sage mal, was weisst du? - dass du dich wieder herumgetrieben hast"; vaut väst dy: mǫɐ va:dɐ fon mi:? - daut štäl bäst "was willst du nur wieder von mir? - dass du still bist"

Однако элемент, который говорящим мыслится как известный всем участникам беседы, не обязательно должен быть предварительно задан в вопросе. Он может логически вытекать из сложившейся ситуации, и говорящий может предоставить своим слушателям примыслить главный состав предложения. В таких случаях слушатели, разумеется, вольны варьировать содержание главного состава, но семантическое ядро, обусловленное данной ситуацией, при всех возможных вариациях остается неизменным. Так, например, один из носителей говора, наблюдавший, как два работника совхоза безуспешно пытаются вытащить из грязи застрявший в ней грузовик, заявил своим собеседникам: daut däi mǫɐ nịç žerd'ə ụn'ɐla:jə "dass die nur keine Latten unterlegen", что, по всей вероятности, должно было означать: ich wundere mich (es wundert mich, ich bin verwundert, es ist nicht klug), dass die keine Latten unterlegen.

Приведённые выше синтаксические единицы характеризуются смысловой и структурной синсемантией. Главный состав, несмотря на его смысловую расплывчатость, всё же каждым из собеседников субституируется. Но иногда общность ситуации настолько универсальна, что чувство смысловой и структурной недостаточности носителями языка полностью утрачено. Главный состав уже никем больше не субституируется, а подчинённый состав изолируется во все большей степени и в конечном счете перестает восприниматься как придаточное предложение: оно превращается в простое повелительное или восклицательное предложение. Другими словами, в этом случае синсемантическая по природе языковая единица превращается в автосемантическую. Таких

примеров в рассматриваемом говоре довольно много:

än daut ji: mi: nɨç də Ku:gəlt'əs fom daumpʁt fətǫzə "und dass ihr mir die Kügelchen vom Motorrad nicht verschleppt!"; daut ät' di: uk dǫ:ʁ mɨst zäinə "dass ich dich auch da sehen musste!"

Древнегерманский союз of "ob" в говоре также сохранился. С его помощью чаще всего вводятся дополнительные придаточные предложения, зависящие от глагола вопроса:

dǫ:ʁ fru:x ät' de:ʁ, ouf hi:ʁ däs vâ:ç räçtiç ve:ʁ "dann fragte ich die, ob dieser Weg hier der richtige sei"; mät äimo:l t'ämt də väləm aunjəra:nd än frâ:çt mi:, of ät' dəm ji:əd nɨç hɨn'ʁve:js jətrǫfə ha:b "auf einmal kommt der Wilhelm angerannt und fragt mich, ob ich den Gerhard unterwegs nicht getroffen habe"

Однако, в данном говоре дополнительные предложения, вводимые с помощью союза of "ob", могут зависеть также от глаголов чувства, знания и воли. Придаточные предложения, зависящие от глаголов чувства, могут сочетаться с главным составом в утвердительной и отрицательной формах:

än dan zâ:çt də mɨtʁ, zǫl go:nə t'ɨt'ə, of də groutmɨtʁ nǫx jəzɨnt äs "und dann sagte die Mutter, sie soll gehen nachsehen, ob die Grossmutter noch gesund ist"; däi za:x nɨç, of ät' jədrɨn't'ə haud "der sah nicht, ob ich getrunken hatte"

Придаточные предложения, зависящие от глаголов знания и воли, в говоре обычно сочетаются с главным составом в отрицательной форме; в сочетании с главным составом в положительной форме они встречаются очень редко:

də fry: vɨst nɨç, of-zə hi:lə oudʁ la:xə zǫl "die Frau wusste gar nicht, ob sie weinen oder lachen soll"; ät' fəla:ŋ jo: nɨç, of dy: väst oudʁ nɨç "ich verlange ja nicht, ob du willst oder nicht"

В северной части диалектного района в сложных предложениях с придаточным дополнительным часто смешиваются союзы of "ob" и ous "als". Это смешение, по всей вероятности, происходит потому, что эти союзы мало отличаются друг от друга по своей звуковой форме. В речи одного и того же носителя говора здесь можно услышать оба варианта, иногда даже в одном и том же предложении:

dan fru:x ät' mi:nə mɨtʁ, ous daut vǫlt'ə ve:rə "dann fragte ich meine Mutter, ob das Wolken seien"; frâ:çt mi: fu:ts, ous ät' de:m ɨk dǫ:ʁ jəzäinə ha: "fragt mich gleich, ob ich den auch da gesehen habe"

Кроме указанного смешения союзов of "ob" и ous "als" в говоре еще наблюдается смешение относительного наречия vu: "wie" с союзом ous "als". Тем самым дополнительное предложение переходит из

категории относительных в категорию союзных предложений. Носители говора, в общем, проводят довольно последовательно различие между союзом "wie" литературного языка и омонимичным относительным наречием. Сравнительный союз "wie" в говоре выступает в форме ous "als" (из срнн., срвн. alsô = ganz so wie): t'ämt aunjəra:nd ous n vɨlɐ "kommt angerannt wie ein Wilder"; относительное наречие wie, напротив, выступает только в форме vu: "wie" (из срнн., срвн. wie "wie"): väit-ɐ, vu: ät' hăit "weiss er, wie ich heisse?"[1]. Таким образом, никакого смешения не должно было бы быть: ous "als" следовало бы ожидать в сравнительных словосочетаниях, а vu: "wie" - во всех остальных случаях. Однако в деревне Шумановке часто употребляется союз ous "als" вместо относительного наречия в дополнительных предложениях, зависящих от глаголов чувства, особенно от глагола zäinə "sehen":

mäinst, ät' za:x nɨç fu:ts, ous də ǫŋkəl dəm apara:t de:d aunšly:-tə "meinst, ich sah nicht sofort, wie der Onkel den Apparat anschloss?"; däi ha: jəzäinə, ous-ɐ-rət noum "die haben gesehen, wie er es nahm"

Смешение относительного наречия со сравнительным союзом спорадически слышится и на остальной части территории распространения говора, особенно в речи представителей младшего поколения. Представители старшего поколения утверждают, что смешение происходит вследствие небрежности в языковом выражении, особенно со стороны молодежи, но мы наблюдали его также в их собственной речи. Надо полагать, что смешение союза ous "als" и относительного наречия vu: "wie" вызвано влиянием на говор немецкого литературного языка и окружающих верненемецких говоров, в которых эти подчинительные слова строго разграничиваются.

Употребление союза bat (bǫt) "bis" для подчинения дополнительных предложений ограничивается одним случаем: он выступает лишь в сложных предложениях, сказуемое которых выражено глаголом va:xtə "warten". Кроме того, в подобных предложениях главный состав содержит в числе второстепенных членов как обязательный элемент уточнитель времени. Само собой разумеется, что такие придаточные предложения сохраняют известный временной оттенок. Но поскольку временной фактор предвосхищен в главном составе, то подчиненный состав легко переходит из категории временного в категорию логико-вещественного уточнителя:

dǫ:ɐ mǫtə ji: la:ŋ va:xtə, bat dăi jy:nt dəm šle:tl briŋ't "da müsst ihr lange warten, bis der euch den Schlüssel bringt"

---

[1] Ср. A. Lübben, Mittelniederdeutsches Handwörterbuch, Norden/Leipzig 1888; M. Lexer, Mittelhochdeutsches Handwörterbuch, Leipzig 1956.

Придаточным предложениям, введенным с помощью союзов ous "als", of "ob", bat "bis", в главном составе может соответствовать коррелятивный элемент - местоимение или наречие с указательным значением. Но корреляция в этих сложноподчиненных предложениях, как правило, наблюдается лишь в главных составах с отрицательным значением. Только при союзе ous "als" коррелятивный элемент встречается также в главных составах с положительным значением:

daut väit t'äin mänš, of-ɐ løst dø:ɐtou ha:ft oudɐ niç "das weiss kein Mensch, ob er Lust dazu hat oder nicht"; än də patsa:n za:x daut, ous-ɐ daut pi:əd yt-m təby:n le:də de:d "und der Junge sah das, als er das Pferd aus der Herde führte"; də traktoristə mystə än gaunsɐ mounat dø:ɐrøp va:xtə, bat zə-m traktə rytjəhoult haudə "die Traktoristen mussten einen ganzen Monat darauf warten, bis man den Traktor herausgeholt hatte"

3. Относительные дополнительные предложения

Выше уже было указано, что относительные предложения являются наиболее распространенным видом дополнительных предложений в говоре. Как и в современном немецком литературном языке, в говоре в качестве подчинительных слов используются различные относительные местоимения и наречия.

Из относительных местоимений в функции подчинительного слова в рассматриваемом говоре чаще всего встречается местоимение vaut "was". Мы обнаружили его в 64 сложноподчиненных предложениях, что составляет около 81% всех зафиксированных примеров. Данное местоимение выполняет в предложении одновременно функции субъекта или объекта:

dan vɥst ät' ɥk, vaut dø:ɐ lous ve:ɐ "dann wusste ich auch, was da los war"; dan fru:ɣə vi: a:m, vaut däi fon ønsvɥlə "dann fragten wir ihn, was die von uns wollten"

Содержание дополнительного предложения, введенного относительным местоимением vaut "was" может быть обобщено в главном составе коррелятивным указательным местоимением daut "dass". В препозитивном главном составе коррелятивное слово обычно стоит на последнем месте, в постпозитивном, наоборот, оно может стоять только на первом месте:

ät' vɥl blous daut, vaut ät' mi: fədäind haud "ich wollte bloss das, was ich mir verdient hatte"; vaut däi mi: jəzâ:çt ha:ft ny:, daut dø:ɐf t'äin mänš niç väitə "was der mir nun gesagt hat, das darf kein Mensch wissen"

Заслуживает внимания тот факт, что в относительных сложноподчиненных предложениях, в которых дополнительное предложение введено с помощью местоимения vaut "was", часто наступает двойная

корреляция. При этом первое указательное слово стоит в начале придаточного предложения, предвосхищая его содержание, второе – в начале главного предложения, обобщая содержание придаточного предложения. При двойной корреляции дополнительное предложение всегда стоит в препозиции, при постпозиции подчиненного состава мы ее не зафиксировали:

än daut, vaut ät' dǫ:ɐ fi̯n'ə kʉ̯n, daut gouf ät' də t'i̯n'ɐ "und das, was ich da finden konnte, das gab ich den Kindern"; än daut, vaut-ɐ äm štaul ha:ft, daut väl-ɐ ni̯ç je:və "und das, was er im Stall hat, das will er nicht geben"

По нашим наблюдениям, носители говора прибегают к двойной корреляции в тех случаях, когда хотят особо выделить содержание придаточного предложения. При препозиции дополнительного предложения коррелятивный элемент, стоящий в начале главного состава, недостаточен для выделения содержания придаточного предложения, так как он является скорее обобщающим словом, чем указательным. Поэтому в сложное предложение вводится второй коррелятивный элемент с предвосхищающе-указательным значением. Взаимодействие этих двух коррелятивных местоимений – предвосхищающе-указательного и обобщающе-указательного – приводит к сильной акцентуации содержания придаточного предложения. Возможно, что явление двойной корреляции вызывается известными ритмическими причинами: ею достигается четкое разложение сложноподчиненного предложения на две корреспондирующие ритмические части с сильно ударенным начальным элементом.

По сравнению с другими относительными предложениями дополнительные предложения, введенные с помощью союза vaut "was", довольно часто стоят в препозиции по отношению к главному составу. По нашим наблюдениям, препозиция обязательна во всех случаях, когда содержание подчиненного состава, с точки зрения говорящего, более весомо, чем содержание главного состава. Акцентуация содержания подчиненного состава, как уже было указано выше, достигается тем, что в главный состав или в оба состава вводятся соответствующие коррелятивные слова и изменяется весь ритмо-мелодический рисунок сложноподчиненного предложения. Так, например, в предложении vaut mi: än-ə hän' t'ämt, daut t'ri̯çst dy: ʉ̯k aum kǫp "was mir in die Hände kommt, das kriegst du auch an den Kopf" основное внимание говорящего сконцентрировано на содержании придаточного предложения, в то время как содержание главного состава играет подчиненную роль.

Подчинение дополнительных предложений с помощью относительного местоимения ve:ɐ "wer" в говоре встречается значительно реже. Мы зафиксировали лишь 13 придаточных предложений, подчиненных с помощью этого местоимения, что составляет около 16,5% от общего чи-

сла относительных дополнительных предложений. В сложноподчиненном комплексе этот вид придаточных предложений, как правило, стоит в постпозиции по отношению к главному составу:

t'ɨt' mol, ve:ʁ dǫ:ʁ aulʁ bänə äs "sieh mal nach, wer da als drinnen ist"; väitst niç, ve:ʁ mi:nə pɨtš jəno:mə ha:ft "weisst nicht, wer meine Peitsche genommen hat?"

В препозиции они стоят лишь в тех случаях, когда их содержание является исходным пунктом высказывания. При этом препозитивное дополнительное предложение, подчиненное с помощью относительного местоимения ve:ʁ "wer", как правило, нуждается в опорном коррелята в главном составе. В качестве соотносительных слов используются указательные местоимения daut "das" и däi "der, die". Первое из них имеет обобщающе-абстрактное, второе - указательно-конкретизирующее значение:

ve:ʁ dǫ:ʁ aulʁ zout, ha: ät' niç jəzäinə "wer da als sass, habe ich nicht gesehen"; ve:ʁ mi: daut ha:ft jəje:ft, daut za:j ät' jy:nt niç "wer mir das gegeben hat, das sage ich euch nicht"; ve:ʁ -ət hǫlt jəhoult ha:ft, däi mǫt-ət ɥk aufje:və "wer das Holz geholt hat, der muss es auch abgeben"

В соответствии с функцией дополнительного предложения в сложноподчиненном комплексе, обобщающие его содержание коррелятивные слова в главном составе также выступают в функции дополнения. При этом местоимение däi "der" может стоять либо в форме дательного падежа, либо в форме общего объектного падежа, а местоимение daut "das" - только в форме объектного падежа[1]:

ve:m ät' ha:lp, de:m äs jəhǫlpə "wem ich helfe, dem ist geholfen"; ve:ʁ mi: zount zä:çt, däi ha: ät nɥšt tu za:jə "wer mir so etwas sagt, dem habe ich nichts zu sagen"; ve:ʁ daut ve:ʁ, daut väit ät' niç "wer das war, das weiss ich nicht"

Из косвенных падежей относительных местоимений ve:ʁ "wer" и vaut "was" сохранился лишь дательный падеж местоимения ve:ʁ "wer", который, однако, неустойчив и нередко заменяется общим объектным падежом; местоимение vaut "was" выступает только в форме общего объектного падежа:

ät' kaun niç fəšto:nə, ve:m dy: dǫ:ʁ zä:k'st "ich kann nicht verstehen, wen du da suchst"; ät' väit dǫx niç, ve:ʁ dy: daut jəje:ft ha:st "ich weiss doch nicht, wem du das gegeben hast"; t'ämt ǫŋkəl fɥŋk aun än šriçt, vaut də di:vəl ät' dǫ:ʁ väl "kommt Onkel Funk an und schreit, was der Teufel ich da wolle"

---

[1] H. Jedig, Laut- und Formenbestand der niederdeutschen Mundart des Altai-Gebietes, Berlin 1966, S. 79 - 80.

Родительный падеж относительных местоимений ve:ɐ "wer" и vaut "was", как и в других немецких говорах, в описываемом говоре утрачен. Он обычно заменяется формой дательного падежа в сочетании с притяжательным местоимением zi:n "sein":

zäi za:x nɨç râ:çt, ve:m zi:n pi:ət daut ve:ɐ "sie sah nicht recht, wem sein Pferd das war"; za:j mol, ve:m zi:n t'ɨnt bäst dy: "sage mal, wem sein Kind bist du"

Кроме того, родительный падеж может быть описан с помощью местоимения ve:ms, представляющего собой стяжение из формы дательного падежа ve:m "wem" и притяжательного местоимения zi:n "sein". Но у нас имеется лишь несколько примеров с этой формой. Она, по-видимому, еще находится в стадии становления:

zâ:çt mol, ve:ms t'ɨn'ɐ zän nǫx zou šlâ:çt "sagt mal, wessen Kinder sind noch so schlecht"; dan frâ:çt-ɐ mi: fu:ts, ve:ms štäivl daut zän "dann fragt er mich gleich, wessen Stiefel das seien"

Для подчинения дополнительных предложений в говоре используются также относительные местоимения vounɐ "welcher" и vaut fäɐ äin "was für ein".

Местоимение vounɐ "welcher" употребляется редко. В устной речи оно обычно выступает без управляющего имени, так как содержание последнего раскрывается из контекста и ситуации. В мужском роде местоимение vounɐ выступает в форме именительного и дательного падежей, винительный падеж заменяется дательным; в женском и среднем роде, напротив, оно стоит только в форме объектного падежа, совпадающего с именительным:

frɨ:x, vounɐ t'ämt "fragte, welcher kommt"; za:j, vounəm ha:st no hys jətǫzd "sage, welchen hast nach Hause geschleppt"; vaut vɨst ät', vount jy:nt dǫ:ɐ ve:ɐ "was wusste ich, welches euer da war"; ät' kaun ne:mə, vount ät' väl "ich kann nehmen, welches ich will"

Немного чаще встречается относительное местоимение vaut fäɐ äin "was für ein", потому что носители говора иногда употребляют его вместо vounɐ "welcher". В качестве подчинительного элемента оно нами зафиксировано лишь в разъединенном употреблении: между частями обычно помещается подлежащее, иногда подлежащее в сочетании с наречием:

ät' väit nɨç, vaut dy: blous fär-ən dǫmkǫp bäst "ich weiss nicht, was du nur für ein Dummkopf bist"

Но нормой для рассматриваемого говора следует считать усеченный вариант vaut fäɐ "was für", который употребляется здесь не только во множественном, но и в единственном числе. Усеченный вариант тоже может быть разъединен на составные части различными членами предложения:

dan fəta:ld-ʁ dəm ǫŋkəl, vaut fäʁ e:zl häi haud "dann erzählt er dem Onkel, was für Esel er hatte"; vaut də hauns mǫʁ fäʁ mänš äs, kaun ät' niç fəšto:nə "was der Hans nur für ein Mensch ist, das kann ich nicht verstehen"

Очень распространены в говоре дополнительные предложения, введенные с помощью относительных наречий. По частотности первое место среди них занимает наречие vu: "wie". Мы обнаружили его в 55 сложных предложениях, что составляет 53% от общего числа.

По отношению к главному составу дополнительные предложения, введенные посредством относительного наречия vu: "wie", обычно стоят в постпозиции, препозиция встречается реже:

ny: vǫ:ʁ ät' nǫx fəta:lə, vu: vi: də vintʁ fe:bšta:lə fu:rə "nun werde ich noch erzählen, wie wir im Winter vorstellen fuhren"; än vu:-zə mi: dan ha: rytjəbrǫxt yt-m vault, väit ät' niç "und wie man mich dann aus dem Wald herausgebracht hat, weiss ich nicht"

Второе место по частотности занимает относительное наречие vou "wo". Таких примеров в наших записях оказалось 36, что составляет около 34,6% от общего числа:

za:j mi: mol fu:ts, vou dy: daut ǫpjəjre:pə ha:st "sage mir mal sofort, wo du das aufgegriffen hast"

Наречие van "wann" встречается редко. Мы обнаружили его лишь в 5-ти примерах, что составляет приблизительно 5,8%:

ha:st niç jəhi:əd, van-zə fondǫ:γ ko:lə brin'ə vǫ:ʁrə "hast nicht gehört, wann man heute Kohle bringen wird?"

Корреляция в сложных предложениях с относительными наречиями встречается редко. Она, как правило, наступает лишь при сильном эмоциональном возбуждении говорящего. Дополнительное предложение в таких случаях стоит в препозиции, а его содержание в главном составе обобщается с помощью коррелятивного местоимения daut "das":

vu:-zə de:m ha: ha:njəšauft, daut väit t'äin mänš "wo man den hingeschafft hat, das weiss kein Mensch"; vu: də pətrounə ve:rə, daut vist dan nǫx t'äin mänš niç "wie die Patronen waren, das wusste damals noch kein Mensch"; van däi nǫx mol trid't'ämt, daut väit t'äin mänš niç "wann der noch mal zurückkommt, das weiss kein Mensch"

Подчинительные местоименные наречия в говоре обычно заменяются сочетанием предлога с местоимением vaut "was". Это явление характерно для всех немецких говоров:

vi:z mol, mät vaut dy: daut jəmǫ:kt ha:st "zeige mal, mit was du das gemacht hast"; vu:-ʁ daut he:ʁ ha:ft, väit ät' jo: niç, oubʁ də maun bəšauft daut "wo er das her hatte, weiss ich ja nicht, aber der Mann besorgte das"

В отличие от верхненемецких говоров в описываемом нижненемецком говоре употребляются также и местоименные наречия. Особенно часто их можно услышать в речи представителей старшего поколения. Но местоименные наречия здесь не являются едиными словами. Подобно составным местоимениям их части разделяются подлежащим, а иногда подлежащим в сочетании со второстепенными членами:

vɪst t'äinɐ nɪç, vou vi: daut mät mǫ:kə "wusste niemand, wo wir das mit machen"; ha:st jəhi:əd, vou daut därç jəko:mə äs "hast gehört, wo das durch gekommen ist"

Раздельно употребляются иногда также подчинительные наречия vouha:n "wohin" и vouhe:ɐ "woher". Но наречие vouhe:ɐ "woher" в говоре обычно заменяется сочетанием предлога fon "von" и наречия vou "wo":

väit nɪç, vou däi ha:n äs "weiss nicht, wo der hin ist"; t'ɪt' mol, vou däi he:ɐ t'ämt "sieh mal, wo der her kommt"; vi: vɪstə nɪç, fon vou də štäm tu hi:ərə ve:ɐ "wir wussten nicht, von wo die Stimme zu hören war"

IУ Бессоюзные дополнительные предложения

Подчинение дополнительных предложений без союзных слов, т.е. чисто логическое подчинение, в рассматриваемом говоре широко распространено. Среди записанных нами примеров имеется 92 сложноподчиненных предложения без союзного элемента, что составляет около 23% от общего числа зафиксированных дополнительных предложений.

Широкое использование чисто логического подчинения дополнительных предложений объясняется двумя причинами. Во-первых, тем, что носители говора имеют в своем распоряжении дополнительные средства для выражения подчинительной связи, а именно интонацию. Во-вторых, стремлением к экономии языковых средств. Структура простого предложения, которую обнаруживают логически подчиненные дополнительные предложения, менее сложна, чем структура союзного придаточного предложения. При построении формально-логически подчиненного предложения говорящий всякий раз должен иметь ясное представление о природе взаимоотношения между главным и подчиненным составами, а также иметь ввиду порядок слов, исторически сложившийся в таких предложениях. Все это требует от него дополнительного умственного напряжения и, следовательно, расхода языковых средств. Носители говора же имеют возможность при языковом выражении мысли идти по пути наименьшего сопротивления, так как тотчас же могут определить, понимают ли их собеседники или нет. Поэтому они и прибегают так часто к чисто логическому подчинению предложений.

Как известно, в современном немецком литературном языке бессоюзное дополнительное предложение не всегда подчинено главному составу чисто логически. Логическое подчинение во многих случаях

поддерживается различными формальными средствами как, например, регулярной постпозицией придаточного предложения, иногда формой наклонения глагола: Ich weiss, du hast alles getan, um ihm zu helfen, но: Er behauptet, er habe alles getan, um ihm zu helfen. В первом из этих примеров признаком подчинения является постпозиция придаточного предложения, во втором - постпозиция и форма сослагательного наклонения глагола.

В описываемом нижненемецком говоре эти вспомогательные средства формального подчинения играют значительно меньшую роль. Позиция бессоюзного дополнительного предложения, например, менее строго регламентирована, оно может стоять также в препозиции; форма наклонения глагола во всех случаях одна и та же - изъявительное:

dy: ve:ɛšt daut niç, ät' väit aul "du warst das nicht, ich weiss schon"; häi ha:ft daut niç jəzäinə, zä:çt-ɐ "er hat das nicht gesehen, sagt er"

Разумеется, препозитивные бессоюзные дополнительные предложения в говоре встречаются реже, чем постпозитивные, но тот факт, что в живой речи они могут быть препозитивными, свидетельствует о том, какое большое значение для подчинительной связи в данном случае отводится интонации. Препозитивные бессоюзные предложения, как правило, встречаются в эмоционально окрашенной речи, т. е. в тех случаях, когда говорящему вследствие эмоционального возбуждения ситуацией "навязывается" прежде всего содержание "ремы" высказывания.

На дополнительное бессоюзное предложение, независимо от позиции, в главном составе может быть указано коррелятивным элементом - указательным местоимением:

daut ve:rə-zə, daut za:x ät' ɥk fu:ts "das waren sie, das sah ich auch gleich"; daut kaunst dy: di: dän't'ə, däi äs dǫ:ɐ än zypt "das kannst du dir denken, der ist da und säuft"

В подобных сложных предложениях, на наш взгляд, носители говора не ощущают больше тесную связь между главным и подчиненным составами. Об этом свидетельствует довольно большая пауза, отделяющая их друг от друга. Коррелятивное слово в подобных предложениях как бы перестает быть связывающим элементом, оно приобретает изолирующую функцию, так как не выделяется усиленным ударением. Таким образом указательное местоимение превращается в обычный член главного состава.

Коррелятивные элементы, используемые в сложноподчиненном предложении, двойственны по своей природе. С одной стороны, они, в силу их широкого содержания, привносят в главный состав смысловую синсемантию[1], которая должна быть восполнена из ситуации, предше-

---

[1] Е. В. Гулыга, Некоторые вопросы теории сложноподчиненного предложения. Ин. яз. в школе, I, Москва, 1968.

ствующего контекста или содержания придаточного предложения. С другой стороны, они, несмотря на избыточность смысловой структуры, в формально-структурном отношении устраняют неполную предикативную линию главного состава. Этим обстоятельством как раз и объясняется возможность широкой сепаратизации в устной речи как главного, так и подчиненного состава сложного предложения.

Кроме того, коррелятивные слова в предложении выполняют также функцию смысловой актуализации: являясь частью препозитивного главного состава, они как бы перемещают "рему" высказывания в "тему"; входя в состав постпозитивного главного предложения, они, наоборот, перемещают "тему" высказывания в "рему". В сочетании с интонацией, такие перемещения создают возможность смыслового выделения подчиненного состава.

Носители описываемого говора довольно скупы в употреблении указательных коррелятов. Для них они являются не функционально-стилистическими, а скорее функционально-семантическими элементами предложения, которые помогают им более четко и определенно высказать свою мысль, выделить из сложноподчиненного комплекса то, что наиболее существенно. Важность того или иного элемента высказывания определяет место коррелятивного слова в предложении: если ядром высказывания является сказуемое главного состава, то коррелятивное местоимение занимает в нем место возможно ближе к концу; если же ядром высказывания является содержание придаточного предложения, то оно выдвигается в главном составе на первое место.

У.Косвенная речь

Под термином "косвенная речь" мы понимаем передачу предшествовавшего чужого или собственного высказывания в форме зависимого предложения. Термин, таким образом, включает явления четырех видов, а именно: собственно косвенную речь, косвенный вопрос, косвенный приказ и косвенную просьбу.

I. Собственно косвенная речь

Косвенная речь в более узком смысле в данном говоре может быть передана дополнительным предложением с союзом daut "dass", которое зависит от глаголов za:jə "sagen" и fəta:lə "erzählen" главного состава:

i:əšt ze:d-it', daut ãt' mǫt bəzǫrjə go:nə "zuerst sagte ich, dass **ich das Vieh versorgen gehen muss"**; **dan fəta:ld-ɐ mi:, daut ji: mi: ha:lpə vãlə "dann erzählte er mir,** dass ihr mir helfen **wollt"**

Чаще всего, однако, косвенная речь в говоре выступает в форме **бессоюзного дополнительного предложения.** Среди 66 предложений-образцов имеется **лишь** 9 союзных дополнительных предложений:

zâ:çt-ɐ tu dəm aulən, hãi vǫl zälfst fri:ə "sagt er zu dem Alten, **er wolle selbst freien"**

Дополнительное предложение, выражающее содержание косвенной речи, часто стоит в препозиции по отношению к авторской речи. В подобных предложениях косвенная речь иногда производит впечатление прямой, особенно в тех случаях, когда в предложении нет смещения лиц. Но она узнается по повышающейся к концу подчиненного состава интонации, иногда по прямому порядку слов в постпозитивном главном составе:

kaun daut nɨç aulət tǿzə, ät' ze:d "kann das nicht alles schleppen, ich sagte"; vi: vălə mol ryta go:nə ăn no: də pi:əd t'ɨt'ə, vi: ze:d "wir wollen mal hinaus gehen und nach den Pferden sehen, wir sagten"

Своеобразный переход от прямой речи к косвенной наблюдается в тех примерах, в которых в бессоюзном придаточном предложении нет подлежащего. Здесь косвенная речь узнается только в контексте. Но в некоторых предложениях на нее указывает окончание глагола и смещение временных форм. Так, например, предложение zâ:çt, haud nɨç tit "sagte, hatte keine Zeit" можно было бы рассмотреть как прямую речь (er sagte: ich hatte keine Zeit). Однако, контекст и ситуация позволяют безошибочно установить, что в данном предложении мы имеем дело с косвенной речью (na, t'ämt-ʁ? - näi, zâ:çt, haud nɨç tit "na, kommt er? - nein, sagt, er habe keine Zeit). Дополнительным средством, сигнализирующим появление косвенной речи, является то, что действие вопросительного предложения относится к плоскости будущего времени, а действие придаточного предложения в ответе - к плоскости прошедшего времени.

В говоре косвенная речь от прямой строго не отграничена. Мы часто слышали, как носители говора переходят от одной формы к другой. Этот переход, как правило, наблюдается тогда, когда для передачи чужого высказывания требуется более одного придаточного предложения. При этом первое придаточное предложение выступает носителем косвенной, последующие части - носителями прямой речи:

də prədsəda:t'əl zâ:çt, daut-ət nǿx tu naut ve:ʁ, ăn vi: t'e:nə nǿx nɨç zăiə "der Vorsitzende sagt, dass es noch zu nass sei, und wir können noch nicht säen"

Переход от косвенной речи к прямой и наоборот наблюдается часто после вводных слов näi "nein" и jo: "ja":

näi, zâ:çt-ʁ, häi văl nɨç go:nə "nein, sagte er, er will nicht gehen"; jo:, zâ:çt-zə, ät' haud me:l fəkǿft "ja, sagte sie, ich (sie) habe Mehl verkauft"

Как уже было указано выше, косвенная речь может предшествовать авторскому тексту или следовать за ним. Но у многих носителей говора наблюдается склонность к повторению авторского текста, и косвенная речь, таким образом, оказывается обрамленной им:

zâ:çt də aulə, häi văl švi:n šla:xtə, zâ:çt-ʁ "sagt der Alte, er

wolle Schwein schlachten, sagt er"; zâ:çt-ɐ, ät' väl go:nə, zâ:çt-ɐ "sagt er, ich will gehen, sagt er"

В этих случаях говорящий после первой части авторского текста делает довольно большую паузу, вторая же часть тесно примыкает к косвенной речи. Это явление психологического характера. По нашим наблюдениям, говорящий, приступив к формированию мысли, еще не имеет ясного представления о том, что именно он должен сообщить из содержания речи его бывшего собеседника. Следствием этого является пауза после первой части авторского текста - время на размышление. Когда же решение найдено, авторский текст как бы забыт, и он повторяется снова. Совершенно очевидно, что впоследствии повторение авторского текста у части носителей говора может стать языковой привычкой.

2. Косвенный вопрос

Косвенный вопрос в говоре выступает либо как союзное, либо как относительное дополнительное предложение. Оценочные вопросительные предложения имеют форму дополнительного предложения, введенного с помощью союза ouf "ob". Определительные вопросительные предложения всегда выступают в форме относительного дополнительного предложения. В качестве подчинительного слова служит соответствующее вопросительно-относительное местоимение или наречие:

dan fru:x-ɐ mi:, ouf ät' ɥk mät väl "dann fragte er mich, ob ich auch mit wolle"; ãn dan zâ:çt də maun, ouf ät' nɨç a:m ãn zi:nə fry: väl mätne:mə "und dann sagte der Mann, ob ich nicht ihn und seine Frau mitnehmen wolle"; dan frǫ:γə də kǫzt'əs, ve:ɐ dǫ:ɐ äs "dann fragen die Geislein, wer da sei"; ãn dan zâ:çt də vɥlf, vaut-zə dǫ:ɐ väl "und dann sagt der Wolf, was sie da wolle"

Как видно из приведенных примеров, дополнительное предложение, выражающее косвенный вопрос, иногда зависит от глагола za:jə "sagen" главного состава. Здесь мы имеем дело со своеобразным переходом от формы прямого вопроса к форме косвенного. Говорящий, очевидно, сначала собирается высказать свою мысль в форме прямого вопроса, но в процессе общения переходит к косвенному вопросу, сравните:

zâ:çt-ɐ; väst go:nə? "sagt er: willst gehen?"
zâ:çt-ɐ, ouf ät' väl go:nə "sagt er, ob ich gehen will"

Нередко встречаются изолированные дополнительные предложения, выражающие косвенный вопрос, например:

of-ət fondǫ:γ nǫx re:jnə vǫ:ɐd "ob es heute noch regnen wird?"; ouf däi daut nɨç fəje:tə ha:ft "ob der das nicht vergessen hat?"; of də zästɐ ɥk dǫ:ɐ jəble:və äs "ob die Schwester auch da geblieben ist?"

По нашим наблюдениям, такого рода предложения высказываются не столько для собеседника, сколько для самого говорящего. Облекая свою мысль в форму изолированного дополнительного предложения, он в осто-

рожной форме пытается разрешить свои сомнения по поводу какого-либо события, не рассчитывая при этом на осведомленность по данному вопросу собеседника.

3. Косвенный приказ

Косвенный приказ выступает в форме бессоюзного дополнительного предложения и может быть выражен только формой презенса индикатива модального глагола ze:lə "sollen":

də mänšə ze:də mi:, ät' zǫl-əm flụs no:go:nə "die Menschen sagten mir, ich solle den Fluss entlang gehen"; än dan zâ:çt də fo:dɐ tu a:r, zə zǫl daut äm auš fəklä:və fär-əm hi:əd "und dann sagt der Vater zu ihr, sie solle das vor dem Herd in der Asche verscharren"

Другой особенностью сложноподчиненного предложения, выражающего косвенный приказ, является то, что в подчиненном составе часто опускается подлежащее, так как его содержание легко раскрывается из предшествующего контекста или сложившейся речевой ситуации:

häi zâ:çt, zäst no hys go:nə "er sagt, sollst nach Hause gehen"; än zâ:çt-ɐ, ze:lə aunfa:ŋə "und sagt er, sollen anfangen"; za:j-əm mol, zǫl fǫ:rə "sage ihm mal, soll fahren"

Косвенный приказ иногда несет оттенок совета, и иногда бывает трудно решить вопрос, имеем ли мы дело с приказанием или советом. Решение возможно лишь на основании контекста и сложившейся речевой ситуации. В говоре наблюдается тенденция подчинить дополнительное предложение, содержащее косвенное приказание, главному составу с глаголом za:jə "sagen", а дополнительное предложение, содержащее косвенный совет, главному составу с глаголом mäinə "meinen" в качестве сказуемого, но эта тенденция говорящими не соблюдается сколько-нибудь последовательно:

də broudɐ zâ:çt, ät' zǫl fu:ts šri:və "der Bruder sagt, ich solle sofort schreiben"; də zästɐ mäint, ät' zǫl bli:və, vou ät' zi: "die Schwester meint, ich solle bleiben, wo ich bin"; mäint äin šǫfɐ tu mi:, ät' zǫl-ət kriškə ne:mə "meint einer der Fahrer zu mir, ich solle den Deckel nehmen"

4. Косвенная просьба

Для выражения косвенной просьбы в говоре почти исключительно используется презенс индикатива модального глагола ze:lə "sollen". Модальный глагол me:äjə "mögen" нами зафиксирован лишь в одном примере в форме претерита индикатива (mụxt "mochte"). Косвенная просьба здесь отличается от косвенного приказания управляющим глаголом главного состава: дополнительное предложение, содержащее косвенный приказ, зависит от глагола za:jə "sagen", а дополнительное предложение, содержащее косвенную просьбу, от глагола pra:xrə "bitten" главного состава:

dan pra:xɐt ät' ǫnzə ma:, zə zǫl mi: dǫx fi:f ry:bəl je:və "dann bat ich unsere Mutter, sie solle mir doch fünf Rubel geben"; dăi pra:xɐt mi: də gaunsə na:xt, ät' zǫl-əm dǫx nänlo:tə "der bat mich die ganze Nacht, ich solle ihn doch hinein lassen"

УI. Употребление временных форм глагола

В устной речи носителей говора мы зафиксировали в дополнительном предложении все временные формы глагола, которые в нем употребляются в современном немецком литературном языке. Однако, в данном говоре в употреблении временных форм наблюдаются некоторые особенности, не свойственные литературному языку. Одни из этих особенностей древнего происхождения, другие же развились в говоре в последнее время.

I. Выражение реальности

Для выражения реального действия, относящегося к настоящему времени, служит форма презенса индикатива. Эта же форма служит для выражения универсального и повторяющегося действия в плоскости настоящего времени:

mät äimo:l zi̯t-ɐ, äs nə groutə šly:v, äs nə nätšly:v "auf einmal sieht er, ist eine grosse Schleife, ist eine Netzschleife"; ät' väl fəta:lə, vu: ät' äinəm da:x toubri̯n' ny: də vi̯ntɐ "ich will erzählen, wie ich nun im Winter einen Tag zubringe"

Простая форма презенса в говоре часто описывается аналитической формой, состоящей из вспомогательного глагола dounə "tun" и инфинитива первого смыслового глагола. Употребление этой вспомогательной аналитической формы в немецком языке явление очень древнее и широко распространенное. Она отмечена в средненижненемецком[1], в нижненемецких говорах бывшей Восточной Пруссии[2], нижненемецких говорах на юге Украины[3] и в большинстве других нижне- и верхненемецких говорах[4].

Описательная форма презенса, по всей вероятности, первоначально служила для обозначения длительности действия, так как этот оттенок

---

1) A. Lübben, Mittelniederdeutsches Handwörterbuch, Norden - Leipzig 1888.

2) E. Fischer, Grammatik und Wortschatz der plattdeutschen Mundart im preussischen Samlande, Halle (Saale) 1896; Maria Semrau, Die Mundart der Koschneiderei, Zeitschrift für deutsche Mundarten 1915.

3) J. Quiring, Die Mundart von Chortitza in Südrussland, München 1928.

4) H. Grimme, Plattdeutsche Mundarten, Berlin - Leipzig 1922; J. Schiepek, Der Satzbau der Egerländer Mundart, Prag 1899; Oskar Weise, Syntax der Altenburger Mundart, Leipzig 1900; H. Reis, Beiträge zur Syntax der Mainzer Mundart, Mainz 1891; A. Dulson, Das Problem der Dialektmischung, Saratow 1938; J. Binz, Syntax der Baselstädtischen Mundart, Stuttgart 1888; В. М. Жирмунский, Немецкая диалектология, Москва - Ленинград, 1956.

в немецких говорах сохранился до настоящего времени. В рассматриваемом говоре значение длительности до известной степени стерлось; в нем любой полнозначный глагол, независимо от его значения, может быть описан аналитической формой. Однако, в любом случае на первом плане все же остается значение длительности действия:

kaunst fəta:lə, vu: də švi:n bəzǫrjə de:st "kannst erzählen, wie du die Schweine besorgst"; än dan op äimo:l dräimt mi:, ät' dou op-n tväištǫkjət hys drå:t' fǫ:rə "und dann träumte mir, ich fahre auf einem zweistöckigen Haus Schutt"; ät' väit, dy: de:st šlo:pə "ich weiss, du tust schlafen"

С другой стороны, длительность действия не всегда выражается описательной формой; она нередко выражается также синтетической формой презенса:

ät' vǫ:ɐ fəta:lə, vu: ät' mi:n̆ da:x rǫmbrɨn' "ich werde erzählen, wie ich meinen Tag verbringe"; väitst nɨç, vu:-də ǫ:ɐbədə "weisst nicht, wie die arbeiten?"

Для обозначения действия, протекающего в плоскости будущего времени, в дополнительном предложении, как правило, используется футурум первый:

ze:d-vi:, daut də jʉŋəs daut pi:ət ha:nbrɨn'ə vǫ:ɐrə "sagten wir, dass die Jungen das Pferd hinbringen werden"; na, no: vǫ:ɐrə-zə zɨç äinɨç, də aulə vǫ:ɐd zi:nə kou šla:xtə "na, dann werden sie sich einig, der Alte wird seine Kuh schlachten"

Иногда же для выражения будущего времени используется форма презенса (синтетическая и аналитическая). При этом наличие обстоятельственных уточнителей, указывающих на предстоящий характер действия, не обязательно. В живой речи отнесенность действия к тому или иному времени обычно вытекает из сложившейся ситуации:

t'ɨt', daut dy: mi:-ət šo:p fɨn'ə de:st "sieh zu, dass du mir das Schaf finden tust"; frǫ:ɣ mol dəm ǫŋkl, of-ɐ va:dɐ t'ämt "farge mal den Onkel, ob er wieder kommt"

В устной речи носителей говора сохранился также модальный оттенок футурума первого. Особенно часто в этом значении употребляется вспомогательный глагол zänə "sein" в сочетании с предикативными существительными, прилагательными и наречиями:

dǫxt-ɐ, daut vǫ:ɐd zi:nə fry: e:rə zästɐ zänə "dachte er, das wird die Schwester seiner Frau sein"; zå:çt-ɐ, daut vǫ:ɐd aul klǫk tväi zänə "sagt er, es wird schon gegen zwei Uhr sein"; zå:çt-ɐ, päitɐ vǫ:ɐd šlo:pə "sagt er, Peter wird schlafen"; dǫxt-it', daut kaunkə vǫ:ɐd än-ə štaut zänə "dachte ich, dass Kanke in der Stadt sein wird"

Футурум второй в дополнительном предложении выступает только в модальном значении:

däi mäint, däi vǫ:ʁd daut mätjəno:mə ha:bə "der meint, der wird das mitgenommen haben"; ät' mäin, däi vǫ:ʁrə nǫx niç triḍ'jəko:mə zänə "ich meine, die werden noch nicht zurückgekommen sein"

Для выражения действия, протекающего в плоскости прошедшего времени, в говоре используются в дополнительном предложении все три формы - претерит, перфект и плюсквамперфект. Чаще всего встречается претерит. В большинстве зафиксированных примеров претерит выступает как форма повествования, но в диалоге носители говора употребляют его также вместо перфекта:

daut äs aulәs, vaut ät' fәta:lə vɥl "das ist alles, was ich erzählen wollte"; t'äinʁ äm da:rp vist niç, vaut daut ve:ʁ "keiner im Dorf wusste, was das war"; šriḍfst dәm bräif fu:ts jästrə? - jo:, ät' šriḍ dәm fu:ts jästrə "schriebst du den Brief gleich gestern? - ja, ich schrieb den gleich gestern"

Простая форма претерита, как и простая форма презенса, часто описывается вспомогательным глаголом dounə "tun" в сочетании с инфинитивом первым смыслового глагола. Однако, аналитический претерит встречается реже, чем аналитический презенс:

däi vǫrt niç mol jəĕit än, daut-ʁ fom daumpʁt rouffle:jə de:d "der wurde nicht einmal ordentlich inne, dass er vom Motorrad gefallen ist"; ät' vǫ:ʁ mol fәta:lə, vu: vi: də i:əšdə jǫ:rə aunzi:dlə de:-də "ich werde mal erzählen, wie wir die ersten Jahre ansiedelten"

Очень часто для выражения прошедшего действия в дополнительном предложении употребляется перфект. Эта форма, как правило, выступает в тех случаях, когда носители говора изображают действие как законченное к моменту высказывания. Перфект, следовательно, большей частью несет оттенок результативности:

dan fәta:lə-zə a:m oubʁ dǫx, daut-zə dәm vitə šäml jəjre:pə ha:bə "dann erzählen sie ihm aber doch, dass sie den weissen Schimmel gefangen haben"; na, ät' väl än kǫrtәm za:jə, vou-rʁ daut jält jəlo:-tə ha:ft "na, ich will kurz erzählen, wo er das Geld gelassen hat"

Для обозначения действия, предшествовавшего в плоскости прошедшего времени другому прошедшему действию, в дополнительном предложении используется форма плюсквамперфекта. Она обычно соотносится со сказуемым главного состава в форме претерита:

än ve:ʁ ɥk tu zäinə, vu: fon dәm vitə šäml zi:nə šin't'ə daut bloud jəla:ft ve:ʁ "und war auch zu sehen, wie von dem weissen Schimmel seinen Schinken das Blut gelaufen war"; of häi-ət jəno:mə haud, vist ät' jo: niç râ:çt "ob er es genommen hatte, wusste ich ja nicht recht"

Описанное выше общее правило употребления временных форм в дополнительном предложении носителями говора не соблюдается сколько-нибудь последовательно. Различного рода отклонения наблюдаются до-

вольно часто у всех членов диалектного коллектива. Эти отклонения объясняются отчасти индивидуальными речевыми привычками, отчасти смешением и ассимиляцией временных форм. В последнее время в говоре замечается расширение сферы перфекта и на этой основе довольно частое смешение его с формой претерита. Расширение сферы перфекта происходит под влиянием окружающих верхненемецких говоров, в которых претерит почти не употребителен.[1]

2. Выражение нереальности

Для выражения нереальности и передачи чужого высказывания в говоре чаще всего прибегают к смещению временных форм, так как в его морфологической системе исчезли формы конъюнктива, за исключением кондиционалиса.

Ирреальное действие, протекающее в плоскости настоящего (иногда и будущего) времени, обозначается формой претерита или аналитической формой, состоящей из вспомогательного глагола dunə "tun" в сочетании с инфинитивом первым:

zäi kʏn fon-ə t'ɪn'ɐ nɪç vâ:ç, ze:d-zə "sie könne von den Kindern nicht weg, sagte sie";häi mäint, daut ve:ɐ aul dʏn'ɪ't'əl än ǫns za:x t'äinɐ nɪç "er meint, es sei schon dunkel und uns sehe niemand";däi dǫxt, vi: de:də švi:n šla:xtə "der dachte, wir würden Schwein schlachten"

Однако, вместо претерита в дополнительном предложении, особенно в косвенной речи и в косвенном вопросе, во многих случаях употребляется презенс. По нашим наблюдениям, презенс употребляется тогда, когда говорящий не подвергает сомнению передаваемое им высказывание третьего лица и идентифицирует его со своим собственным. Особенно заметна тенденция к употреблению презенса у представителей младшего поколения, в то время как представители старшего поколения более или менее последовательно придерживаются старой формы:

frâ:çt-ɐ de:m, ous-ɐ nɪç ǫ:ɐbəd ha:ft "fragt er den, ob er nicht Arbeit hat"; häi brʏkt də kǫu nɪç, ze:də zə tu dəm aulən "er brauche die Kuh nicht, sagten sie zu dem Alten"

Для выражения ирреального действия, относящегося к плоскости прошедшего времени, в дополнительном предложении, как правило, употребляется форма плюсквамперфекта:

fəta:ld-ɐ mi:, häi haud än droum jədräimd, vu:-rɐ äm häml nänjə-fǫ:rə ve:ɐ mät zi:n daumpɐ "erzählte er mir, er habe einen Traum geträumt, wie er mit seinem Motorrad in den Himmel hineingefahren sei"; fru:x-ɐ mi:, vu: daut jəko:mə ve:ɐ mät däzə məši:n "fragte er mich, wie das gekommen sei mit dieser Maschine"

---

[1] А. И. Кузьмина, Прошедшее время в говоре деревни Кэмыши Алтайского края, Ученые записки Томского педагогического института, т. XXII, Томск, 1965, стр. 49.

Но и форма плюсквамперфекта носителями говора употребляется непоследовательно; она иногда заменяется другими временными формами, особенно формой перфекта. Замена плюсквамперфекта перфектом наблюдается в косвенной речи и косвенном вопросе. Употреблением перфекта с чужого высказывания как бы снимается гипотетический характер:

fru:x zə de:m, ouf-ɐ e:ɐ maun dǫ:ɐ niç jətrǫfə ha:ft "fragte sie den, ob er ihren Mann da nicht getroffen habe"; ze:d-zə tu mi:, də mänšə zänt aula no hys jəgo:nə än haudə dəm väit aula ytənäinjəno:mə "sagte sie zu mir, die Menschen seien alle nach Hause gegangen und hätten den Weizen allen auseinandergenommen"

Нередко наблюдается приравнивание временной формы глагола придаточного предложения к форме сказуемого главного состава. Так, например, в косвенной речи и в косвенном вопросе иногда употребляется форма претерита потому, что глагол-сказуемое главного состава стоит в этой форме:

ät' fru:x niç mol, of däi aul koum "ich fragte nicht einmal, ob der schon gekommen sei"; ze:d-ɐ mi:, häi jin't' fu:ts vä:ç fon dǫ:ɐ "er sagte mir, er sei gleich von dort weggegangen"

Из форм конъюнктива в говоре сохранились лишь следы кондиционалиса. В речи носителей старшего поколения, очевидно под влиянием немецкого литературного языка, слышатся формы кондиционалиса первого и второго; представители младшего поколения в основном употребляют кондиционалис первый. Он служит для обозначения ирреального действия, относящегося к будущему времени:

vi: dǫxdə ni: niç, daut däi vu:ədə zount e:tə "wir dachten nicht, dass die so etwas essen würden"; zä:çt-it', daut däi vu:əd niç go:nə "sagte ich, dass der nicht gehen würde"

Если дополнительное предложение не обнаруживает признаков явной гипотетичности, то в нем вместо кондиционалиса может употребляться футурум первый:

zä:çt-ɐ, häi vǫ:ɐd daut zälfst nänšta:lə "sagt er, er werde das selbst hineinstellen"; frä:çt-ɐ mi:nə fry:, ous läinat'ə ɣk vǫ:ɐd no: zna:mənka fǫ:rə "fragt er meine Frau, ob Lenchen auch nach Snamenka fahren wird"

Как видно из изложенного выше, в употреблении временных форм в дополнительном предложении в устной речи носителей нижненемецкого говора Алтайского края имеется много общего с употреблением их в современном немецком литературном языке. Однако, за последнее время, в условиях существования в инязычном окружении, намечаются некоторые сдвиги, направленные на упрощение правил согласования временных форм главного и подчиненного составов.

Г.И.ВАЛЛ

СИСТЕМА ДЕРИВАЦИИ ГЛАГОЛА НИЖНЕНЕМЕЦКОГО ГОВОРА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье рассматривается бессуффиксная, суффиксальная и префиксальная деривация в сфере глагола нижненемецкого говора Омской области. В описываемом говоре, как и в литературном языке, аффиксальное словообразование глагола развито меньше, чем именное. Это объясняется, с одной стороны, относительной бедностью говора вербальными словообразовательными элементами, в частности суффиксами, обусловленной теми же причинами, какими она объясняется в литературном языке, а именно: возможностью широкого образования от именных основ глаголов слабого спряжения без помощи суффиксов[1]. Немаловажной причиной слабого развития аффиксального способа образования глаголов в говоре является, с другой стороны, и конкуренция соотносительных словосочетаний[2], лежащих, как известно, в основе всякого производного слова. В говоре конкуренция со стороны синтаксических словосочетаний, стоящих по сравнению со словом на более низкой ступени семантического обобщения, значительно сильнее, чем в литературном языке. Это подтверждается хотя бы тем, что во многих случаях, когда в литературном языке уже имеется предельная степень обобщения в форме производного слова, в говоре или совсем отсутствует соотносительный дериват, или же, при наличии такого деривата, носители говора, как правило, предпочитают ему словосочетание, на базе которого производное слово образовалось. Так, например, в говоре не функционируют префиксальные образования, которые соотносились бы с такими производными основами литературного языка как erröten, erkranken, erschlaffen, benetzen и др. Вместо них носители говора пользуются словосочетаниями, в данном случае сочетаниями rout vo:rə "rot werden", kra:nk vo:rə "krank werden", šlaup vo:rə "schlaff werden", naut mo:ɋkə "benetzen". Другой пример. Префиксально-суффиксальные производные с фактитив-

---

1) См. М.Д.Степанова, Словообразование современного немецкого языка, М., 1953, стр.291.

2) G.Kramer, Zur Abgrenzung von Zusammensetzung und Ableitung, Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur, Bd.84, H. 3. S. 414.

ным значением типа fəlän'rə " verlängern", fəjra:trə "vergrössern, хотя в говоре и функционируют , но значительно менее употребительны, чем соотносительные словосочетания län'ɐ mo:ǫkə "länger machen", jra:tɐ mo:ǫkə "grösser machen".

I. Бессуффиксная деривация

Сюда относится прежде всего способ словообразования в системе деривации глагола, который известен под термином вербализация, названный так по аналогии с термином субстантивация и адъективация.Сущность вербализации заключается в переходе основ других частей речи в лексико-грамматический класс глагола без участия специальных словообразовательных суффиксов[1]. Правда, вербализация именных основ без участия суффикса инфинитива в немецком языке(и в данном говоре) невозможна. Однако отнести формант инфинитива -(e)n к разряду словообразовательных суффиксов в обычном значении этого термина в силу его двойственной природы,очевидно, нельзя, так он,с одной стороны, конституирует новую словарную единицу, а с другой - не участвует в грамматическом изменении образованной с его помощью производной основы[2].

В нижненемецком говоре Омской области инфинитив офрмляется с помощью морфемы -ə[3]. Но это не всегда единственный признак "оглаголивания " именной основы. Процессу вербализации в говоре сопутствует ряд фономорфологических изменений , к которым,пожалуй,прежде всего относится восстановление в производной основе вокализованного r=ɐ< срнн. -er исхода производящей основы. Ср.: ho:mrə "hämmern" от основы ho:mɐ "Hammer"; foudrə "füttern" от основы foudɐ"Futter". и др. Примеры свидетельствуют, что в говоре умлаут гласной корневой морфемы не всегда сопутствует вербализации. Однако этот признак не чужд и некоторым вербализованным основам говора. Ср.: bläidə "bluten"от основы blout "Blut";t'näipə"knöpfen"от основы knoup"Knopf". Другим фономорфологическим признаком вербализации является озвончение конечного согласного исхода производящей основы.Примеры: kaulf "Kalb" - kaulvə"kalben"; dre:ç "trocken" - dre:jə "trocknen. В отдельных случаях наблюдается палатализация согласного именной основы под влиянием появившегося в результате вербализации умлаута гласного корневой морфемы. Ср.: jläivə "glauben" от основы γlouvə "Glauben".

Процесс вербализации сопровождается в говоре иногда одновременным присоединением к основе префикса. Такой смешанный тип глагольного образования характерен для основ, которые без префикса

---

1) М.Д. Степанова, указ. соч., стр. 282.
2) М.Д. Степанова, там же.W. Fleischer, Grundzüge der Wortbildung des Verbs in der deutschen Sprache der Gegenwart,Deutsch als Fremdsprache, Leipzig, 1967, H.I,S 3.
3) Ср. Г.Г.Едиг,Система глагола нижненемецкого говора Алтайского края, в кн. Германские языки, изд.Новосибирского пединститута, 1967, стр. 142.

не употребительны: u:tla:d'ə "ausleeren", enväl'ə "einwilligen".

В говоре функционирует и другая, менее численная группа производных глаголов, образованных также без помощи суффиксов. Это так называемые каузативные глаголы, соотносящиеся с основами сильных глаголов. Все они характеризуются внутренней флексией: faulə "fallen" - fa:lə "fällen"; zätə "sitzen" - za:tə "setzen", din'-t'ə "trinken"- drän't'ə"tränken" и др.

Необходимо отметить и все возрастающую группу глаголов,появляющуюся в говоре в результате вербализации основ, заимствованных из русского языка. Примеры:lodrə "faulenzen" от основы "лодырь", kvo:rə"sich krank fühlen" от основы "хворь", u:tməndäirə " sich ausputzen" от основы "мундир" и др.

П. Суффиксация

К релевантным суффиксам сферы глагола говора относятся -l "-el",-r "-er",-(i)j "-ig", возникшие, как и соотносительные с ними глагольные суффиксы литературного языка, по аналогии с соответствующими номинальными суффиксами[1]. Другими вербальными суффиксами говора являются морфема романского происхождения -äirə "-ieren" с алломорфами-(irits)äirə "-(ifiz)ieren",-(iz)äirə "-(iz)ieren" , а также нерелевантные с точки зрения современного состояния говора морфемы -s (-š) "-s(-sch),-tš "-tsch".

Основной функцией глагольных суффиксов является отнесение производящей основы к классу глагола. Ниже рассматриваются модели,по которым оформлены суффиксальные образования глагола говора.

I.Модель "производящая основа + суффикс -l". Морфема -l соотносится с суффиксом литературного языка -el ◁ древн.-al,-il[2].Она сочетается с основами имен существительных, а также с первичными основами глаголов. Отыменные образования этой модели обладают итеративным значением:t'lin'lə "klingeln"от основы t'lin'ə"Glocke"; jni:vlə "schnitzeln" от основы t'ni:f- уничижительное имя со значением "плохой(тупой)нож"[3]. В отглагольные основы суффикс -l вносит оттенок уменьшительности:štrit'lə"streicheln" от основы štrit'ə"streichen";dräplə"tröpfeln" от основы dräpə "tropfen". В говоре функционирует и ряд звукоподражательных глаголов этой модели: baublə "plaudern", bomlə "bammeln", rušlə "ruscheln",tsaublə " zappeln" и др. Следует отметить, что в говоре не употребительны образования этой модели со значением"болезненной склонности к выраженному в мотивирущей основе действию или состояния"

---

1) М.Д.Степанова, указ. соч.,стр. 286.F.Blatz, Neuhochdeutsche Grammatik,Karlsruhe,I900,Bd.I,S.693.J.Erben,Abriss der deutschen Grammatik,Berlin,I909,S.22. W.Jung,Grammatik der deutschen Sprache,Leipzig,I967,S.443. H.Paul,Deutsche Grammatik,Halle(Saale), I959,Bd.V,S.II2,W.Schmidt,Deutsche Sprachkunde,Berl.,I967,S.I22.

2) F.Blatz,указ соч.,стр. 707. М.Д. Степанова,указ.соч.,стр.288.

3) H.Paul,указ соч.,стр.II8. W.Schmidt,указ соч.,стр. I28. Ср. англ. knife "нож".

типа hüsteln, kränkeln.

2. Модель "производящая основа + суффикс -r". Формант - r > срнн. -er соотносится с основообразующей морфемой литературного языка -er < срвн. -er < дрвн. - iron, -aron [I]. Структурно-семантическая функция суффикса -r сводится, в основном, к внесению в производящую основу значения многократности, а в отдельных случаях - значения склонности или желания к действию, выраженному в основе . Несмотря на то, что морфема -r сочетается с основами различных классов слов, в том числе и с основами имен существительных, прилагательных, глаголов, эта модель представлена в говоре незначительным числом образований.

Самую малочисленную группу среди производных этой модели составляют деноминативные образования. Примеры: t'lat'trə "kleckern", t'lat'srə "klecksen" от основы t'lat's "Klecks"; omkauntrə " umstellen(auf eine andere Seite,Kante stellen)", kaunt "Kante"; opmodrə "den Bodensatz aufwirbeln" от основы mod Strassenschmutz, Bodensatz"; re:t'rə "rauchen" от основы ro:k "Rauch".

Девербативные глаголы этого словообразовательного типа образованы преимущественно от первичных основ. В результате деривации появились пары сходной, а в некоторых случаях и разной смысловой структуры. Примеры: plint'ə "zwinkern" - plint'rə "zwinkern"; šädə "schütten" - šädrə "schüttern"; štäivə "stauben" - štäivrə "stöbern" (последняя пара соотносительна только с синхронной точки зрения).

Особую группу среди производных с суффиксом -r представляют так называемые дезидеративные глаголы, выявляющие желание или склонность к тому, что выражено мотивирующей основой. Они соотносительны или со вторичными основами прилагательных, образованных с помомощью расширенной морфемы -riç как, например, šläipriç "schläfrig" - šläiprə "schläfern", или с основами глаголов ср. šme:t'rə "Lust zu rauchen haben" от основы šme:t'ə "rauchen"; zu:prə "Durst haben, (eigtl. Sauflust empfinden) от основы zu:pə "saufen";, ši:trə от основы ši:tə "scheissen" и др.

В говоре функционирует ряд глаголов данной модели с нарушенной мотивированностью. К таким основам относятся ja:nkrə "gern haben wollen", tobrə "locken,ködern", ro:rə "heulen", t'i:trə "Flüssigkeit vergiessen", šti:prə "sich widersträuben" и др. Среди ономатопоетических глаголов этой структуры наиболее употребительны в говоре bulrə "poltern", de:vrə "dröhnen", "knallen", baulrə "ballern", flärə "zerreissen", ko:ǫkrə "gackern", klauprə "klappern", kno:strə "knastern".

[I] М.Д. Степанова, указ. соч., стр. 286

3. Модель " префикс + основа + суффикс -(i)j . Производные этой модели образованы от именных основ. Они функционируют преимущественно в виде префиксальных образований. Суффикс -(i)j присоединяясь к основе, вызывает палатализацию конечного согласного исхода основы. Признаком производности основы,в связи с отпадением суффикса, становится палатализованная согласная исхода производной основы. Например: bəfre:d'ə " befriedigen" от основы fre:d "Frieden"; bədäil'ə "beteiligen" от основы däil "Teil".

4. Модель"производящая основа + суффикс -äirə . Морфема -äirə романского происхождения. Соотносится с суффиксом литературного языка -ieren. Функционирующие в говоре производные этой модели в большинстве своем заимствованы из верхненемецкого и русского языков. Примеры: lemɔntäirə "lamentieren", pəräirə "parieren",žənäirə "sich genieren", rəzäirə "rasieren", špəndäirə "spendieren", rad'əfitsäirə "radiofizieren", meçanəzäirə "mechanisieren",jarovizäirə "jarowisieren"

5. Модель "производящая основа + суффикс -s(-š).
Суффикс -s(алломорфа -š) соотносителен со словообразовательной морфемой литературного языка -s(-sch) ∠ дрвн. -ison [1]. Ряд образований этой модели обладает положительной выделимостью производящей основы: pi:psə "piepsen" от основы pi:pə "pfeifen";šma:ksə "schmatzen"от основы šma:t'ə "schmecken", t'nipsə "knipsen" от основы t'ni:pə "kneifen".

6. В говоре функционируют лишь отдельные образования, в которых выделяется морфема tš:jlitšə"glitschen",rutšə "rutschen" и некоторые другие.

Ш. Префиксация

К функционирующим в говоре глагольным префиксам относятся морфемы fə- "ver-", bə- "be-", tə- "zer-", ən(t)- "ent-".

I. Наиболее распространенной морфемой в системе деривации глагола говора является префикс fə-. Он соотносится с префиксом литературного языка ver- ∠ срвн.ver- ∠ дрвн. for(a)-, far-, fur(i)- [1] ∠ гот.faur-,fra-, fair- [2] и обладает такой же (если не бо́льшей) многозначностью. Наиболее общим значением, вносимым формантом fə- в производящую основу, является значение предельности действия или состояния. Однако его семантическая функция складывается из различных оттенков значений, основными из которых являются следующие:

изменение обозначенного в основе состояния,например, fət'la:ndrə "verkleinern", fəjra:trə "vergrössern",fəlän'rə "verlängern".

удаление, связанное с предельностью: fəbi:strə "verirren", fəjo:γə "verjagen".

---

[1] М.Д. Степанова, указ соч., стр 289.
[2] W.Schmidt, указ. соч., стр. 129.

прекращение действия или состояния: fəšpo:kə "austrocknen", (von einem Fass), fəfräirə "erfrieren".

неудачность действия: fəzoltə "versalzen", fəjri:pə "sich vergreifen an", fət'i:t'rə "vergiessen", fətu:šə "verwechseln", fədo:ʁvə "verderben".

усиление действия: fəbre:ät'ə "zerbrechen", fətsaublə "verwickeln" fədreiə "verdrehen". В качестве средства усиления префикс fə- конкурирует с префиксом tə- при основах, выражающих разъединение: fəšpoulə - təšpo "zerspalten", fəri:tə - təri:tə "zerreissen".

Следует подчеркнуть, что нередко образования с префиксом fə- соотносительны с производными литературного языка, образованными с помощью префикса er-. Примеры: fəmäidə "ermüden", fəho:lə "erholen", fədrin't'ə "ertrinken" (употребляется также в значении "vertrinken", т.е. пропивать), fət'ilə "erkälten", fəštät'ə "ersticken" и др. В связи с этим отмечу, что в говоре практически отсутствует префиксальная морфема, которая по своим структурно-семантическим свойствам соответствовала бы префиксу литературного языка er-. Лишь в отдельных производных, заимствованных к тому же из литературного языка, выделяется морфема er-. Примерами таких заимствований могут служить основы ɐrtra:t'ə "erziehen", ɐrle:-və "erleben", ɐrfo:rə "erfahren", ɐrhoulə "erholen". Любопытно отметить, что у многих заимствований этой модели с положительной выделимостью производящей основы, последняя претерпела в результате деривации значительный семантический сдвиг. Ср.: tra:-t'ə "ziehen" - ɐrtra:t'ə "erziehen"; fo:rə "fahren" - ɐrfo:rə "erfahren".

2. Префикс bə- сочетается с именными и глагольными основами. Он соотносим с префиксальной морфемой литературного языка bə- двн. предлог-наречие bi[1]. Морфема bə- придает переходным глаголам значение предельности, а также значение распространения действия на весь объект или на определенное пространство: bət'it'ə "begucken", bəda:t'ə "bedecken", bəhätə "beheizen". При основах с непереходным значением префикс bə- служит одновременно средством транзитивации и усиления значения мотивирующей основы: bəhi:lə "beweinen" от основы hi:lə "weinen", bəhoustə "behusten" от основы houstə "husten", bəšumlə "beschummeln" от основы šumlə "schummeln". Нередко префикс bə- вызывает сдвиг в смысловой структуре производящей основы: jo:ɣə "jagen" - bəjo:ɣə "bezwecken", štri:də "streiten" - bəštri:də "bestreiten, bezwecken", šta:lə "stellen" - bəšta:lə "bestellen".

3. Префикс tə- соотносится с префиксом литературного языка zer срвн. ze(r)- двн. zi(r)-, za(r)-. Производные глаголы

---

1) М. Д. Степанова, указ. соч., стр. 303.

2) М. Д. Степанова, указ. соч., стр. 310.

образованные по модели с формантом tə-, как правило, достаточно четко выражают идею разделения и разъединения: təšpoulə "zerspalten", təbre:ät'ə "zerbrechen" и др. Однако с префиксом tə- успешно конкурирует морфема fə-, которая, как было сказано выше, при определенных основах усиливает их значение. Более того, производные с префиксом tə- ощущаются носителями говора как заимствования из литературного языка и менее употребительны производных, образованных с помощью форманта fə-.

4. Префикс en(t)-, соотносящийся с префиксом литературного языка ent-, emp-, в системе деривации глагола говора нерегулярен. Он встречается в заимствованиях из литературного языка, причем в основах с инцептивным значением, при которых префикс en(t)- восходит к старому форманту in-[1]: ən(t)što:nə "entstehen", əntzänə "sich entsinnen".

---

[1] W. Schmidt, a. a. O., S. 129.

В. К. ГЕЙНЦ

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ВЕРХНЕГЕССЕНСКИХ ГОВОРАХ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

В данной статье автор в основном уделяет внимание процессу заимствования французских и русских лексем в верхнегессенских говорах Омской области и формам их фонетической и морфологической адаптации.

Некоторые заимствования из французского языка восходят еще к эпохе Тридцатилетней войны, когда язык французов считался модным не только в высших аристократических кругах, но и в самых различных слоях населения. Вместе с некоторыми новыми понятиями в немецкий язык проникло бесчисленное множество нужных и ненужных иностранных слов, даже говоря о самых знакомых предметах, люди чувствовали необходимость прибегать к иностранным выражениям и оборотам[1]. Обилие французских лексем было особенно характерно, как указывал О. Бехагель, для говоров Эльзаса и Пфальца[2]. В гессенские говоры проникло очень много французских слов во время Семилетней войны. Нам известно, пишет В.Шооф, что именно Гессен больше всего страдал от продвижения и насильственного расквартирования французских войск[3].

В немецком литературном языке сохранилось множество французских заимствований, но в разговорной речи они встречаются сравнительно редко и почти всегда имеют соответствующие немецкие синонимы (как Bouteille=Flasche). В гессенских говорах Омской области такие заимствованные лексемы являются чаще всего единственным звуковым выражением какого-либо понятия. Из множества таких заимствований приведем некоторые примеры:

gura:š (frz. courage) = "Mut", "Beherztheit";
lãməndi:nə (frz. lamentiêr) = "jammern", "flehen";
gurjous (frz. curieux) = "sonderbar";
mali:r (frz. malheur) = "Unangenehmlichkeit";
malɛst (frz. malaise) = "Unbehagen", "Schwierigkeit";
šludə (frz. échalotte) = "Zwiebellauch";
rəšbɛkt (frz. respect) = "Achtung", "Rücksicht";

---

1) С.Д.Артамонов и Р.М.Самарин, История зарубежной литературы XVIIвека, Москва, 1963, стр. 25.
2) O.Behaghel, Die deutsche Sprache, Halle (Saale) 1955.
3) W. Schoof, Beiträge zur Kenntnis der Schwälmer Mundarten, Zs. f. hd. Mdaa, VI, 246, Zf d. Mdaa Jg. 1906.

pləsí:r (frz. plaisir) = "Vergnügen", "Spass";
ġarā́nt (frz. courant) в сочетании en ā:m ġarā̂nt "fortwährend", "Ohne Unterlass";
ḅilǫ́t (frz. billett) = "Fahr-, Eintrittskarte";
aḅǫ́diç (frz. apart) = "abgesondert".

Некоторые лексемы, заимствованные из французского языка, в настоящее время в говоре употребляются только в переносном значении, например: šḅəkdǫ́:gl (frz. spectacel) имеет значение "шум", "суматоха"; maḍā́:m (madame) употребляется только в значении "белоручка".

Значение некоторых слов отклоняется от первоначального. Слово šarmā́nt (frz. charmant) означает уже не "изящный","прекрасный",а "довольно", "изрядно", например: šarmā́nt kru:s "довольно большой". В слово khuléigə (frz. college) вкладывается не значение "коллега", а "компания", например: ā šī: khuléigə "хорошая компания".

Рассмотрим теперь процесс адаптации этих заимствованных лексем. Наиболее устойчивым элементом в этих словах является ударение. Очень немногие заимствования из французского языка приняли ударение по образцу говора на корневой слог, например: ḅómbə (frz. bonbon); múzik (frz. musique) "Musik".

В большинстве случаев заимствованные лексемы сохранили свое первоначальное ударение; что же касается других фонетических явлений, то эти лексемы подчиняются всем фонетическим законам говора. Так, например, оглушаются звонкие согласные в начале слова перед гласными: ḅuḍǫ́l (frz. ḅouteille) "Flasche", ḅilǫ́t (frz. billett)Karte" В интервокальном положении звонкие взрывные подвергаются спирантизации: provī́:nə "probieren". Гласные подвергаются назализации перед носовыми согласными: maḍā́:m "Madame", šarmā́nt "charmant". Дентальный смычный ḍ переходит в интервокальном положении в r : mourə "Mode", maróurə "marode". И, наконец, в заимствованных словах наблюдаются различные ассимилятивные и диссимилятивные процессы: ḅombə "Bonbons", franǫ́l "Flanell", balvī́:nə "barbieren", "rasieren".

Из сказанного видно, что слова, заимствованные из французского языка, перестроили свой фонетический облик в соответствии с фонетическими закономерностями, существующими в верхнегессенском говоре Омской области, т. е. фонемный состав этих слов не содержит ничего иноязычного.

Намного сложней обстоит дело с процессом заимсвования лексики из русского языка. Находясь в тесном контакте с русским населением носители верхненемецких говоров перенесли и продолжают переносить в свой говор большое количество словесного материала, который очень разнообразен по степени фонетической и морфологической адаптации.

Весь багаж заимствованной из русского языка лексики можно подразделить на три слоя, отличающихся друг от друга по степени адаптации. В соответствии с этим в процессе заимствования можно услов-

но выделить три этапа, хронологически следующих друг за другом и вызванных различными социологическими факторами.

1) Период монолингвизма.

2) Период субординативного билингвизма.

3) Период координативного билингвизма[4]).

В период монолингвизма носители говора пользовались только своим родным говором и не понимали или, по крайней мере, не владели навыками и умениями русской речи. Естественно, что на этом этапе заимствуются отдельные слова, в которых все чужые элементы заменяются своими, близкими по звучанию, т. е. субституируются.

Носители говора перенимали из русского языка в основном названия предметов и явлений, с которыми они раньше или вообще не имели дела, или нашли в новых условиях в несколько измененном виде. Приведем некоторые примеры:

1) из домашнего обихода: plit "плита", ḅišgə "пышка", plinə "блины", krušgə "кружка", ḅãngə "банка", sumgə "сумка", ḅiḍón "бидон".

2) постройки: krílits "крылец", ḅutgə "будка", ãmbar "амбар", lafgə "лавка", "магазин".

3) одежда: ḍúlup "тулуп", ǥofḍə "кофта"

4) из общественной жизни: ǫdžər "очередь", ḅasílgə "посылка".

5) новое в технике: rul "баранка", "руль".

Кроме того, в речь носителей говора начинают проникать различные междометия, вводные слова, союзы, частицы и наречия, которые постоянно встречаются в обыденной русской речи и постепенно вытесняют соответствующие эквиваленты говора, например: sḅasívə "спасибо", ḅašaləsḍə "пожалуйста", ganǫ́šnə "конечно", niušǫ́lə "неужели", strástvi "здравствуй", ḍa:žə "даже", ras "раз", vǫt "вот", šalgə "жалко", ǥǫiǥák "кое-как", prǫsḍə "просто", ḍavái "давай" и т. д.

Большинство из этих заимствований так прочно укрепились в говоре, что соответствующие немецкие эквиваленты уже не употребляются и часто забыты. Некоторые заимствованные русские слова выступают параллельно с их соответствиями в говоре как идеографические синонимы, например: ǥažə - prai. Лексема ǥažə выражает понятие "густая каша, сваренная на воде", в то время как prai означает "жидкую кашу, сваренную на молоке". Русское заимствование ḅeitš "печь" употребляется в значении "лежанка", в то время как ouvə выражает понятие "печь".

Многие из таких заимствований носителями говора уже не воспринимаются как нечто иноязычное, поэтому они могут выступать как компоненты сложных слов, например: héžəǥažə "пшенная каша", rúzəḅeitš "русская лежанка", rúzəmatšgə "русская матушка, женщина".

---

4) Ср. Е.М.Верещагин, Психолингвистическая проблематика теории языковых контактов (обзор литературы), Вопросы языкознания 6, 1967, стр. 129 - 130.

Примеры показывают, что на первом этапе заимствования все звуки, несвойственные говору, заменяются другими, близкими им по артикуляции. Если в говоре какая-нибудь фонема не встречается в определенной позиции, то она в заимствованном слове заменяется другой, которая близка к первой и возможна в этой позиции. Так, например, заднеязычный спирант x в говоре в начале слова не встречается и заменяется поэтому придыхательным смычным kh: халат > khalat , хутор > khudr , хоть > khǫtš. Аффриката tš и мягкое š' заменяются в этой же позиции фонемой š : чугун > šugún, счеты > šǫt.

Встречаются случаи, когда в заимствованных лексемах корневой гласный аналогично немецким существительным чередуется по законам умлаута например: þirǫk - þirǫgld'ə "пирог - пирожок", ras - rǫsçə "раз - разок", matšgə-mǫtšgəld'ə "женщина - девушка".

Хотя в результате заимствования в системе говора не возникает новых фонем, фонологическая система в целом уже на первом этапе не остается прежней. Из русского языка переходят в говор новые сочетания фонем, новые комбинации, которые в лексемах говора раньше не встречались. Так, например, сочетания "тк", "ск","чк" были чужды в лексемах говора, но первые заимствования с такими сочетаниями открыли дорогу целому ряду других слов с такими комбинациями согласных, например: sutgə "сутки", plitgə "плитка", þutgə "будка", þišgə "пышка", mašgə "Машка", mišgə "Мишка", svǫ:tšgə "свечка", dǫtšgə "точка".

Слова с такими сочетаниями фонем в говоре стали обычным явлением и воспринимаются говорящими как родные слова. Иногда даже приходится слышать вопросы как: vǫi sǫ:t mə ivrs lǫtgə ružiç? "как называется по-русски лодка?".

На втором этапе заимствования, в период субординативного билингвизма, носители говора в некоторой степени уже владеют навыками и умениями русской речи, но навыки говора все-таки еще сильнее, чем навыки русской речи. Фонематическая интерференция в этот период в основном еще сохраняется.

Под влиянием различных социологических факторов у носителей говора появляется необходимость в новом словарном запасе. Важной причиной проникновения русизмов в говор является повышение культурного уровня населения, новые общественные отношения, новшества в науке и технике. Носители говора (особенно молодое поколение) уже не удовлетворяются теми ограниченными конкретными понятиями, которыми оперировали раньше, а нуждаются в более абстрактной лексике. Этот абстрактный материал ежедневно представляют школа, радио, пресса и кино.

Наряду с новыми заимствованными существительными как sagón "закон", vəxǫtnǫ́i "выходной", þalútšgə "получка", sajavlénd'ə "заявление", vǫ́:bǫr "выборы", sgǫ́:rǫst' "скорость" и т. д. , в говор проникает много русских глаголов, например: prǫvər'áiə "проверить",

dǫgá:zivaiə "доказывать", vɨsdubáiə "выступать" и т. п.

Так как на втором этапе процесса заимствования носители говора в основном уже в состоянии воспроизводить звуки в русских словах, то о полной адаптации заимствованных лексем уже не может быть речи.

Если в период монолингвизма русские палатализированные согласные в заимствованных словах заменялись твердыми (т. е. оппозиция твердость - мягкость нейтрализовалась (fǫtgə "ведька" - klǫtgə "клетка"), то в новых заимствованиях они чаще всего встречаются в неадаптированной форме.

Мягкое d' в говоре не является чуждым элементом, так как оно имеется в лексемах говора. Оно развилось в результате ассимиляции из сочетания dç: Kleidchen > kla:d'ə. Но если этот звук в лексемах говора встречается в весьма ограниченных позициях, то в заимствованных словах оно может стоять во всех положениях: d'iván "диван", ard'íst "артист", bad'əfón "патефон".

Новыми фонемами в говоре являются мягкие l', r',n' сравните: gǫ́n'ux "конюх", val'ə "Валя", zar'á "заря".

То же самое происходит с русским твердым "ы". В заимствованных словах, восходящих еще к периоду монолингвизма, твердое "ы" заменялось мягким i и сохранилось в них до настоящего времени, например: lí:žə "лыжи", bišgə "пышка", basílgə "посылка". Но в словах, заимствованных в период билингвизма, твердое "ы" большинством говорящих не адаптируется. Это особенно характерно для младшего поколения носителей говора (vɨ́:gǫvǫr "выговор", vɨšgə "вышка"). Старшее поколение часто адаптирует "ы" и в новых заимствованиях. Таким образом, заимствования второго периода могут выступать как в адаптированной, так и в неадаптированной форме, в то время как заимствования первого периода всегда и всеми носителями говора подвергаются адаптации.

Морфологическая адаптация русских заимствований проводится более последовательно. Любой гласный, стоящий в неударном положении в исходе слова, подвергается по аналогии с формами говора редукции и заменяется слабым ə: zagúsgə "закуска", strǫigə "стройка", ganeš́nə "конечно", knopgə "кнопка" и т. д.

Особое место занимает морфологическая адаптация глагольных форм. Инфинитив заимствованных из русского языка глаголов образуется не от основы исходной неопределенной формы русских глаголов, а от формы третьего лица единственного числа. Это указывает на то, что в говор проникли сначала глаголы в спрягаемой форме, а затем уже образовался инфинитив от этих форм. Вероятно, носители говора, слушая русскую речь, улавливали в первую очередь именно флективные формы глаголов.

По способу образования инфинитива заимствованные глаголы очень четко подразделяются на две группы. Инфинитив первой группы глаголов (все они относятся ко второму спряжению на "-ить") образуется от пол-

ной формы третьего лица единственного числа и секундарного слабого ə, которое по аналогии с диалектным инфинитивом присоединяется к основе. Личное окончание "т" переосмысляется и переходит к основе, сравните: тормозить - 3 л.ед. ч. тормозит - ḍǫrmǫzídə, просить - 3 л. ед. ч. просит - prǫsíd-ə.

Вторую группу образуют глаголы первого спряжения. В этой группе окончание третьего лица "т" отпадает. Гласный основы объединяется с последующим "j" в дифтонг, к которому непосредственно присоединяется инфинитивный суффикс ə , например: выступать - 3 л. ед. ч. выступает - vàsḍubái-ə, поспеть - 3.л. ед. ч. поспеет - ḅǫsḅéi-ə, ночевать - 3 л. ед. ч. ночует - natšúi-ə.

Все остальные формы глаголов и причастий образуются по типу слабых глаголов от основы новой неопределенной формы, сравните: aiç natšúiə "я ночую", ḍǫu natšuist "ты ночуешь", ḍä: hǫt natšuit "он ночевал", i:ət natšuit "вы ночуете".

Возвратные глаголы имеют при себе местоимение "sich": siç vǫlnuiə "волноваться", ḍǫu vǫlnuist ḍiç "ты волнуешься"

Но инфинитив некоторых заимствованных возвратных глаголов с частицей -ся образуются от полной русской неопределенной формы. При этом окончание неопределенной формы "-ть" вместе с начальным "с" частицы "-ся" образуют аффрикату ts(dz), а "я" переосмысляется как суффикс инфинитива и редуцируется, сравните: купаться → gubádzə, кататься → gaḍádzə, бороться → ḅarǫ́dzə, драться → tradzə.

Эти глаголы также имеют при себе возвратное местоимение "sich", например: aiç gaḍádzə miç "якатаюсь", ḍǫu gaḍatst ḍiç "ты катаешься", mi:ə gaḍadzə ũ:s "мы катаемся".

Легко заметить, что эти глаголы по степени адаптации относятся еще к первому этапу заимствования , к периоду монолингвизма, когда носители говора не понимали структуру возвратных глаголов и не могли выделить функцию частицы "-ся". В период билингвизма такой инфинитив, включающий в себя частицу "-ся", уже не образуется , так как для билингва функция этой частицы вполне понятна. Сравните следующие примеры: aiç sḍaraíə miç "я стараюсь", siç ud'ivl'äiə "удивляться", siç zanimáiə "заниматься".

Третий этап заимствования называется периодом координативного билингвизма. В этот период носители говора в одинаковой степени владеют речевыми навыками говора и русского языка. Говорящий может, сам того не замечая, легко переключиться с говора на русский язык и наоборот, например: aíç va:s nǫit, gak ḍam ḅałutšitsa. "я не знаю, как там получится"; garǫtsə gavar'ä, maxt vas dr vǫlt "короче говоря, делайте, что хотите!"

Фонетической адаптации, как правило в этом случае не бывает,

но морфологическая адаптация встречается и в этот период довольно часто, например: ḍęi harə uf ḍr собрани̱ə ã решени̱ə выноси̱t "они на собрании вынесли решение".

Последняя фаза билингвизма не является общепринятой для всего населения, а характерна только для части молодежи, которая длительное время находилась в непосредственном контакте с русским населением и не пользовалась родным говором .

В. К. ГЕЙНЦ

К ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДОЛГИХ ГЛАСНЫХ И ДИФТОНГОВ

(на материале верхнегессенского говора Омской области и немецкого литературного языка)

Традиционная фонетика делит звуковой состав любого языка на два класса: гласные и согласные. Исходя из того, что некоторые звуки обладают как вокалическими так и консонантными признаками, иногда выделяют еще группу так называемых полугласных.

С точки зрения фонологии такая классификация фонем неприемлема, особенно когда дело касается дистрибутивных свойств той или иной фонемы.

Иную классификацию фонемного инвентаря предлагает Г. Хэйке.[1] Он подразделяет состав фонем на класс "фонем-ядер" и класс "фонем-сателлитов" (Kernphoneme und Satellitenphoneme). Фонемы первого класса выступают в ударной позиции, в то время как второй класс охватывает все безударные фонемы. Фонемы первого класса могут быть в артикуляционном определении только гласными и в акустическом определении только звуками с признаком "гласность" и "несогласность". При линейном расположении фонем обоих классов в несоставных носителях значения возможны следующие комбинации фонем: I-2, 2-I, 2-I-2. До и после ударной фонемы могут стоять до трех фонем-сателлитов. Важно лишь то, что в любом сочетании должна быть всегда одна фонема первого класса.

Таким образом, гласные фонемы, выступающие в роли сателлитов, могут вступить в фонологическую оппозицию с согласными-сателлитами, например: drai - dran "drei - Drang", ai - an "Ei - an".

Предложенная классификация тоже имеет, на наш взгляд, свои недостатки. Г. Хэйке выделяет из числа гласных фонем только вторые компоненты дифтонгов ei, au, eu и переводит их как особые фонемы в класс сателлитов. Правда, в другой работе[2] автор замечает, что имеются фонемы первого класса, которые в определенных случаях могут

---

1) G. Heike, Das phonologische System des Deutschen als binäres Distinktionssystem, Phonetica 6, I96I.

2) G. Heike, Über das phonologische System der Stadtkölner Mundart, Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung, Bd. I4 (Hf I), I96I.

стоять в безударной позиции. Теперь непонятно, к какому классу следует отнести все безударные гласные. Ведь после ударной фонемы-ядра могут стоять не только три, как утверждает Г. Хэйке, а гораздо больше безударных фонем (т. е. сателлитов), например: Kobold(4), Arbeit (5).

По другому подходит к этой проблеме Ф. Винце[3]. Фонемный инвентарь следует, по его мнению, классифицировать не по артикуляционно-акустическим признакам, а по их функции в слоге. С этой точки зрения автор выделяет следующие классы:

1) открытые, т. е. слогообразующие фонемы, которые функционально образуют слог (i, u, ... l̥, m̥);

2) открытые, т. е. слогообразующие фонемы, которые функционально не образуют слога (i̯, u̯, ... l, m);

3) закрытые, т. е. неслогообразующие, которые функционально не не образуют слога (p, t, k).

Если считать, что вторые компоненты немецких дифтонгов являются неслогообразующими фонемами и отнести их ко второму классу, то с точки зрения фонологии равнозначно, как мы их будем обозначать, "неслоговые согласные" или "неслоговые гласные".

Но являются ли фонемы второго класса фонемами особого рода, которые противопоставлены классу I? Разумеется, вторые компоненты дифтонгов ei, au, eu имеют несколько иное качество, чем соответствующие гласные, стоящие в ударном положении. Но они ведь подвергаются ассимиляции после максимально открытых гласных.

Именно так и считает Н. Морцинец[4], когда он i в ai и oi интерпретирует как позиционный вариант фонемы /i/, а u в au как вариант фонемы /u/.

Все гласные, находящиеся в неударном положении, вероятно, следует считать аллофонами соответствующих ударных фонем.

Вопрос о фонологической интерпретации дифтонгов до сих пор остается спорным. Никто не оспаривает то положение, что дифтонги являются сочетаниями звуков, но в отношении их фонемности мнения исследователей сильно расходятся.

Н. Трубецкой[5] и вся пражская школа защищают теорию однофонемности дифтонгов. Э. Дит[6] также предлагает считать дифтонг одной фонемой.

---

3) F. Winze, Bemerkungen zur Klassifizierung der Phoneme. Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft, Jg. 2, 1948.

4) N. Morciniec, Zur phonologischen Wertung der deutschen Affrikaten und Diphthonge, Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft, Bd. II(Hf I), 1958.

5) Н. Трубецкой, Основы фонологии, Москва, 1960.

6) E. Dieth, Vademekum der Phonetik, Bern, 1950.

Для определения однофонемности/двуфонемности звукосочетаний Трубецкой составил семь правил, которые неоднократно были пересмотрены (Мартине, Хинце, Мерлингер) и сводятся в основном к следующим критериям:

а)звукосочетание дифонемно, если каждый из его компонентов способен нести дистинктивную функцию, если же дистинктивную функцию несет все сочетание в целом, оно монофонемно;

б) звукосочетание монофонемно, если оно выступает как коррелирующий партнер в паре с простой фонемой[7].

Предпосылкой для фонологической интерпретации должны служить совокупность следующих фонетических данных: моносиллабичность звукосочетания; производство единым артикуляционным движением; не превышающая нормы длительность звукосочетания. Такое сочетание считается потенциально монофонематичным[8].

Могут ли эти фонетические данные дать основания для заключения о монофонемности сочетаний? Мы унаследовали от традиционной фонетики представление, что слог должен состоять из одного гласного и одного или нескольких согласных. Но если учесть, что грань между гласным и согласным очень легко стирается, то следует признать, что в одном слоге могут стоять рядом две или даже три гласных, могущие быть самостоятельными фонемами. Звуки какого-либо языка отличаются друг от друга в порядке убывания по степени полозвучности (Schallfülle)[9]. Самым полозвучным звуком является косовое a и менее всего полозвучности имеет согласный h. Из гласных менее всего полозвучны узкие i и u. "Что именно последние так часто выступают в роли неслоговых элементов, вполне понятно",пишет Дит[10].

Второе требование, что монофонема должна производиться одним артикуляционным движением, тоже легко опровергается, так как одним артикуляционным движением производятся не только монофтонги и дифтонги, но и многие другие сочетания гласного с согласным, например: al, ar. Поэтому не удивительно, что индоевропейские сочетания гласного с сонантом (am, an, ol, or) считаются дифтонгами[11].

Что касается длительности звукосочетания, то это весьма относительное понятие; норму длительности установить трудно, так как она варьирует в зависимости от позиции гласного в предложении, например: Er soll fahren. Er soll nach Hause fahren. Длительность „a" в слове fahren в двух случаях совершенно различная.

---

7) A. Martinet, On the «two phonemes» Acta linguistica, 1939, I.
8) Там же.
9) E. Dieth, Vademekum der Phonetik, Bern, 1950, § 229.
10) Там же.
11) А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, Москва-Ленинград, 1938, стр. 134-135.

Что оба компонента трех немецких дифтонгов могут нести дистинктивную функцию уже показали на примерах фонологи Морцинец, Хэйке и др.

В верхнегессенском говоре Омской области встречается целый ряд диадных сочетаний гласных (ai, au, ei, ęi, oi, ǫi, ou, ǫu). Оба компонента любого из этих дифтонгов способны нести различительную функцию, сравните: ḅai – ḅau, ḅau – ḅǫu, vęi – vęl, vei – vel, ploi – plou, hǫit – hoit, fęil – feil и т.п.

Если считать дифтонги бифонемным сочетанием, то каков же статус долгих гласных, которые по сути дела не намного отличаются от дифтонгов? Все различие заключается только в растворе при артикуляции. Долгие гласные артикулируются с устойчивым раствором, в то время как дифтонги артикулируются с подвижным раствором. Родство долгих гласных и дифтонгов лишний раз подтверждается тем, что во многих языках имеются звуки, которые по типу артикуляции занимают промежуточное положение между долгими гласными и дифтонгами. Это те же долгие, у которых при артикуляции в рекурсии происходит небольшое скольжение в сторону сужения или расширения. Такие звуки называют дифтонгоидами[12]. Именно такими звуками и являются в изучаемом нами говоре ei и ou. Аналогичным процессом является растяжение и дифтонгизация долгих гласных в нижненемецких говорах Алтайского края[13].

Эту грань между монофтонгами и дифтонгами стирает копенгагенский фонолог Г. Ульдалл[14]. Он различает две модели гласных сочетаний: группу из одинаковых гласных типа /ii/=i: и группу из различных гласных типа /ai/. Таким образом, субституция происходит в центре слога, сравните англ. hait – hiit.

О бифонемном характере долгих гласных говорит также Р. Фройденберг[15].

Против бифонемности немецких и английских дифтонгов и долгих гласных выступает Т. С. Глушак[16]. Считая, что первые компоненты дифтонгов au, ai качественно модифицируются под влиянием вторых и не могут быть абсолютно идентичными с соответствующими простыми гласными, Глушак делает вывод, что в словах grais – graus, ais–aus и др. происходит не замещение компонентов, а замена одного дифтонга другим, или одного неизвестного другим неизвестным.

---

12) М.И.Матусевич, Введение в общую фонетику. М. 1948, стр. 61.

13) H. Jedig, Laut- und Formenbestand der niederdeutschen Mundart des Altai-Gebietes, Berlin, 1966, S. 16.

14) H. Uldall, On the Structural Interpretation of Diphthongs. Proceedings of the third International congress of Phonetic Sciences, Ghent, 1939.

15) R. Freudenberg, Das Phonem und seine Struktur. Zeitschrift für Mundartforschung, XXXIII Jg. (Hf I), 1966.

16) Т.С. Глушак, К проблеме фонологической интерпретации дифтонгов. Исследования по фонологии, Москва, 1966, стр. 376–383.

Никто не отрицает, что в русском слове "сталь" /ста'л'/ гласный /а/ модифицируется под влиянием мягкого /л'/ и качественно отличается от /а/ в слове "стал" /стал/. Но никто также не назовет сочетания /а'л'/ и /ал/ неизвестными, если гласный /а/ в "нас" отличается от обоих вышеуказанных вариантов /а/.

Как в разных языках имеются характерные и нехарактерные для них сочетания согласных фонем, так и имеются характерные и нехарактерные сочетания гласных фонем. В современном немецком литературном языке, например, имеются сочетания ai, au, ɔi, свойственные только ему, но для него не характерны, скажем, сочетания ɔu, ɔi.

В исследуемом нами говоре теоретически возможны следующие сочетания гласных с одинаковыми компонентами или со скольжением артикуляции в сторону сужения:

			ää	aä	aa							
		ɔɔ	äɔ	aɔ	aɔ	ɔɔ						
	ee	ɔe	äe	ae	ao	ɔo	oo					
ii	ei	ɔi	äi	ai	au	ɔu	ou	uu	ɔi	ɔe	oi	oɔ

Но в действительности в этом говоре встречается только четырнадцать таких сочетаний гласных (они указаны в квадратах).

В неударном положении после гласных некоторые оппозиции по подъему языка у гласных нейтрализуются, например: ai (ae) ≠ aa; ɔi(ɔe) ≠ ɔɔ; au (ao) ≠ aa.

Если в ударном положении в говоре различается восемь гласных фонем (носовые фонемы здесь не учитываются), то в неударном положении различается только пять фонем:

ударные			безударные		
i		u	i		u
e		o			
ɔ		ɔ	ɔ		ɔ
	ä a			a	

Т. С. Глушак делает совершенно правильный вывод, что подход к решению задачи о дифтонгах должен быть абсолютно конкретным, т. е. определяться в первую очередь своеобразием конкретной фонологической системы[17].

Так, например, в верхнегессенском говоре Омской области каждому компоненту любого возможного сочетания гласных соответствует (конечно с некоторыми ассимилятивными отклонениями) краткая гласная фонема, сравните:

гласные: a, ä, ɔ, e, i, ɔ, o, u

сочетания гласных: ai, au, ɔi, oi, ɔu, ou, ɔi, ei, aa, ää, ɔɔ, ii, ɔɔ, uu.

Совсем иную структуру имеет система гласных фонем немецкого

---

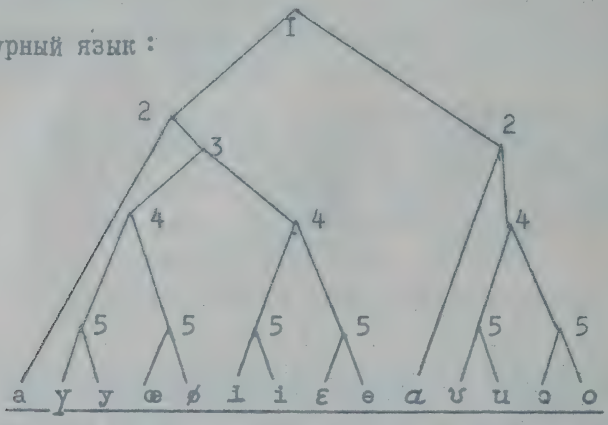
17) Т.С.Глушак, К проблеме фонологической интерпретации дифтонгов. Исследования по фонологии, Москва, 1966.

литературного языка. Здесь долгие гласные нельзя рассматривать как сумму двух одинаковых фонем, так как они имеют совсем иное качество, чем краткие. Долгие гласные всегда закрыты (e:и ɛ: являются факультативными вариантами и в разговорной речи не обладают дистинктивной функцией[18]), а краткие гласные всегда открыты. На оппозицию компактность/диффузность еще накладывается противопоставление напряженность/ненапряженность (маркированный член – долгий гласный). Долгота гласных немецкого литературного языка является только сопутствующим признаком напряженных (узких) ударных фонем. В безударной позиции этот сопутствующий признак утрачивается. Безударные фонемы всегда краткие, но в открытом слоге они всегда закрыты, а в открытом слоге открыты[19]. Долгота имеет субфонемный характер, и долгие гласные являются аллофонами их напряженных форм.

Исходя из этого, в немецком литературном языке можно выделить следующие фонемы: ɑ, a, e, ɛ, ɔ, o, ʊ, u, y, ʏ, œ, ø, ɪ, i. Из них возможны сочетания ai, au, ɔi.

Бинарные взаимоотношения гласных фонем немецкого литературного языка и верхнегессенского говора Омской области можно изобразить в следующих схемах:

а) литературный язык:



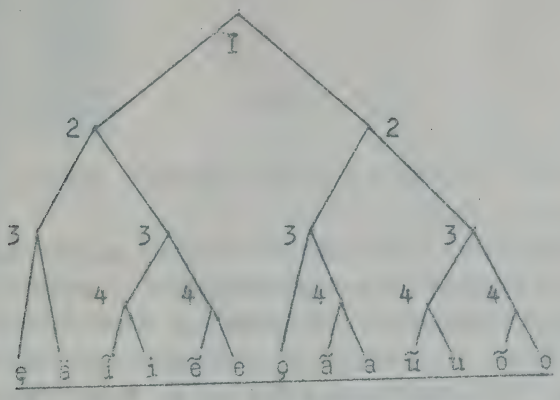
I. высокий/низкий; 2. компактный/ некомпактный; 3.бемольный/ простой; 4. диффузный/ недиффузный; 5. напряженный/ ненапряженный(компактный/диффузный).

I8) Ср. G.Heike, Das phonologische System des Deutschen als binäres Distinktionssystem, Phonetica, 6, I96I.

I9) Wörterbuch der deutschen Aussprache, Leipzig, I964.

20) W. O. Droescher, Länge und Druckakzent bei deutschen Vokalen, Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung, Bd. I8, I965.

б) верхнегессенский говор с. Новоскатовки:



I. высокий/низкий; 2. компактный/некомпактный. 3. диффузный/недиффузный; 4. носовой/неносовой.

Г. К. ВЕРНЕР

К ПРОБЛЕМЕ ГЕНЕЗИСА ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО АБЛАУТА[1]

Согласно традиционной точке зрения ведущие модели индоевропейского аблаута – качественный и количественный – появились под воздействием словесного ударения: тембровые[2] и количественные[3] различия гласных возникали в различных акцентуационных условиях и постепенно получали функциональную нагрузку на морфологическом уровне.

При всей своей стройности эта теория остается, однако, в сфере чисто гипотетических построений, ибо она не показывает действие предлагаемого механизма появления аблаута на примере конкретных языков. Очень сомнительно, чтобы словесное ударение могло обусловить возникновение всех ступеней количественного аблаута, не говоря уже о чередовании e:o. Бесспорным в данном случае может считаться только вопрос о возникновении нулевой ступени и ступени редукции, что иллюстрируют примеры типа дринд. é:mi "иду", imás "мы идем"; ásmi "я есмь", smás "мы есть"; ásti "он есть", sánti "они есть" (подробнее об этом см. ниже).

Не случайно поэтому все больше исследователей обращаются к ларингальной теории, находя ее более убедительной[4]. Считается, что

---

1. Пользуясь случаем, автор приносит свою глубокую благодарность А.И.Дульзону, Вяч.Вс.Иванову и С.Д.Кацнельсону, прочитавшим рукопись первоначального варианта работы и сделавшим целый ряд ценных критических замечаний, уточнений и дополнений.

2. На связь качественного аблаута с различным акцентным оформлением слов впервые указано в работе: A. Holzmann, Über den Ablaut, Karlsruhe, 1844. Наиболее полное и последовательное изложение этой гипотезы см.: H. Hirt, Der indogermanische Ablaut, vornehmlich in seinem Verhältnis zur Betonung, Strassburg, 1900; его же: Indogermanische Grammatik, Bd. II. Der indogermanische Vokalismus, Heidelberg, 1921, S. 6, 173 и сл.; H. Güntert, Zur o-Abtönung in den indogermanischen Sprachen. Indogermanische Forschungen, Berlin-Leipzig, 1916-1917, Bd. XXXVII, S. 1-87.

3. Подробную библиографию работ о связи количественного аблаута с ударением см.: Р.В.Кравчук, До питання про походження індоєвропейських чергувань (аблата). Слов'янське мовознавство, Київ, 1961, стор. 27, сноска 1.

4. Об основных вопросах, связанных с ларингальной теорией, см.: Вяч.Вс.Иванов, Проблема ларингальных в свете данных древних индоевропейских языков Малой Азии, Вестник МГУ, ист.-филол. серия, 1957, 2, стр. 23 и сл.; Э.А.Макаев, Ларингальная теория и вопросы сравнительной грамматики индоевропейских языков. Труды Ин-та язы-

гипотеза Ф. де Соссюра о наличии в древних индоевропейских языках двух особых согласных фонем, причисленных им к так называемым "сонантическим коэфициентам" и названных позднее "ларингальными", нашла подтверждение благодаря исследованиям Е.Куриловича, который обнаружил отражение этих звуков в клинописном хеттском, в частности в хеттских ḫ, ḫḫ[5]. Тем самым сторонники этой теории стали как бы опираться на элементы реально засвидетельствованной фонологической системы.

Однако при нынешнем уровне разработки ларингальной теории она едва ли может претендовать на более убедительное решение проблемы аблаута, чем традиционная акцентологическая теория. Дело в том, что тождество хеттских ḫ, ḫḫ и постулируемых индоевропейских "ларингальных" нельзя признать окончательно доказанным. Имеется достаточно оснований для того, чтобы не возводить хеттские ḫ, ḫḫ к особым исчезнувшим "ларингальным" фонемам в древних индоевропейских языках, а считать их обычными согласными фонемами заднеязычного образования. Это тем более вероятно, что на основе данных анатолийских языков, во-первых, с большой степенью вероятности установлен их заднеязычный характер[6], а, во-вторых, стало возможным реконструировать не четыре или даже восемь и более подобных звуков[7], а всего лишь один или два[8]. Однако более важным является вопрос об их исчезновении. Как известно, именно на этот факт опирается ларингальная теория при объяснении явлений аблаута.

Факты многих языков Евразии показывают, что в исчезновении индоевропейских звуков, рефлексами которых являются хеттские ḫ, ḫḫ, нет ничего необычного: это обычный процесс исчезновения заднеязычных шумных согласных, характерный как для индоевропейских, так и для неиндоевропейских языков. Совершенно очевидно, что в примерах типа хет. mehur "время", дринд. ma:ti "измеряет, мерит", греч. μῆτις "разум", лат. metior "измеряю, мерю", стслав. *мѣра*, гот. me:l

---

козн. АН Груз.ССР, серия вост. языков, т.2, Тбилиси, 1957, стр. 55 и сл.; Т.В. Гамкрелидзе, Хеттский язык и ларингальная теория. Труды Ин-та языкознания АН Груз.ССР, серия вост. яз., т.3, Тбилиси, 1960; L. Zgusta, La théorie laryngale. Archiv Orientální, v. XIX, 3-4, Praha, 1951, стр. 428 и сл.; E. Polomé, Zum heutigen Stand der Laryngaltheorie, Revue Belge de Philologie et d'histoire, t.XXX, Bruxelles, 1952, стр. 444-470, 1041 и сл.; Evidence for Laryngeals, 2 ed. 's - Gravenhage, 1965 и др. работы.

5. J. Kurylowicz, e indoeuropéen et h hittite. Symbolae Grammaticae in honorem Joannis Rozwadowski, I, Kraków, 1927, стр. 95 и с.

6. См. об этом: Вяч.Вс.Иванов, указ. соч., стр. 24 и сл.; его же: Хеттский язык, М., 1963, стр. 87 и сл. Ср. также: Н.Д.Андреев, Периодизация истории индоевропейского праязыка. ВЯ, 2, 1957, стр. 5.

7. См. J. Puhvel, Hittite evidence for Indo-Europeen laryngeals. Evidence for laryngeals, Austin, Texas, 1960, p. 171.

8. L. Zgusta, указ. соч.; Вяч.Вс.Иванов, Проблема ларингальных, стр. 44; его же: Хеттский язык, стр. 93.

"время"; хет. neu̯aḫḫ- "обновлять", греч. νεᾶν , лат. nova:re; хет. paḫs- , тох.А pa:s "охранять", дринд. pa:ti "охраняет", лат.pa:sco: "пасу", с одной стороны, и в примерах типа хет. tekan (иерог. хет. dakam), тох.А tkam, ирл. dú, don "земля", гот. þaho "глина", древнем. dâha, энглсак. þó (более древнее þóhæ), дрсканд. þá "глина"; хет. paḫḫur[9], греч. πυρ , тох.А por, тох.В puwar,нидерл.vuur, умбр. pir, сиэм. vai, шан. p'ai, нунг. fai, буруш. p'u, pfu, кет. бэ?к "огонь"; хет. tuḫḫ- (в словах tuḫḫ-u̯ai "дым", tuḫḫ-ima "удушье"[10]), лит. dú:mai, дринд. dhu:má, греч. θυμός , словен.dim "дым", древнем. toum "дым, туман"[11], кет. ду?, кот. туг, пумп. дукэр "дым", с другой стороны, наблюдается один и тот же процесс исчезновения заднеязычных шумных согласных. На этот факт указывается в одной из работ Вяч.Вс. Иванова: "В связи с тем, что корень и суффикс в этой основе (т.е. paḫḫur - Г.В.) уже не выделялась после исчезновения интервокального ларингального, во многих диалектах произошло стяжение гласного корня и гласного суффикса, ср. хет. paḫḫur, тох.А por (из "пратохарского" paur), греч. πυρ . Возникновение в греческом долгого υ благодаря стяжению гласных после исчезновения интервокального задненязычного шумного имеет точную фонетическую параллель в монгольских языках, напр., aγur > a'ur > совр. монг. уур "зло, злоба"[12]. Ср. еще следующие примеры из монгольских языков: монг.письм. ulaγan, монгор. fula:n, баоан.фэланг[13], совр.монг., калм., бур. ула:н "красный"; монг. письм. naγadu-, баоан. на:тэ-, дунс. наду-, совр.монг. на:да- "играть"; монг.письм. yaγun, баоан. jанг, калм. ју:н "что"; монг.письм. negе-, совр.монг. нээ-, дунс. ніэ- "открыть"; монг.письм. uγuta, баоан., дунс. фудэ, совр.монг. у:та "мешок"[14].

Кроме монгольских языков, можно привести точно такие же параллели из палеоазиатских (эским. имакл. диалект к'аук', чапл. диалект к'эгук' "лоб"; имакл. сиутык, чапл. сигутык "уши"; имакл. к'имик', чапл. к'икмик' "собака"), германских (гот. faihu "деньги", древнем. fihu, нем.диал. fi:ç, нем. Vieh /fi:/ "скот"; нем. sagen, энгл. say, нем.диал. sã: "сказать"; нем. Nagel, энгл.nail, нем.диал. na:l "гвоздь"; древнем. agalstra, нем.диал. eilster, e:l-

---

9. О выделении в этом слове компонента paḫḫ- и -ur см.:Вяч.Вс. Иванов, Проблема ларингальных, стр. 38, 39. Ср. также: F. Kluge, Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, Strassburg, 1899, S. 111.

10. О выделении в этих словах компонента tuḫḫ- см.: Вяч. Вс. Иванов, Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы, М., 1965, стр. 17, сноска 34.

11. См. М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка,т.I, М., 1964, стр. 558.

12. Вяч.Вс. Иванов, Проблема ларингальных, стр. 38.

13. нг - заднеязычный носовой сонант.

14. Б.Х. Тодаева, Баоаньский язык, М., 1964, стр. 7-20.

ster, нем. Elster "сорока"), енисейских (сым. сы:, кур. с'ыɣ, кот. шега "год"; сым. е, кур. е:, пумп. эг, э.-ш. ыг "железо"; сым. си, кур. с'и:, кот. ши:г// ши:х "ночь"; кур. қɔ?, мн.ч. қɔ:н, сым. хɔ?х, мн.ч. хɔхын, пумп. кэкен "звезда"), тюркских (татар. ə:л, совр.уйгур. эүил "деревня"; тув. чэъс, туркм. јагыш "дождь"; чулым. о:л, совр.уйг. оүул "парень"; чулым. ӧ:р, др.-уйг. өгүр "стая"; чулым. пӱдей, алт. пудэй, хэк.,шор. пуүдэй "пшеница"), а также из языков Юго-Восточной Азии, из уральских и др.

Этот фонетический процесс распространяется, впрочем, не только на заднеязычные, но и на другие согласные[15], хотя и в меньшей степени.

По вопросу о причинах, вызвавших исчезновение согласных в различных языках, мнения расходятся. Что касается языков с распространенной политонией, то уже давно замечено, что это явление обнаруживает связь со слоговой акцентуацией. Но характер этой связи определяется по-разному. По мнению одних исследователей, исчезновение согласных обусловливает появление определенных слоговых акцентов. В данном случае следует прежде всего отметить гипотезу А. Вайзна о развитии акута из сочетаний с "ларингальными"[16], а также гипотезу о развитии китайского пятого тона из ларингальной смычки, которая в свою очередь возникла из ртового согласного[17].

При обосновании этой точки зрения большое внимание уделяется развитию: ртовый согласный > ларингальная смычка > слоговой акцент (толчкообразный), которое усматривается в примерах типа датск. dag /da'?/, нем. Tag /ta:k/ "день"; датск. bog /bɔ'?/, нем. Buch /bu:x/, англ. book /buk / "книга"; кет. ди?, кот. тэге "орел";кет. ду?, кот. туг, пумп. дукэр "дым"; тибет. tschi?, дртибет. tsching "слово"; бирм. э?, дрбирм. at, ар "игла". Однако подобные примеры иллюстрируют лишь частный случай этого явления: можно привести достаточно примеров, когда с исчезновением ртового согласного толчкообразный акцент не появляется, ср.: датск. fa'r// fader "отец", mo'r// moder "мать", bro'r// broder "брат", da'// dage "день" (дат.п.),

---

15. Ср., напр.: П.Я.Скорик, Грамматика чукотского языка, ч. I, М.-Л., 1961, стр. 61-62. Ю.Н. Рерих, Тибетский язык, М., 1961,стр. 53-54. С.Д.Кацнельсон, Сравнительная акцентология германских языков, М.-Л., 1966, стр. 227,249. Й.А.Аристэ, Состоялся ли в южноэстонских диалектах переход конечного t в гортанный взрывной? Уч. зап. Тартуского университета,фил. науки,IУ,стр.25 и сл. и др.

16. A. Vaillant, Grammaire comparee des langues slaves, t. I, стр. 244-245. Ср. об этом: Вяч.Вс.Иванов, О значении хеттского языка для сравнительно-исторического исследования славянских языков. Вопросы славянского языкознания, вып. 2, М., 1957, стр. 7.

17. Подробное освещение вопроса и библиографию см. в работе: Вяч.Вс.Иванов, О прерывистой интонации в латышском языке. Rakstu krājums veltījums akadēmiķim profesoram Dr. Jānim Endzelīnam vina 85 dzīves un 65 darba gadu atcerei, Rīgā, 1959, стр. 145-147.

sa·/ sagde "сказал", la·// lagde "положил"[18]; кур. си:, сым. си, кот., асс. ши:г "ночь"; сым. е, кур. е:, пумп. аг "железо"(ср.также кур. эγъ дɔ?н "железный нож"); сым. хо, ар. ħиога, асс. ħагиэнг, койб. ħага, кот. ħага "десять".

С другой стороны, имеются случаи, когда толчкообразный слоговой акцент представлен в слогах с исходом на согласный (ср., например, кет. бɔ?к "огонь", сым. хɔ?п "подошва", ъ?к "петля-ловушка"), который не исчез, в то время как в примерах типа сым. саh:р (из саγар) "ночевать" согласный исчезает при наличии не толчкообразного, а плавного слогового акцента.

Таким образом, очень трудно увязать с исчезновением согласных появление новых слоговых акцентов, и скорей, наоборот, слоговая акцентуация является причиной исчезновения согласных[19]. Это подтверждается, например, фактами германских языков, в которых для явлений синкопы и апокопы слогов – а к этому в конечном счете и восходит исчезновение согласных – допускается исследователями именно такое объяснение. "Слоговая акцентуация – не следствие, а причина апокопы. Как таковая, она необходимо должна была предшествовать апокопе",– замечает С.Д. Кацнельсон[20].

Если отмеченная связь между исчезновением согласных, с одной стороны,и слоговой акцентуацией – с другой, и могла бы быть принята по отношению к индоевропейским языкам, поскольку для них допускается наличие слоговой акцентуации в древности (см. об этом ниже), то как же решать этот вопрос в отношении языков, в которых нет слоговой акцентуации? Не исключено, что точно такую же связь можно обнаружить и для таких языков как, например, палеоазиатские, алтайские, уральские и др.(в которых уже нет слоговой акцентуации), если учесть их древнее состояние при возможном вхождении в древний политонический языковой союз Центральной Азии или если учесть речевые особенности иноязычного субстрата.

Что касается исконного характера этого явления в указанных языках, то следует прежде всего отметить наличие в них полисинтетизма (в палеоазиатских языках еще до настоящего времени, а в алтайских – в доагглютинативную эпоху[21]), который может непосредственно восходить к моносиллабизму с распространенной политонией[22]. Не-

---

18. Это случаи так называемой "свободной синкопы" (С.Д.Кацнельсон, указ. соч., стр. 122).

19. Ср. работу автора "Звуковая система сымского диалекта кетского языка". Автореф. канд. дисс., Томск, 1966, стр. 22.

20. С.Д.Кацнельсон, указ. соч., стр. 270. Ср. также: Сравнительная грамматика германских языков, т. II, М., 1962, стр. 207.

21. См. М.А. Черкасский, Тюркский вокализм и сингармонизм, М., 1965, стр. 60–66.

22. Особый интерес в связи с этим представляет гипотеза Г.Дёрфера о наличии в древнейшую эпоху развития тюркских языков трех

безынтересна в этом отношении мысль А.И.Иванова и Е.Д.Поливанова о том, что изолирующий строй языка является фактически разновидностью инкорпорирования[23]. Кроме того, о древней политонии может напоминать и музыкальный характер словесного ударения в этих языках[24] (о сущности музыкального ударения см. ниже).

С другой стороны, нельзя исключать и возможный субстратный характер этого явления, например, в некоторых алтайских языках на более поздней стадии их развития, учитывая, что они контактировали с енисейскими языками на северо-западе[25] и с китайско-тибетскими на юге.

Несколько сложнее вопрос об исчезновении заднеязычных шумных согласных в инициальной позиции (ср. хет. hissa- "дышло", дринд. i:sa:; хет. hassa "очаг", оск. aasa "на алтаре", лат. a:ra "алтарь"; хет. hap- "река, поток", дринд. a:pas "воды", авест. a:fs; хет. hastai- "кость", лув. hassa "кости", тох.В a:sta "кости";ср. сходное явление в славянских языках[26], а также в примерах типа гот. iup, древнем. u:f, греч. hypo, лат. sub). Но и это явление не представляет собой исключительной особенности индоевропейских языков. Точно совпадающая фонетическая параллель прослеживается, например, в енисейских (арин. кус, асс.,кот. уча, кет. yh:c' "береза"; арин. кул, асс.,кот. ул, кет. ул', сым. ур "вода"; арин. кина, асс.,кот. ин'е, пумп. hинеанг, сым. ыне "два", ыненг "двое"; арин. куши, сым. у:ше "тепло"; пумп. hихем, асс.,кот. ега, сым. иh: "день"), монгольских (дунс. хулэн, даг. хуланг, совр.монг., калм., бур. улаːн "красный"; баоэн. hор, дунс. хо:, совр.монг., калм. у:р "гнев"; баоэн. hэрванг, дунс. hаруан, монгор. харван, даг. харбанг, совр.монг. зрав, калм. арвэн "десять"[27]), тунгусо-маньчжурских (орок. уjтэ, ульч. уjчэ, нан. хуjчэ "локоть"; орок., ульч. уjси-, нан. хуjси- "звучать"; орок., ульч. иктэ,нан. хуктэ "зубы"[28]) и других языках.

слоговых акцентов (G.Doerfer, Langvokale im Urmongolischen? Journal de la Societe finno-ougrienne, 65, 4, Helsinki,1964,S.16-17).

23. М.А. Черкасский, указ. соч., стр. 64.

24. Ср.: Б.Я.Владимирцов, Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия, Л.,1929,стр. 97. Г.Д. Санжеев, Сравнительная грамматика монгольских языков,т.I,М.,1953, стр. 20. К.А.Новикова, Очерки диалектов эвенского языка,М-Л,1960. W.Radloff, Phonetik der nördlichen Türksprachen, Leipzig, 1882,S. 97-99; G.Raquette, The accent problem in Turkish, Lunds Universitets Arsskrift, N.F. Avd I, Bd. 24,Nr.4, Lund-Leipzig, 1927; H. Pedersen, Türkische Lautgesetze, ZDMG,Bd. 57, 1903,S. 540-542.

25. Древнее расселение енисейцев см. в работах А.П.Дульзона (библ. его работ см. в кн.:А.П.Дульзон,Кетские сказки,Томск,1966).

26. В.И.Борковский, П.С.Кузнецов. Историческая грамматика русского языка, М., 1965, стр. 61.

27. Б.Х.Тодаева, указ. соч., стр. 12-14.

28. Т.И.Петрова, Язык ороков (ульта), Л., 1967, стр. 18.

Как бы ни решался вопрос об исчезновении заднеязычных шумных согласных в различных языках Евразии, ясно, что исчезновение индоевропейских звуков, рефлексами которых являются хеттские ḫ, ḫḫ, следует причислять к этому же явлению.

Поскольку исчезновение данных индоевропейских звуков является фактически обычным процессом исчезновения заднеязычных шумных согласных, то оно едва ли может привлекаться для удовлетворительного объяснения аблаута. Правда, нельзя совсем исключать возможности комбинаторных изменений гласных в соседстве с этими согласными, но выводить из подобных изменений такую стройную систему как аблаут, особенно если учесть его грамматические функции, по меньшей мере спорно.

Для решения проблемы происхождения аблаута необходимо выйти за рамки индоевропейской языковой общности и опираться на типологические данные[29].

Как качественный, так и количественный аблаут в индоевропейском может, на наш взгляд, найти удовлетворительное объяснение с точки зрения слоговой акцентуации[30], учитывая, с одной стороны, что "развитие сравнительной грамматики от Ф. Боппа до Э. Бенвениста подводит к гипотезе, что древнейшую эпоху развития индоевропейских языков характеризует корнеизолирующий строй языка"[31], с другой - интересную гипотезу Н.Д. Андреева, что индоевропейский корнеслов древнейшей поры обладал несколькими слоговыми тонами[32]. Развитие индоевропейского вокализма было предопределено воздействием слоговых тонов, и именно на той стадии развития индоевропейского праязыка зарождаются аблаутные явления. Такая интерпретация позволяет объяснить не только процесс фонетического становления качественного и количественного аблаута, но и - что не менее важно - процесс грамматизации этих чередований.

Рассмотрим прежде всего вопрос о возникновении качественного аблаута.

Распространено мнение, что в политонических языках тоны не влияют на качество гласных[33]. С точки зрения фонологической гласные, встречающиеся в различных тонах, действительно, функционируют как

---

29. См. А.Б.Долгопольский, Методы реконструкции общеиндоевропейского языка и сибироевропейская гипотеза. Этимология 1964, М., 1965, стр. 259-260, где говорится об ограниченных возможностях метода внутренней реконструкции и привлечении других методов.
30. Ср.: Е. Д. Поливанов, Статьи по общему языкознанию, М., 1968 примечание 5 на стр. 151.
31. Г.С.Клычков, Типологическая гипотеза реконструкции индоевропейского праязыка, ВЯ, 5, 1963, стр. 4.
32. Н.Д.Андреев, указ. соч., стр. 14.
33. Там же, стр.9.

одна фонема[34], но с точки зрения фонетической в различных тонах могут появляться различные качественные и количественные оттенки одного и того же гласного, что подтверждается фактами современных политонических языков[35]. Подобные оттенки одной и той же фонемы в случае конвергенции слоговых тонов в ходе исторического развития языка неизбежно становятся самостоятельными фонемами[36].

Особенно важно в этом отношении различие между фарингализованными и нефарингализованными тонами, которое обычно не учитывается. Поскольку при фарингализации деформируются соответствующие резонаторы, то это не может не сказываться на качественной характеристике гласных[37]. Фарингализация[38] обусловливает прежде всего чередования более узких и более широких оттенков гласных, т.к. она вызывает изменения в положении языка по вертикали и по горизонтали, но может обусловливать и чередование нелабиализованных гласных с лабиализованными. Последнее легко объяснимо, если учесть, что фарингализация и лабиализация с точки зрения восприятия очень сходны[39].

Это объясняется, видимо, наличием низких формант как у фарингализованных, так и у лабиализованных гласных. Кроме того, замечено, что как фарингализация, так и лабиализация могут производить впечатление более низкого тона[40]. В этом отношении небезынтересно явление так называемого "прикрытия" верхнего регистра мужских голосов в процессе пения, при котором происходит "округление" гласно-

---

34. Ср., напр.: Нгуен Хай Бынг, Система тонов и спектры гласных вьетнамского языка. Автореф. канд. дисс., М., 1963, стр. 17; В.Г. Златоверхова, Фонетика бирманского литературного языка, М., 1966, стр. 20-42, 67-68.

35. См., напр.: М.В. Гордина, Длительность гласных вьетнамского языка. Вопросы фонетики. Уч. зап. ЛГУ, 285, вып. 69, 1964, стр. 176. Ср. также указ. работу автора, стр. 21.

36. Примечательно, что рефлексы былой системы слоговой акцентуации в языках, в которых она частично или полностью исчезла, прослеживаются прежде всего в системе вокализма (ср.: В. Гринавецкис, Историческое развитие ударения и интонаций жемайтских говоров литовского языка. Славянская и балтийская акцентология, М., 1964, стр. 9; Г.С. Кличков, Типологические изменения в развитии индоевропейских языков. Лингвистическая типология и восточные языки, М., 1965, стр. 252-253; В.М. Борковский, П.С. Кузнецов, ук. соч., стр. 82, 141 и сл.; ср. также ук. соч. С.Д. Кацнельсона, стр. 335, примечание 869).

37. См.: А.Ч. Кунзя, Звуковой состав тоджинского говора тувинского языка. Автореф. канд. дисс., Л., 1958, стр. 6,7; К.А. Новикова, указ. соч., стр. 40 (примечание о фарингализованных гласных). Ср. также указ. работу автора, стр. 8.

38. Имеется в виду как фарингализация без заглотовой смычки, так и фарингализация с заглотовой смычкой (фарингальной, ларингальной).

39. См.: Р. Якобсон, Г.М. Фант, М. Халле. Введение в анализ речи. Новое в лингвистике, вып. 2, М., 1962, стр. 196, 201.

40. Ср. о фарингализации указ. соч. А.Ч. Кунзя, стр. 7; относительно лабиализации ср.: А.Н. Леонтьев, Биологическое и социальное в психике человека. Вопросы психологии, 6, 1960, стр. 26 и сл.

го (/э/ звучит близко к /о/, а /о/ звучит близко к /у/[41]). "Прикрытие" рекомендовалось обычно употреблением "темного"(т.е. лабиализованного) гласного[42]. По-видимому, наличие низких формант у лабиализованного гласного облегчает мужским голосам пение высоких нот. Но "прикрытие" наблюдается и при пении низких нот, особенно женскими голосами, и в данном случае лабиализация способствует получению эффекта более низкого основного тона.

Исходя из акустической близости фарингализации и лабиализации, можно предположить, что ослабление фарингализации в известных случаях компенсируется появлением лабиализации. Это согласуется в какой-то мере с гипотезой К.Г. Мейера о переходе а > о в ударных слогах с низким тоном[43].

В связи с лабиализацией следует заметить, что индоевропейское *е не могло непосредственно перейти в *о, и, если чередование *е:*о объяснять воздействием фарингализации, то *о можно непосредственно возводить только к *а. Следовательно, вместо *е > *о надо предполагать *е > *а > *о, т.е., что чередованию *е : *о предшествовало чередование *е : *а. Интересна в этом отношении гипотеза Е.Г. Паллиблэнка о том, что для общеиндоевропейского было поначалу характерно чередование *ə : *а (не *е:*о), при котором различие проводилось не по лабиализации и ряду, а по подъему[44]. Конкретные примеры чередования е:а можно привести из енисейских языков, ср.: сым. касн (мн. число от кес "палим"), хатн (мн. число от хы:т "волк"), где огласовка ə обусловлена воздействием исчезнувшего фарингализованного слогового тона, как это еще наблюдается в примерах типа кет. са?с (мн. число от се:с "речка"),или сым. ч'ə?л (мн. число от ч'ип "собака"), ср. также сым. хэч'ит "муж пожилой" < хэ? "большой" + ч'ет "муж молодой". А более позднее развитие а> о отражено, видимо, в междиалектных соответствиях типа сым. бɔγɔн, кот. паган "рукавица"; сым. фɔранг, кот. фаланг "сладкий". По поводу возникновения этого соответствия уже А.Шифнер ука-

---

41. См. Ю.П. Фролов, Пение и речь в свете учения И.П. Павлова, М., 1966, стр. 54; Л.Б. Дмитриев, Голосообразование у певцов, М., 1962, стр. 35. Ср. также в связи с этим сообщение Л.Б. Дмитриева о том, что певцы с "темным" тембром голоса – басы, баритоны,меццо-сопрано – пользуются вытянутыми вперед губами (даже при пении /и/), в то время как певцы со светлым тембром голоса – сопрано, тенора – поют при слабом участии губ (указ. соч., стр. 25).

42. Л.Б. Дмитриев, указ. соч., стр. 35.

43. См. об этом в книге: H. Hirt, Der indogermanische Vokalismus, S. 173.

44. E.G. Pulleyblank, The Indo-European vowel system and the qualitative ablaut. Word, vol. 21, 1965, Nr. 1, стр. 86 и сл. Подробнее об этом см.: Вяч.Вс. Иванов, Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы, М., 1965, стр. 21-22.

зывал, что оно легко объяснимо, если учесть модификацию кетского /ə/ близкую к /o/[45] (имелся в виду фарингализованный звук /aḥ/ - Г.В.). В современных енисейских диалектах прослеживается только чередование задних нелабиализованных (или слабо лабиализованных?) гласных с задними лабиализованными, напр.: кет. ты?с', мн.ч. тъ?нг// тɔ?нг "камень"; сым. ч'ы// ч'ъ, мн.ч. ч'ъ?нг// ч'ɔ?нг "голова"; кет. ḥый, мн.ч. ḥъ?й "живот". Это согласуется с вышеизложенным предположением о том, что именно задние (средне-задние) нелабиализованные гласные могут переходить в лабиализованные.

Переход а > о находит также отражение в дифтонгизации, тесно связанной со слоговой акцентуацией[46], в частности с фарингализацией.

При дифтонгизации можно наблюдать два противоположных развития - центростремительное, при котором происходит расширение (см. рис. I), и центробежное, при котором, соответственно, происходит сужение (см. рис. 2) второго компонента дифтонга. Связь первого с фарингализацией очевидна. Известно, что фарингализация, resp.,

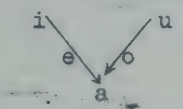


рис. I

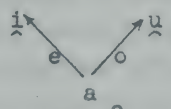


рис. 2

ларингализация, как правило, наступает только на определенном отрезке звучания; это приводит к качественной неоднородности гласного, в результате которой он воспринимается как дифтонгообразный звук (с наступлением фарингализации гласный расширяется), ср. сым. ч'иек< ч'иḥ:к "змея", тиет'< тиḥ:т' "корень", ыът'< ыḥ:т' "весна", хэз< хэ? "большой", хуот'< хуḥ:т' "щука"[47], а также типологически сходное явление в бирманском[48] и в германских языках[49].

Дальнейшее расширение гласного под воздействием фарингализации приводит к чередованиям типа сым. ч'ок, мн.ч. ч'ɔḥ:к "топор"; дес, мн.ч. дэḥ:с "глаз"; дэ?, мн.ч. дэнг "озеро"[50].

---

45. M.A. Castrens Versuch einer jenissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre, SPb., 1858, предисловие, стр. IX.

46. Связь слоговой акцентуации с дифтонгизацией показана, напр., в работах Т. Фрингса на материале немецких диалектов (см. об этом в указ. работе С.Д. Кацнельсона, стр.216). Ср. также указ. работу автора, стр. 8, 9, 21.

47. Ср. замечание А.Н.Дульзона о замещении кет. ? сверхкратким гласным в примерах типа иет< и?т "зуб" (А.Н.Дульзон, Очерки по грамматике кетского языка, Томск, 1964, стр. 27 и сл.). Ср. также отражение дифтонгизации в материалах по енисейским языкам у А.Кастрена (см. указ. соч.) и у Кая Доннера (K.Donner, Ketica. Materialien aus dem Ketischen oder Jenissei-Ostjakischen, Helsinki, 1955; Ketica, II. Supplemant, Helsinki, 1958).

48. Ср. варианты бирманских гласных фонем перед ? (В.Г. Златоверхова, О русской научной транскрипции для бирманского языка, - Народы Азии и Африки, 5, 1963, стр. 153).

49. С.Д. Кацнельсон, указ. соч., стр. 192-196, 273, 283.

50. В примерах, приведенных из енисейских языков, знаки ḥ, ?

При последующем ослаблении или исчезновении фарингализации гласный может в таких случаях оставаться широким (ср., напр., сым. фэныңг < фэ?н + ыңг, мн.ч. от фун "дочь"; дын-гит "елочка", мн.ч. дын-гэт < дын "ель" + кэ̄?т "дети"[51]), но чаще наблюдается центробежное развитие с сужением гласного в рекурсии. Это объясняется, видимо, постепенным исчезновением соответствующего слогового акцента, в результате которого фарингализация заменяется узкими полугласными типа сонантов i̯, u̯ ; причем u̯ чаще появляется после гласных заднего, а i̯ - после гласных переднего рядов. Кроме того, она может заменяться (особенно у толчкообразного акцента) ртовыми смычными согласными. В германских языках этот процесс известен как орализация толчкообразного акцента (ср. датск. диал. igs < ij?s < i:?s "лед", biķ < bij? < bi:? "пчела", hug^{w}s < huw?s < hu:?s "дом"), к которой примыкает так называемая "кельнская гуттурализация", ср. рип. tsik "Zeit", zik "Seite", ligə "leiden", lyk "Leute", kruk "Kraut"[52]. Типологически сходный процесс наблюдается в енисейских языках, что можно проиллюстрировать следующими примерами: дийтет' "бью-се", ср. дийатет' // диггэтет' < ди?этет' "бью-его"; дийјунг // диггунг (ср. у А.Кастрена ди?унг) "прыгну", ср. дэррунг < дэ?рунг "прыгнул", где j, r не появляются, а p (показатель прошедшего времени) геминируется под воздействием ?; сэ̄у < сэ̄? "трудный", ср. сэ̄ге // сэ̄wе "трудно (это)". Нередки, однако, и случаи, когда фарингализация не исчезает полностью и при последующем усилении сочетается с дифтонгами на i̯, u̯, ср. нем. диал. hau?s рядом с hu?s, hu·?s "дом" в других диалектах; ср. также бирм. c'au? "шесть", ou? "кирпич", bai? "живот", kalei? "занавес", pei?t'u "драп"[53].

Общую схему развития дифтонгизации под воздействием фарингализованных слоговых акцентов[54] можно представить в следующем виде (h - фарингализация):

после гласных обозначают соответственно: первый - фарингализацию плавного, а второй - фарингализацию (resp., ларингализацию) отрывистого слоговых акцентов.

51. Ср. о последнем слове: Т.И. Поротова, Образование и употребление форм числа существительных кетского языка. Автореф. канд. дисс., Томск, 1968, стр. 20.

52. См. С.Д. Кацнельсон, указ. соч., стр. 146-147, 197-198, 283.

53. Автор придерживается точки зрения, согласно которой бирм.? рассматривается как компонент 4-го тона (ср., однако: Н.Д.Андреев, М.В.Гордина, О.А.Тимофеева. Система тонов бирманского языка. - Филология и история стран Востока. Уч. зап. ЛГУ, вып. 12, 294, 1961).

54. Нельзя, однако, исключать и возможность воздействия на гласные нефарингализованных слоговых акцентов. Ср. в связи с этим гипотезу Сиверса о воздействии восходящих и нисходящих тонов при "расщеплении" гласных (E. Sievers, Steigton und Fallton im Ahd. Aufsätze zur Sprach- und Literaturgeschichte (Festschrift Braune), Dortmund, 1920;, Ср. об этом: С.Д. Кацнельсон, указ.соч., стр. 308).

'ih > i^{e}h > e^{ɛ}h > ɛ^{ä}h > äh > ae (ai̯) > äi̯ > ɛi̯ > ei̯ > ii̯
uh > u^{o}h > o^{ɔ}h > ɔ^{a}h > åh > ao (au̯) > ɔu̯ > ou̯ > uu̯
ɯh > ɯ^{ɔ}h > ɔ^{ʌ}h > ʌ^{a}h > ah > ao (au̯) > ʌu̯ > ɔu̯ > ɯu̯
Сходное развитие наблюдается при расширении гласного /y/: yh > y^{ø}h > ø^{œ}h > œ^{ɔ}h > ɔø (ɔi̯) > oy (oi̯) > uy (ui̯), ср. нем. trübe /try:bə/, нем. диал. trɔip, troip "пасмурно" ; нем. Kühe /ky:ə/, нем. диал. kɔi, koi "коровы"; дрвн. hiutu, срвн. hiute, нем. heute/hɔøtə/.

В центральных звеньях приведенных цепей как раз и возникает возможность для перехода åh > ah > åh с последующим развитием ah > au̯ > ɔu̯ > ou̯ , в результате которого появляется чередование нелабиализованных и лабиализованных гласных. Полный цикл предполагаемого развития иллюстрируют, например, данные из групп близкородственных языков и диалектов, ср.: гот. sle:pan, англ. sleep, дрвн. sla:fan, срвн. sla:fen, нем. диал. šlouvə "спать"; дрангл. be:am, гот. bagms, нем. диал. pa:m, дрсакс. bo:m, дрвн. срвн. boum, нем. Baum "дерево"; дрангл. he:ah, дрисл. ha:r, гот. hauhs, дрвн.срвн. ho:h, нем. диал. hu:x "высокий"; дрангл. he:r, срвн. ha:r, нем. диал. hour "волосы". Отдельные же языки и диалекты обнаруживают, как правило, только определенные отрезки этой общей цепи развития в зависимости от конкретных особенностей того или иного языка или диалекта.

Предлагаемая схема развития дифтонгизации равно как и сужения и расширения гласных монофтонгов[55] требует дальнейшей проверки, в ходе которой, вне всякого сомнения, появятся известные коррективы; но тот факт, что в основе этих фонетических процессов лежит слоговая акцентуация, представляется несомненным. Во всяком случае она определяет основное направление развития - центростремительное и центробежное. Вместе с тем нельзя отрицать и различные ассимилятивные факторы, которые дополняют акцентуационные и в итоге очень осложняют общую картину. Распространенные в настоящее время фонологические теории, обясняющие все эти процессы "давлением системы", "заполнением лакун в фонологической системе"[56] и т.д., фактически лишь констатируют совершившееся фонетическое изменение, не выясняя истинных причин , вызвавших его. "Давление системы" в лучшем случае может лишь способствовать фонологизации уже имеющихся фонетических различий, но само по себе не вызывает таких изменений.

---

55. Ср. так называемый великий сдвиг гласных в английском языке (В.А. Квятковский, Фонологические проблемы великого сдвига гласных в английском языке. Исследования по фонологии, М., 1966, стр. 386).

56. См. обзорную статью Г.С. Клычкова "Развитие диахронической фонологии за последние годы". ВЯ, 4, 1962, стр. 123-125. Ср. также указ. работу В.А. Квятковского, стр. 387.

Таким образом, дифтонгизация как и понижение и сужение гласных монофтонгов обнаруживают сходство с аблаутными явлениями в плане фонетическом: как те, так и другие обусловлены одними и теми же причинами.

Из вышеизложенного вытекает, что фарингализация, функционируя как элемент просодической системы, может оказывать на гласные такое же влияние, как фарингальные и ларингальные согласные фонемы в семито-хамитских и северокавказских языках[57]. В этом отношении интересно отметить, что Т.В. Гамкрелидзе возводит индоевропейские "ларингальные" к фарингальным[58], а Г. Меллер[59], Э. Сепир и др. - к звукам типа семито-хамитских сжатогортанных. Если такие звуки и существовали в древних индоевропейских языках, то их функционирование в качестве согласных фонем по меньшей мере спорно. Вовсе не отвергая гипотезу о существовании "ларингалов" в праиндоевропейском, нам представляется, однако, более правомерным рассматривать их не как линейные единицы-фонемы, а как компоненты суперсегментных фонологических единиц - слоговых акцентов, как это принято, например, большинством исследователей в отношении датского stød'a[60].

Уже давно установлено, что сжатогортанная артикуляция используется во многих языках в качестве просодического признака, характеризуя так называемые фарингализованные слоговые акценты[61]. При этом отрывистые слоговые акценты могут сопровождаться заротовой смычкой (фарингальной или ларингальной). Функционирование этого явления в языках Евразии как в области сегментной, так и в области надсегментной фонологии ставит исследователей нередко в затруднительное положение при его фонологической интерпретации[62]. Это

---

57. См. Н.В. Юшманов, Семито-хамито-яфетические сжатогортанные. Язык и мышление, XI, М.-Л., 1948, стр. 399-400, 402-403.

58. Т.В. Гамкрелидзе, Анатолийские языки и реконструкция системы "ларингальных" в индоевропейском. Проблемы сравнительной грамматики индоевропейских языков. Научная сессия. Тезисы докладов, М., 1964, стр. 49-50.

59. H.Möller, Die semitischindogermanischen laryngalen Konsonanten. Mémoire de l'Académie Royale des Sciences et des Lettres de Danemark, 7 ser., t. IV, Nr. 1, København, 1917.

60. Подробное освещение вопроса см. в кн.: Сравнительная грамматика германских языков, т. II, М., 1962, стр. 160-208. См. также указ. соч. С.Д. Кацнельсона.

61. См.: Вяч.Вс. Иванов, О прерывистой интонации в латышском языке, стр. 133-140. Его же рецензия на работу Б. Куриловича L'accentuation des langues indo-europeennes, 1952. ВЯ, 4, 1954, стр. 135.

62. См., напр., о подобном случае в новоиндийском языке панджаби в указ. работе Н.В. Юшманова, стр. 398. См. также: M. Durand, Le système tonal du tahitien. Bulletin de la Société de linguistique de Paris, t. 47, 1951, f.1, pp. 126-128. Ср. вопрос о фонологической интерпретации заротовой смычки в бирманском языке (Н.Д. Андреев, М.В. Гордина, О.А. Тимофеева, указ. соч., стр. 79-80) и вопрос о фонологической значимости датского толчка (Срав-

связано с тем, что в ходе исторического развития языков признаки, функционировавшие как просодические, могут быть переосмыслены в признаки фонемные. Так, например, допустимо, что с исчезновением системы слоговой акцентуации фарингализация может стать дифференциальным признаком гласных фонем[63], а заротовая смычка – либо дифференциальным признаком гласных фонем[64], либо самостоятельной согласной фонемой[65]. Однако все эти случаи требуют тщательных исследований, т.к. и в случае исчезновения компонентов мелодики немелодические компоненты как фарингализация, интенсивность и длительность могут функционировать как просодические (ср., например, датский толчок). Рассматривая сжатогортанную артикуляцию в древних индоевропейских языках, нельзя не учитывать всех этих фактов.

Исходя из данных, которые дают современные и исторически засвидетельствованные индоевропейские языки и в первую очередь балтославянские, древнегреческий и германские языки, можно заключить, что в древних индоевропейских языках существовали как фарингализованные, так и нефарингализованные тоны[66]. Их исчезновение в более поздний период не привело к возникновению сжатогортанных согласных фонем, но оставило ощутимый след в звуковой системе и прежде всего в вокализме. Одной из таких рудиментарных черт и является система аблаута. Представляется, что подобная интерпретация допустима и по отношению к аблаутным явлениям в палеоазиатских, алтайских и др. языках, для которых, как уже отмечалось, можно предположить древнюю политонию[67].

нительная грамматика германских языков, т. II, стр. 196-197).

63. См. о таких гласных: Г.Ф. Исхаков, Тувинский язык. Очерк по фонетике, М.-Л., 1957, стр. 32; А.Ч. Кунзэ, указ. соч., стр. 6, 7; В.И. Рассадин, Лексика современного тофаларского языка. Автореф. канд. дисс., Улан-Удэ, 1967, стр. 17-18; К.А. Новикова, там же.

64. Ср. прерывные и придыхательные гласные в удэйском языке (В.И. Цинциус, Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков, Л., 1949, стр. 62-68).

65. S. Bhattacharya, Glottal stop and checked consonants in Bonda. Indoiranian journal, The Hague, 1965, vol. 9, Nr. 1. П.Я. Скорик, указ. соч., стр. 18-19 (ср., однако, о чукотском ʔ: Г.М. Мельников, Фонемы чукотского языка. Язык и мышление, XI, стр. 208 и сл., где гортанная артикуляция определена как признак гласных). Такая интерпретация возможна, видимо, и в отношении гортанных согласных в самодийских языках, если для них допускать наличие политонии в древности.

66. Ср. замечание С.Д. Кацнельсона о том, что не только балтославянская акутовая интонация, но и древнегреческий акут может быть определен по своему происхождению как "резкая" интонация с гортанной смычкой (С.Д. Кацнельсон, Теория сонантов Ф.Ф. Фортунатова и ее значение в свете современных данных. ВЯ, 6, 1954, с.60).

67. Это согласуется с гипотезой, по которой в алтайских языках в доагглютинативную эпоху была распространена "внутренняя флексия" (Б.Я. Владимирцов, Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия, Л., 1929, стр. 133; Г.Д. Санжеев, Сравнительная грамматика монгольских языков, т.I, М., 1953, стр. 114 и сл.; Э.В. Севортян, Фонетика турецкого литературного языка, М., 1955, стр. 9).

Гипотеза Н.Д. Андреева о наличии в древних индоевропейских языках системы слоговых тонов позволяет объяснить и количественный аблаут, в частности, чередование долгих и кратких гласных на полной ступени: соображения типологического характера дают основание интерпретировать древние долготы как просодический, а не фонемный признак[68], как это характерно для современных языков со слоговой акцентуацией, в которых различают, как правило, долгие и краткие слоговые тоны[69]. По своему происхождению долгота в этих языках не была присуща ни фонемам, ни слогам. Различались только долгие и краткие (плавные и отрывистые) слоговые тоны, и только в зависимости от тона один и тот же слог или одна и та же фонема могли восприниматься и как долгие, и как краткие.

Однако в процессе исторического развития, вне всякого сомнения, возникали условия для фонологизации долгих и кратких звуков. В древних индоевропейских языках подобные условия возникали в результате исчезновения тонов, при котором фонологически существенные признаки тонов были переосмыслены в фонологически существенные признаки фонем. Происходило, таким образом, то же самое, что уже говорилось о фарингализации. В этом отношении обращает на себя внимание интересная мысль М.В. Гординой и И.С. Быстрова о том, что немелодические признаки тонов обнаруживают бо́льшее постоянство в сравнении с мелодикой[70]. Совершенно очевидно, что в процессе исчезновения слоговых тонов именно немелодические признаки могли легко переосмысливаться и восприниматься как фонологически существенные признаки фонем.

Не вполне оформившаяся фонологическая корреляция долгих и кратких фонем может служить признаком того, что в данном языке еще сохранились черты слоговой акцентуации. Это в значительной степени

---

68. Ср. идею Ф.Ф. Фортунатова о связи балтийских интонаций с количественными различиями в вокализме древнеиндийского, греческого и латинского языков (Ph. Fortunatov, Zur vergleichenden Betonungslehre der lituslavischen Sprachen. Archiv für slavische Philologie, Bd. IV, 1800; его же краткий очерк сравнительной фонетики индоевропейских языков в кн.: Ф.Ф. Фортунатов, Избранные труды, т. I, М., 1956); ср. также: А. Мейе, Общеславянский язык, М., 1951, стр. 128; Вяч.Вс. Иванов, В.Н. Топоров. Санскрит, М., 1960, стр. 63; И.М. Тронский, Древнегреческое ударение, М.-Л., 1962, стр. 3 и сл.

69. См.: Т.П. Задоенко, Краткий очерк системы тонов современного китайского языка. Вопросы китайской филологии, М., 1963, стр. 191 и сл.; М.В. Гордина, Длительность гласных вьетнамского языка, стр. 192-193; М.В. Соколов, Тональная система шанхайского диалекта. Спорные вопросы строя китайского языка, М., 1965, стр. 62 и сл.; Н.Д. Андреев, М.В. Гордина, О.А. Тимофеева, указ. соч., стр. 71 и сл.; Н.Д. Андреев, М.В. Гордина. Система тонов вьетнамского языка. Вестник ЛГУ, 8, 1957, сер. истории, языка и лит-ры, стр. 143 и сл. и др. работы.

70. М.В. Гордина, И.С. Быстров, Тональная система сайгонского

затрудняет фонологическую трактовку долготы-краткости и не исключает возможности двоякого толкования этого признака (и как просодического, и как фонемного). В этой связи показателен вокализм германских языков, в которых признак количества интерпретируется либо как просодический (в шведском, норвежском и др.), либо допускает двоякую интерпретацию: и в качестве просодического, и в качестве фонемного (английский, немецкий). Любопытно, что просодическое толкование признака количества имеет место как раз по отношению к тем языкам и диалектам, где еще прослеживается слоговая акцентуация. В свете изложенного представляется спорной точка зрения, согласно которой просодический характер долготы/краткости является инновацией[71]. Все древнегерманские долготы были просодического характера и лишь с исчезновением слоговой акцентуации могли быть переосмыслены в фонемный признак[72].

Показателен также пример с кетским вокализмом. Уже А. Кастрен-первый исследователь кетского языка, известный как тонкий фонетист, вынужден был заметить, что долгота в кетском языке не может быть точно обозначена[73]. Не преодолел этого и Кай Доннер, хотя он и выделил несколько градаций длительности[74]. Как выяснилось позже, все эти колебания длительности можно легко объяснить с точки зрения слоговой акцентуации[75].

Сходная ситуация имеется, видимо, в некоторых тунгусо-маньчжурских языках. Так, например, нет однозначного решения относительно длительности в нанайском языке[76]. Не исключено, что и в данном случае вопрос о длительности может найти удовлетворительное решение с точки зрения слоговой акцентуации, тем более, что некоторые явления в этих языках можно бы истолковать как рудиментарные черты такой системы[77]. Очень интересна в этом отношении последняя работа А.М. Щербака, в которой предлагается подобная интерпрета-

---

диалекта вьетнамского языка,- Вопросы грамматики языков стран Азии, Л., 1964, стр. 43-46. Их же: Признаки синтагматического членения и фразовая интонация во вьетнамском языке. Языки народов Востока. Уч. зап. ЛГУ, 305, вып. 12, Л., 1961, стр. 29.

71. См., напр.: А.С. Либерман, К истории долготы в среднеанглийском. Научные доклады высшей школы. Филологические науки, I, 1965, стр. 125-126, 134.

72. Ср.: С.Д. Кацнельсон, Сравнительная акцентология германских языков, стр. 312.

73. См. указ. соч., стр. 14.

74. K. Donner, Über die Jenissei-Ostjaken und ihre Sprache, Journal de la Societe Finno-ougrienne, XLIV, 2, Helsingfors, 1930, S. 17-18.

75. См. работу автора "Сымско-кетская система слоговой акцентуации" (в печати).

76. См. С.Н. Оненко, О долгих гласных нанайского языка. Языки и фольклор народов сибирского Севера, М.-Л., 1966, стр. 160 и сл.

77. Ср. замечание В.А. Аврорина об интонациях в нанайском языке (Грамматика нанайского языка, т.I, М.-Л., 1959, очерк фонетики, стр. 24 и сл.), вопрос, который, видимо, еще ждет своего разреше-

ция и для тюркских первичных долгот[78].

Процесс возникновения противопоставления долгих и кратких фонем под воздействием слоговой акцентуации можно наблюдать в некоторых языках Юго-Восточной Азии. Во вьетнамском языке, например, один и тот же тон может иметь различный фонемный базис, характеризующийся либо долгим гласным и кратким сонантом, либо кратким гласным и долгим сонантом. При такой ситуации могут возникнуть условия для интерпретации долгого гласного или долгого сонанта в качестве самостоятельной фонемы в противоположность соответствующей краткой фонеме[79]. Не исключено, что исторически подобные различия в фонемном базисе восходят к двум различным тонам - плавному и отрывистому -, которые в настоящее время совпали в одном тоне. Это предположение подтверждается, например, фактами енисейских языков. Енисейские слова и?н: "игла" и иИ:н "долго" различаются не столько звуковым составом, сколько акцентуацией: в первом слове представлен резкий, а во втором - плавный фарингализованные тоны. В случае нейтрализации этих тонов по регистру, они бы полностью совпали по всем признакам, кроме резкости-плавности, которая могла бы в таком случае восприниматься как различие в способе примыкания[80], и в результате получилась бы общая картина, напоминающая отмеченное состояние во вьетнамском.

Своеобразное распределение долготы/краткости, при котором краткий вокализм сочетается с долгим консонантизмом, а долгий вокализм - с кратким консонантизмом[81], следует, таким образом, возводить к былым различиям в слоговой акцентуации. Причем, долгий вокализм обусловлен плавными слоговыми акцентами[82], а долгий консонантизм - отрывистыми. В отношении германских языков это отмечается С.Д. Кацнельсоном, по мысли которого фонетическое различие в примерах типа дрисл. vit "разум", vitt "волшебство" возникло на основе акцентуации, причем гемината - под воздействием резкого сло-

---

ния. Ср. также распространение фарингализации и музыкальный характер словесного ударения (см. сноски 24, 63, 64 наст. работы).

78. А.М. Щербак, О происхождении первичных долгих гласных в тюркских языках. ВЯ, 6, 1967, стр. 46.

79. О сложности фонологической трактовки подобных фактов см.: М.В. Гордина, Длительность гласных вьетнамского языка, стр. 184-193.

80. Ср. в связи с этим замечание М.В. Гординой о характере примыкания во вьетнамском языке (указ. соч., стр. 184, 192).

81. Это явление представлено и в индоевропейских языках, напр., в германских, ср.: А.С. Либерман, указ. соч., стр. 125-126; H. L. Kufner, History of central Bavarian obstruents. Word, XVI, 1, 1960; С.Д. Кацнельсон, Сравнительная акцентология германских языков, стр. 83-86, 213-214.

82. Ср. В.М. Жирмунский, Немецкая диалектология, М.-Л., 1956, стр. 161-162.

гового акцента[83]. Это хорошо подтверждается фактами енисейских языков, в которых наблюдаются случаи геминации под воздействием отрывистого фарингализованного тона. Особенно отчетливо подобное удлинение согласных воспринимается в положении между гласными, ср.: ба?ттат "лицо", ди?ккунг "поймаю" (ср. дико?ррунг "поймал"). Сходная типологическая параллель прослеживается в бирманском языке: c'auss'e "шестьдесят" < c'au? "шесть" + s'e "десять", lessu' "кольцо" < le? + su', lenne "рукой" < le? + ne[84]. Воздействием слоговой акцентуации следует, видимо, объяснять и так называемую экспрессивную геминацию в различных языках, в особенности, в индоевропейских[85]. Кроме того, к данному явлению может восходить противопоставление глухих и звонких согласных[86] или различие в способе примыкания[87], о чем уже говорилось.

Таким образом, механизм появления чередования долгих и кратких фонем - как гласных, так и согласных - тот же самый, который обусловил появление качественных чередований: это превращения в древней тональной системе, в результате которых создавались условия для переосмысления тональных признаков в признаки фонемные. В основе аблаутных явлений лежат, следовательно, не ларингальные согласные фонемы, а древние индоевропейские слоговые тоны[88]. Если реконструкция даже трех-четырех "ларингальных" фонем, не говоря уже о десяти (А. Мартине), очень сомнительна, то количество слоговых тонов действительно не могло быть меньше трех-четырех, что подтверждается фактами современных языков как индоевропейских, так и неиндоевропейских.

Общепринято, что в языках со слоговой акцентуацией слоговые ак-

---

83. С.Д. Кацнельсон, Сравнительная акцентология германских языков, стр. 309.

84. П.Д. Андреев, М.В. Гордина, О.А. Тимофеева, указ. соч., стр. 80. Правда, авторы усматривают в данных примерах полную ассимиляцию ?, на основании чего она определяется как согласная фонема. На наш взгляд, более важным в данном случае является не смычка сама по себе, а наличие особого отрывистого сжатия гортани как признака соответствующего тона.

85. См., напр., об экспрессивных геминатах: Т.Я. Елизаренкова, К фонологической интерпретации геминат в пали. Краткие сообщения ин-та народов Азии, 62. Языки Индии, М., 1964, стр. 161.

86. См.: Вяч.Вс. Иванов, О прерывистой интонации в латышском языке, стр. 147; А.М. Щербак, указ. соч., стр. 46.

87. А.М. Щербак, указ. соч., там же; С.Д. Кацнельсон, указ. соч., стр. 86. Ср. также сноску 80 наст. работы.

88. Небезынтересно в этом отношении замечание Вяч.Вс. Иванова о наличии в индоевропейских диалектах долгого вокализма до падения "ларингальных" (Вяч.Вс. Иванов, Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы, стр. 23-24) и предположение Е. Куриловича относительно того, что основные типы аблаута оформились до исчезновения "ларингальных" (J. Kurylowicz, L'apophonie en indo-européen, Wroclaw, 1956, стр. 166; ср. также: W.P.Lehmann, Proto-Indo-European Phonology, Austin, Texas, 1952,

центы широко функционируют в качестве грамматического средства[89]. То же самое отмечается и для древнего состояния индоевропейских языков[90]. Неудивительно поэтому, что исчезновение тонов могло сопровождаться грамматизацией такого чисто фонетического поначалу явления как аблаут: с полным исчезновением тонов их грамматические функции перешли к соответствующим гласным, в свою очередь превратившимся из позиционных вариантов в самостоятельные фонемы. Таким образом, грамматизация чередований гласных происходила параллельно с их фонологизацией.

Наличие тональной системы компенсировало возможную первоначальную "бедность" системы вокализма[91], и, таким образом, не противоречит идее о моновокалической системе в древнейшую эпоху. Но представляется более реальной точка зрения тех исследователей, которые допускают существование разветвленной системы гласных уже в древнейший период развития индоевропейских языков[92].

Следует далее остановиться на вопросе о появлении ступени редукции и нулевой ступени.

Для выявления механизма возникновения слабых ступеней большое значение приобретает вопрос о характере словесного ударения в древних индоевропейских языках, т.к. тесная связь этого явления со словесным ударением теперь уже не вызывает сомнений. Поскольку индоевропейский праязык определяется как язык корнеизолирующего типа, то можно, очевидно, для решения этого вопроса извлечь ценные данные из современных языков корнеизолирующего типа в Юго-Восточной Азии. Словесное ударение в этих языках очень метко определено в одной из работ Н.Д. Андреева и М.В. Гординой, в которой оно характеризуется как "м е р а п о л н о т ы р е а-

---

стр. 110 и сл.). Это подтверждает высказанное предположение о том, что появление аблаута обусловлено не "ларингальными" фонемами. Ср. также сдержанный характер последних работ таких "столпов" ларингальной теории как Е. Курилович и Э. Бенвенист: J. Kurylowicz, Probleme der indogermanischen Lautlehre. II. Fachtagung für indogermanische und allgemeine Sprachwissenschaft. Insbruck, 10-15 Oktober, 1961 (Insbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft, Heft 15, Insbruck, 1962), SS. 107-115; E. Benveniste, Hittite et indo-europeen, Paris, 1962, стр. 9-10.

89. Это отмечено не только в политонических языках Евразии, но и в других языках, в частности в африканских, ср., напр.: Hans-Heinrich Wängler, Singen und Sprechen in einer Tonsprache (Hausa). – Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft, Bd. 11, Hf.1, 1958, SS. 23-24.

90. См.: А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.-Л., 1938, стр. 164.

91. Ср.: Н.Д. Андреев, Периодизация истории индоевропейского праязыка, стр. 14.

92. См., напр.: В.М. Иллич-Свитыч, Генезис индоевропейских рядов гуттуральных в свете данных внешнего сравнения. Проблемы сравнительной грамматики индоевропейских языков. Научная сессия. Тезисы докладов, М., 1964, стр. 26.

л и з а ц и и т о н а"[93] (разрядка моя – Г. В.). Ударение накладывается на слоговые тоны таким образом, что тон ударного слога характеризуется более четкой реализацией всех своих признаков (регистра и контура мелодики, долготы, интенсивности, фарингализации и т.д.), в то время как тоны безударных слогов реализуются менее четко, а при известных условиях могут и совсем исчезать[94].

Такое определение словесного ударения, принятое для общеиндоевропейского языкового состояния, делает бессмысленным спор о том, было ли оно музыкальным, динамическим или количественным[95], т.к. оно могло сочетать в себе все признаки соответствующего слогового тона, и лишь позднее, когда исчезла тональная система один из этих признаков (а, возможно, и несколько из них) мог стать доминирующим. Доминирующая интенсивность приводила к динамическому ударению, а доминирующая мелодика – к музыкальному, т.е. к повышению голоса на ударном слоге[96]. Это повышение голоса обусловлено, видимо, не только более четкой реализацией соответствующего тона в ударной позиции, но и факторами ассимилятивного характера[97].

Ослабление таких тональных признаков как интенсивность, долгота, фарингализация и др., понятно, не могло не сказаться на соответствующем гласном: он подвергался в этих условиях редукции вплоть до полного исчезновения в зависимости от степени ослабления безударного слога. Впрочем, фарингализация, как уже отмечалось, могла при ослаблении в безударной позиции легко переходить в лабиализацию, что в некоторой степени согласуется с гипотезой К.Г. Мейера о переходе а > о[98].

Факты многих индоевропейских языков подтверждают возможность подобной интерпретации словесного ударения. Рефлексом такого со-

---

93. Н.Д. Андреев, М.В. Гордина. Тональная система и ударение в бирманском и вьетнамском языках. Филология стран Востока, Л., 1963, стр. 63–64. Ср. также: Н.А. Спешнев, Акустическая природа словесного ударения в современном китайском языке. Вопросы корейского и китайского языкознания. Уч. зап. ЛГУ. 236, Л., 1958, стр. 138 и сл. Сходное состояние предполагается большинством исследователей для праславяно-балтийского (см., напр.: С.Б. Бернштейн, Очерк сравнительной грамматики славянских языков, М., 1961, стр. 141 и сл.).

94. Ср.: Н.А. Спешнев, указ. соч., стр. 138; М.В. Соколов, Тон и ударение в шанхайском диалекте. Интонация и звуковой состав, М., 1965, стр. 128. Ср. также: А.И. Иванов, Е.Д. Поливанов. Грамматика современного китайского языка, М., 1930, стр. 190.

95. См.: Сравнительная грамматика германских языков, т. II, стр. 165; ср.: И.М. Тронский, указ. соч., стр. 30–44, 103–117; Р.В. Кравчук, указ. соч., стр. 30.

96. А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, стр. 161–164.

97. О фонетической стороне вопроса см., напр.: М.В. Соколов, указ. соч., стр. 139.

98. Это вовсе не значит, что переход а > о следует непременно связывать с воздействием словесного ударения: ослабление фаринга-

стояния в древнейшую эпоху развития индоевропейских языков может рассматриваться так называемое политоническое словесное ударение[99] в некоторых современных или исторически засвидетельствованных индоевропейских языках. Такой подход не исключает возможности появления интонационных различий в безударных слогах в языках, в которых такие различия еще прослеживаются в ударных слогах. В свете изложенного лишено смысла возражение Е. Куриловича в адрес Я.М. Эндзелина по вопросу о наличии интонационных различий в латышском в безударных слогах[100]. Они, вне всякого сомнения, могли сохраниться как рудиментарные явления былой системы слоговой акцентуации, что и подтверждается в известной степени интонационными системами латышских и литовских диалектов.

Вызывает возражения и замечание Е. Куриловича по поводу предположения Бецценбергера о генетическом родстве литовских и греческих интонаций (в конечных слогах), а именно, что "в крайнем случае индоевропейским наследием можно бы было считать только одну из них"[101]. Диалектные расхождения в древний период развития индоевропейского праязыка затрагивали и систему слоговой акцентуации (ср. диалектные расхождения в германских языках и в языках Юго-Восточной Азии), а к этим расхождениям и можно возводить различия в современных или исторически засвидетельствованных индоевропейских языках. Это позволяет также заключить, что система аблаута возникла в такой период, когда междиалектные различия в системе слоговой акцентуации еще не были значительны.

Предлагаемая интерпретация аблаутных явлений (как качественных, так и количественных) предполагает, таким образом, единую основу для различных языков Евразии, включая и языки со следами так называемой "внутренней флексии" типа монг.письм. abaj "отец", ebej "мать"; маньч. хэхэ "мужчина", хэхэ "женщина"; эмила "самец", эми-

---

лизации могло происходить и в ударном слоге в процессе исчезновения слоговой акцентуации. Ср. в связи с этим замечание Хирта о том, что примеры типа греч. πατήρ "отец" (ср. ἀπάτωρ, πατρο-πάτωρ), ἀνήρ "мужчина" (ср. ἀν-ήνωρ, ἀγ-ήνωρ) иллюстрируют появление ω в безударной позиции недостаточно убедительно, т.к. прежде эти формы имели ударение на ω (ἀπάτωρ<ἀπατώρ); кроме того, существуют параллельные формы типа βωτωρ // βοτηρ "пастух" (H. Hirt, Der indogermanische Vokalismus, S. 174).

99. П.С. Кузнецов, К вопросу о фонологии ударения. Доклады и сообщения филологического факультета МГУ, вып. 6, М., 1948, стр. 1,-17; его же: К вопросу об ударении и тоне в фонологическом и фонетическом отношении. Теоретические проблемы прикладной лингвистики, М., 1965, стр. 104 и сл. Ср. также: И.Б. Ефремова, Мелодика простого распространенного предложения в норвежском риксмоле. - Скандинавская филология, I, уч. зап. ЛГУ, вып. 62, 308, Л., 1961, стр. 21, 35.

100. См.: Е.Курилович, Очерки по лингвистике, стр. 326-328.

101. Там же, стр. 329.

лэ "самка"; эмэ "отец", эмэ "мать"; гангань "сильный", генгэнь "слабый"[102]; тюрк. аǩа "батюшка", äǩä "тетка"; казах. тарт- "тянуть", терте "оглобля"; татар. ачы "горький", эче "кислый". В работах алтаистов последних лет убедительно показано, что явления "внутренней флексии" не могли возникнуть на ассимилятивной основе[103], и с учетом вышеизложенных соображений[104] они могут возводиться к аблаутным явлениям, обусловленным древней системой слоговой акцентуации[105].

Итак, появление ступеней индоевропейского аблаута связывается в настоящей работе со следующими двумя факторами: а) воздействием на звуковую систему слоговой акцентуации и б) воздействием на эту же систему словесного ударения. Первое из них объясняет нам происхождение качественного и количественного (на полной ступени) аблаута и процесс грамматизации того и другого. Все эти явления развивались в тесной связи и при полном совпадении во времени, т.к. фонологизация накопляющихся фонетических изменений сопровождалась и одновременной их грамматизацией. Такая интерпретация снимает спор о том, является ли аблаут исконно фонетическим или морфологическим процессом.

Второй фактор объясняет нам происхождение слабой ступени аблаута (редуцированной и нулевой). Истоки этого явления следует искать на той древней ступени развития индоевропейских языков, когда появляется словесное ударение, развившееся из первоначально логического. Грамматизация и особенно централизация словесного ударения неизбежно должны были сопровождаться ослаблением безударных слогов, что и обусловило появление слабой ступени аблаута. В неразрывной связи с этим находится и процесс становления различных аффиксов[106].

---

102. Б.К. Пашков, Маньчжурский язык, М., 1963, стр. 17, 24.

103. Т.А. Бертагаев, Чередование фонем и сингармонизм в агглютинативных языках. Морфологическая типология и проблема классификации языков, М.-Л., 1965; М.А. Черкасский, указ. соч. (можно полностью согласиться с замечанием Т.А. Бертагаева относительно того, что М.А. Черкасский проявляет некоторую непоследовательность в данном вопросе: отвергая ассимилятивную основу возникновения чередований, он допускает комбинаторное их происхождение в полисинтетическом комплексе, см. указ. соч. Т.А. Бертагаева, стр. 140).

104. Ср. также цит. статью А.М. Щербака.

105. Ср. в связи с этим интересную мысль Е. Куриловича о том, что "внутренняя флексия" семитских языков развилась из древней апофонии (см. об этом: И.А. Мельчук, О "внутренней флексии" в индоевропейских и семитских языках. ВЯ, 4, 1963, стр. 29).

106. Подробнее об этих вопросах см. в указ. работе Р.В. Кравчука, стр. 43-47. Ср. также: В.Д. Аракин, О превращении лексических единиц в аффиксальные морфемы. Уровни языка и их взаимодействие. Тезисы научной конференции (4-7 апреля, 1967 г.), М., 1967.

Г. К. ВЕРНЕР

СЛОГОВАЯ АКЦЕНТУАЦИЯ КЕТСКИХ ГОВОРОВ

Как нами уже сообщалось, не только в языке сымских кетов, но и в севернокетских говорах можно различать несколько слоговых тонов[1]. В настоящей статье мы возвращаемся к этому вопросу и рассматриваем его более подробно с привлечением дополнительных данных, полученных в местах проживания носителей современных кетских говоров в 1967-1968 гг. Работа носит тем не менее характер предварительного сообщения, так как основывается не на экспериментальных материалах, а на восприятии кетских слоговых тонов на слух. Вполне естественно, что в ходе дальнейших исследований, в особенности экспериментальных, могут возникнуть некоторые дополнения и уточнения.

Для выявления тональной системы современных кетских говоров нами было отобрано более 400 односложных слов и словоформ различных частей речи[2], которые опрашивались у кетов Курейки, Бакланихи, Сургутихи, Елогуя (пос. Келлог) и Подк. Тунгуски (пос. Суломай). В каждом пункте опрошено 8-10 человек. Такой массовый опрос позволяет прежде всего избежать случайных колебаний в употреблении тонов и в то же время учитывать индивидуальные и факультативные варианты произношения. Все слова располагались в алфавитном порядке с тем, чтобы все омонимы и квазиомонимы были в непосредственной близости. Это очень удобно при опросе, так как при сравнении квазиомонимов даже мельчайшие различия становятся заметными. По всем говорам сделаны магнитофонные записи, которые послужат основой для экспериментальной проверки сделанных здесь выводов.

---

1. См. работу автора "Сымско-кетская система слоговой акцентуации",- Труды кафедр гуманитарных наук Омского пединститута им. А.М.Горького, Омск, 1968.

2. Правда, в говорах Курейки, Бакланихи и Сургутихи некоторые из сравниваемых слов являются двухсложными, т.к. в них еще не закончился процесс апокопы конечного редуцированного гласного

Сравнение тональной характеристики односложных слов[3] позволяет выделить в акцентном отношении три группы говоров: а) говоры Подк. Тунгуски и Елогуя, б) говоры Бакланихи и Сургутихи, в) говор Курейки. Между говорами внутри каждой группы не наблюдается значительных акцентных расхождений[4], в то время как между группами говоров эти расхождения довольно значительны.

I. Говор Курейки.

В курейском, как и в других кетских говорах, общее количество слоговых тонов в односложных словах достигает пяти. Пятый тон, не имеющий соответствия в сымском, характерен лишь для некоторых форм мн. числа существительных, в которых сонант /н/ исхода основы сливается в результате синкопы промежуточного редуцированного гласного с /н/ показателя мн. числа, ср.: дын'н' < *дын'ин', сым. дынынг "ёлки"; ен'н', ср. бакл. ен'ин', сым. ен'ин "зятья"; кэнн// кэн'н' < *кэн'ин' "кони"; кунн// кун'н', ср. сым. кунын// кунынг "россомахи". Это нефарингализованный и несколько отрывистый тон. Его следует, видимо, отождествить с краткими тонами в многосложных словах, но в приведенных словоформах он удлинен за счет слившегося с основой показателя мн. числа -н. Это предположение подтверждается различиями в вокализме, совпадающими с соответствующими различиями в многосложных словах, ср.:

о·к "стерлядь"	ко·н "конь"
экш'ин "стерляди"	кэн'н' < *кэн'ин' "кони"
қэр' "жердь"	эн' "зять"
қе·р'енг "жерди"	ен'н' < *е·н'ин' "зятья"

Поскольку расхождения в вокализме многосложных слов отражают различия в акцентуации, то последнее можно предположить и для слов кэн'н' "кони" и ен'н' "зятья", где, таким образом, в пятом тоне совпали разные акцентные явления. Акцентуация слов с этим тоном отличается от акцентуации словоформ типа ѣ̆тн "колчаны для стрел", бакнг "кряжи", ѣ̆·тн "мы" лишь тем, что в последних на согласных т,к прерываются колебания голосовых связок, в то время как в первом случае этого не происходит и тоны двух слогов сливаются фактически в один (напр., дын' + н' "ёлки").

Первый тон[5] курейского говора является нефарингализованным, долгим, восходящим движением голоса. В транскрипции он передается нами, однако, знаком полудолготы гласного (напр.: с'е·с' "ре-

---

3. Поскольку основная цель настоящей статьи - выявить слоговые тоны, описать их фонетические характеристики и установить их дифференциальные признаки, то мы ограничиваемся анализом односложных слов, т.к. в них тоны реализуются наиболее отчетливо; акцентуация многосложных слов отличается от акцентуации односложных и требует специального исследования.

4. Если такие расхождения и обнаруживаются, то они затрагивают, как правило, не систему слоговых тонов, а лишь лексико-морфологическую дистрибуцию последних, что, кстати, можно наблюдать и внутри одного и того же говора.

5. Здесь сохраняется нумерация в соответствии с той, которая

ка", би·т "гагара", би·с' "вечер", бу·л' "нога", дʲе·с' "моча",е· "железо", и·м "орех", ке·с' "налим", ки· "ловушка", ки·т "туша", у·л' "вода", қы·т "волк", қу·к "Енисей", қи·м "женщина", қа·қ "елец", до·нг "мозг"), так как он по долготе несколько уступает нефарингализованному третему тону. Это характерно в общем и для других кетских говоров и в данном отношении интересно замечание Кэя Доннера о том, что в кетском языке можно выделить несколько градаций длительности[6].

В кетских говорах в этом тоне совпали, видимо, два различных тона, что находит подтверждение при сопоставлении некоторых слов с соответствующими сымскими параллелями. В сымском этому тону соответствует, как правило, краткий тон, но в некоторых случаях появляется точно такой же тон, но долгий. Это обычно слова, которые в говорах Курейки, Вакланихи и Сургутихи еще не утратили конечный редуцированный гласный, ср.: кур. е·jе, сым. е·й[7] "остров"; кур. кʲе·н'е, сым. кʲе·н' "заря"; кур. тʲе·нгъ, сым. ч'ʲе·нг "волосы", кур. қу·л'е, сым. қу·л' "борода"; кур. с'и·л'е, сым. ш'и·р "лето"; кур. қы·те, сым. қы·т "зима", но кур. ти·п, сым. ч'ип "собака"; кур. ди·т, сым. дит' "глухарь"; кур. е·с', сым. еш' "бог"; кур. л'о·н', сым. лон "губа"; кур. де·с', сым. деш' "глаз"(ср., однако, кур. и·с', сым. и·ш' "рыба"). В свое время этот сымский тон рассматривался нами как вариант 3-го тона, но привлечение сравнительного словарного материала из кетских говоров заставляет думать, что это самостоятельный тон.

Второй тон курейского говора является кратким, восходяще-нисходящим, отрывистым и фарингализованным: а?қ "дрова",бʲа?с' "заяц", дʲе?қ "жизнь", дʲо?н' "нож", бʲ?л' "лягушка", кэ?й "крыло", и?л' "песня", ку?с' "корова", о?нг "луга", тʲе?қ "палец". В открытых слогах фарингализация может сопровождаться заротовой смычкой (и? "лабаз", қэ? "рог", с'и? "подстилка из оленей шкуры", ку? "уголь", тʲе? "окунь"), что при восприятии на слух в известной мере сходно с русским разг. н'е? "нет". Характерной особенностью этого тона является,однако, не заротовая смычка сама по себе, а отрывистый, резкий характер произношения соответствующего слога[8]. В транскрипции он обозначен нами знаком ?, передающим, таким образом, не заротовую смычку, а резкую, толчкообразную фарингализацию.

была принята нами для сымского (см. указ. статью).

6. K.Donner, Über die Jenissei-Ostjaken und ihre Sprache. Journal de la Soc. Finno-ougr.,Bd. XLIY,2, 1930, S. 17-18.

7. Этот сымский тон передается знаком полудолготы гласного.

8. Более подробно о фонетическом характере и фонологической сущности заротовой смычки см. в статье автора "К фонологической интерпретации ларингального смычного в кетском языке"(в печати).

Третий тон является долгим, восходяще-нисходящим, производящим иногда впечатление легко фарингализованного. В транскрипции он обозначен знаком долготы гласного: у: "луг", с'ɛ̆:т "пятка", и: "пар", с'у:л' "нарта", та:л' "корм для собак", тɛ̆°:н "окуни", ы:т "чуман", ḥу:л' "молот", ḥу:т "хвост", қɔ:н' мн. число от қɔ? "сарана", қу: "шест для лодки", қа:н' "слова", ы:н' "кора хвойных деревьев". Этот тон характерен, как правило, для слов, ставших односложными в результате синкопы интервокального согласного, ср. кɛ̆:н < кɛ̆ын "лисица", ɛ̆: (мн. число ɛ̆:н), ср. сым. ɛ̆:п (мн.число ɛ̆фынг) "лист"; қу:н' мн. число от қу'п "косач", ср. сым. хуфынг "косачи".

Четвертый тон тоже может быть охарактеризован как долгий, восходяще-нисходящий, хотя он по длительности и несколько уступает 3-ему. Кроме того, он отличается от 3-го более низким регистром и, видимо, более отчетливо воспринимающейся фарингализацией. Поскольку основным различием между ними является по существу регистр мелодики, то при восприятии на слух их нередко очень трудно отличить друг от друга.

В курейском говоре этот тон встречается обычно в словах и словоформах, в которых еще не утрачен конечный редуцированный гласный. В транскрипции он, как и соответствующий сымский тон, выделен посредством фарингализации (знаком ḥ после соответствующего гласного): қаḥ:нгъ "коршун", аḥ:с'е "перо", дəḥ:с'е "глаза́", ɛ̆ḥ:ӳъ "вошь", эḥ:р'е "соболь", эḥ:је "языки", эḥ:н'е "зять", иḥ:те "зуб", иḥ:н'е "коготь, ноготь", с'эḥ:л'е "олень", с'иḥ:р'е "ремешок", тиḥ:р'е "корень", уḥ:те "крот", ḥəḥ:је "вёсла", ыḥ:р'е "весна", ḥəḥ:с'е "бубны", қɔḥ:н'е "хрящ", қɔḥ:нгъ "днем", қуḥ:р'е "щука".

Вся тональная система курейских односложных слов и словоформ[9], а также ударного слога отмеченных двусложных слов, строится, на наш взгляд, на противопоставлениях по высоте регистра, плавности-отрывистости и циркумфлексному-нециркумфлексному контуру (см. приведенную матрицу отождествления курейских слоговых тонов).

слоговые тоны / дифф. признаки	1	2	3	4
1) плавный-отрывистый	+	-	+	+
2) высокий-низкий	+	0	+	-
3) циркумфлексный-нециркумф.	-	0	+	0

9. Тон, обозначенный нами как пятый, по вышеизложенным соображениям сюда не относится и будет рассмотрен в статье об акцентуации многосложных слов.

Признак долготы-краткости, сопутствуя признаку плавности-отрывистости, не совпадает, однако, с последним и в общем фонологически несущественен. Так, например, отрывистый второй тон обычно краток в закрытых слогах. Но он может быть и удлинен в этой позиции, лишь бы не нарушался его толчкообразный характер. Наши информаторы, когда они старались как можно отчетливее произнести соответствующее слово, именно так и поступали: несколько растягивая гласные, они, однако, неизменно сохраняли толчкообразную фарингализацию, ср.: қа·ʔт "парка", тѣ·ʔқ "палец", кѣ·ʔт "дети", э·ʔ "эга", ды·ʔ "шапка", дɔ·ʔн' "нож" (вместо қаʔт, тѣʔқ, кѣʔт, эʔ, дыʔ, дɔʔн'). С другой стороны, слова, имеющие первый тон и не получающие ударения в предложении (напр., местоимения), могут в значительной степени сокращаться, но не совпадают при этом со словами, имеющими второй тон, так как у них нет отрывистой фарингализации: ук// у·к "ты", ат// а·т "я", бунг// бу·нг "они".

2. Говоры Елогуя и Подк. Тунгуски.

Первый тон этих говоров по своим фонетическим признакам в общем совпадает с соответствующим тоном в других говорах, лишь уступая ему по длительности. Последнее особенно характерно для говора Подк. Тунгуски: в произношении некоторых наших дикторов (например, О.В. Тыгановой) он иногда настолько сокращается, что мог бы быть определен как краткий тон. Тем не менее он обозначен нами в транскрипции, как и в курейском, знаком полудолготы гласного: бӓ·ɣ "кряж", бӓ· "кулик", бе·й "ветер", ти·к "снег", де·нг "озёра", о·п "отец", ди·п' "я-ем", ѣ·ɣ "ветвь", и·с' "рыба", о·к "стерлядь", ке·нг "крылья", и·л' "ешь!", лѣ·қ "пушнина для пошива или отделки одежды", кы·л' "ворона", с'е·с' "речка", тӓ·п "обруч, круг", у·п' "угодье зверя", с'у·й "комар", с'е·нг "печень".

Не исключено, что в этих говорах сохранилось некоторое различие между двумя, совпавшими в первом, тонами, о чем выше уже говорилось. Во всяком случае обращает на себя внимание следующий случай: слова е·й "язык", е·й "сосна", е·й "остров" воспринимались нами в Келлоге как совершенно одинаковые; однако некоторые дикторы (напр., Коганов С.П. и Максунова З.С.) утверждали, что слово е·й "остров" несколько отличается от слов "сосна", "язык", хотя и не могли точно указать, в чем это различие состоит. Возможно, в представлении носителей этих говоров еще не утрачен полностью конечный редуцированный гласный[10] и слово "остров" воспринимается ими как е·jе. Это предположение подтверждается, например, наличием в конечной позиции согласных ɣ, р', которые можно бы рассматривать еще как интервокальные, т.е. ыр'е (вместо ыр') "весна", ɦи·ɣъ (вместо ɦи·ɣ) "мужчина".

---

10. Ср. Н.С.Трубецкой, Основы фонологии, М., 1960, стр. 71,72.

Фонетическая характеристика второго тона полностью совпадает во всех кетских говорах. Наблюдаются только некоторые случаи несовпадения его лексико-морфологической дистрибуции по говорам, ср. кур. ди:н'// ди·н' "орлы", ел. ди?н, сул. ди?н// ди·н , бакл. ди?н, сур. ди?н'// ди·н'; сул. и?н', ел. ин// и?н, бакл., сур. и?н', кур. и:н' "долго"; сул., ел. қɔЧ, бакл., сур., кур. қɔ? "звезда".

В произношении отдельных лиц не совсем четко подчеркивается отрывистый характер этого тона, что в говорах Елогуя и Подк. Тунгуски может приводить к смешению его с четвертым тоном. Такое произношение характерно, например, для О.В. Тыгановой (Суломай). Поразительной четкостью отличается, напротив, произношение Каменских У.К. (тоже Суломай), передающей даже мельчайшие оттенки того или иного музыкального движения голоса. На такое произношение мы и ориентировались при установлении тональной характеристики слов. Приведем некоторые примеры со вторым тоном из говоров Елогуя и Подк. Тунгуски: ӓ?т "кость", бɔ?к "огонь", са?қ "белка", кэ?т "человек", ḥы?п'// хы?п' "сын", ḥу?с' "черника", ḥы?л' "ясный" (о погоде), с'э?с' "лиственница", с'ӓ?л' "карась", ки? "новый", с'э?й "сиденье из пихтовых ветвей", тӓ?п' "собаки", ḥ̌?л' "рыбий пузырь", қы?т "лук", қɔ?л' "Подк. Тунгуска", қɔ?т "дорога", ди? "комель".

Третий тон по своей фонетической характеристике также совпадает во всех кетских говорах: ḥу: (иногда ḥу:н') мн. число от ḥу· "сердце", қɔ:н' мн. число от қо·п' "вершина дерева", қ̌:л "большой палец руки", қɔ:л' "пена", қи:н' мн. число от қай "сохатый", т̌:л' "мерзлый", сɔ:м "томар", с'ы: "год", э:нг мн. число от э?п' "лопата для снега", ду:с' "наживка".

Четвертый тон в этих двух говорах является кратким, нефарингализованным, низким (по контуру, видимо, нисходящим), отрывистым. В транскрипции слова с этим тоном выделены краткостью вокализма: ӓй "мешок", дэс' "глаза́", эр' "соболь", ӓх "вошь", ин' "коготь", с'ӓс' "речки", с'эл' "олень", тӓр' "бить", тир' "корень", л'ɔр' "пучка" (трубчатое съедобное растение), қай "сохатый", ус' "береза", ут "мышь", ḥас' мн. число от ḥи·с' "хвост птиц", ḥ̌й мн.ч. от ḥы·й "живот", ḥыс' "косой, кривой", қэнг "днем", тɔУ "топоры", қур' "щука", тэс' "валенок".

дифф. признаки \ слоговые тоны	I	2	3	4
I) плавный-отрывистый	+	-	+	-
2) фарингализованный-нефар.	0	+	0	-
3) циркумфлексный-нециркум.	-	0	+	0

С точки зрения фонологической тональная система говоров Ело-

гуя и Подк. Тунгуски может быть описана в терминах следующих дифференциальных признаков: плавный-отрывистый, фарингализованный-нефарингализованный, циркумфлексный-нециркумфлексный(см.приведенную матрицу).

3. Говоры Бакланихи и Сургутихи.

В этих говорах первый, второй и третий тоны полностью совпадают по своей фонетической характеристике с соответствующими тремя тонами курейского говора. Расхождения наблюдаются только в характере четвертого тона, подверженного сильным колебаниям: у одних лиц он ближе по характеру к четвертому курейскому, а у других - к соответствующему тону в говорах Елогуя и Подк. Тунгуски. Причем последняя тенденция более отчетливо выражена в говоре Сургутихи. Не исключено, что такой разнобой может объясняться смешанным характером данных говоров. Любопытно, что как долгий, так и краткий вариант этого тона можно услышать у одного и того же носителя говоров, ср.: ыӈ:дъ// ыдъ "весна", эӈ:нгъ// энгъ "веревка",эн'// эӈ:н'е// эӈ:н' "зять". Фарингализация у долгого варианта слабее, чем в курейском говоре, а часто вообще не воспринимается на слух (эӈ:дъ// э:дъ "соболь"), но различие с третьим тоном по регистру (четвертый всегда низкий), как нам кажется, сохраняется. Низкий регистр, видимо, и следует рассматривать той основой, на которой оба варианта этого тона можно объединить и определить как единый слоговой акцент. В таком случае система в целом строится на противопоставлениях по высоте регистра, фарингализации и циркумфлексному-нециркумфлексному контуру.

дифф. признаки \ слоговые тоны	I	2	3	4
I) высокий-низкий	+	+	+	-
2) фарингализованный-нефар.	-	+	-	0
3) циркумфлексный-нециркум.	-	0	+	0

Как показывает приведенная матрица, данная система как бы вбирает в себя и объединяет в плане фонологическом все тональные системы кетских говоров, так как курейская и суломайско-келлогская системы тоже поддаются описанию по этим признакам. Из этого следует, что имеющиеся между ними расхождения фактически фонетического, но не фонологического характера. Однако этот вывод требует экспериментального доказательства того, что для четвертого тона во всех говорах действительно характерен низкий регистр.

Функциональная нагрузка системы слоговой акцентуации в современных кетских говорах значительна, о чем свидетельствуют много-

численные примеры типа

ел.сул.	кур.	бэкл.сург.	
с'у·л'	с'у·л'	с'у·л'	"кровь"
с'у?л'	с'у?л'	с'у?л'	"нельма"
с'у:л'	с'у:л'	с'у:л'	"нарта"
с'ул'	с'уh:л'е	с'уh:л'е// с'ул'	"крюк для люльки"
е·н'	е·н	е·н// е·н'	"клин"
э?н'	э?н	э?н// э?н'	"сосны"
эн'	эh:н'е	эh:н'е// эн'	"зять"

кет.	сым.	
и·	и	"имя"
и·	и·	"солнце"
и?	и?	"лабаз"
и?	иh:	"день"
и:	и:п	"пар",

в которых наблюдается четкое противопоставление по тону, в то время как слова типа

с'ӓ?л'	"карась"	қɔ?	"сарана"
с'ӓ?л'	"табак"	қɔ?	"звезда"
с'ӓ?л'	"остриё"	қɔ?	"рог"
ки?	"пряжа"	ди?	"орёл"
ки?	"новый"	ди?	"комель"
и·	"имя"	и?	"лабаз"
и·	"солнце"	и?	"день"

неизменно определяются носителями говоров как совершенно одинаковые по звучанию, т.е. как омонимы.

Как и в сымском, в кетских говорах с помощью слоговых тонов может различаться единственное и множественное число имен существительных, ср.:

ел.сул.	кур.	бакл.сург.	
де·с'	де·с'	де·с'	"глаз"
дэс'	дэh:с'е	дэh:с'е// дэс'	"глаза́"
hа·с'	hа·с'	hа·с'	"бубен"
hас'	hаh:с'е	hаh:с'е// hас'	"бубны"
е·й	е·й	е·й	"язык"
эй	эh:је	эh:је// эй	"языки"
hу·	hу·	hу·	"сердце"
hу:	hу:	hу:	"сердца́"
hа·й	hа·й	hа·й	"весло"
hай	hаh:је	hаh:је// hай	"вёсла"

Вместе с тем необходимо указать на значительные колебания в употреблении слоговых тонов у различных лиц, ср., например: бакл. ди·н// ди?н "орлы", сур. hас'// hа?с' "бубны", ел. энг// э?нг "лабаз

зы", сул. с'ул'// с'уʔл' "крюк для люльки", кур. ти·т// ти:т "корма лодки", ел. ын'// ыʔн' "полоз" и т.д. Как показывает собранный материал, подобные колебания встречаются большей частью в словах, которые, в силу изменений в хозяйственной, культурной и бытовой жизни кетов, устарели и вышли ныне из активного употребления, а нередко и совсем забыты. Особенно часто это явление наблюдается у более молодого поколения, но отмечалось нами и среди пожилых носителей современных говоров.

Употребление описанных слоговых тонов не связано с какой-либо определенной группой слов: любое односложное слово, какой бы частью речи оно не являлось, имеет один из четырех тонов. Правда, среди опрошенных нами слов сравнительно мало глаголов. Это объясняется тем, что односложные глагольные формы редки, а неопределенную форму, которая чаще других форм может быть односложной, очень трудно получить. Однако несколько десятков таких форм удалось получить при опросе и они подтверждают наш вывод. Сравним, например, несколько односложных инфинитивов из говора Елогуя, у которых встречаются все четыре тона:

с I-м: у·й "качать" (ребенка), ҷу·т "шаманить", ҷы· "продать", у·нг "сидеть", ду·γ "кричать", да·ʁ "смеяться";

со 2-м: дѣʔҷ "жить", иʔл' "петь", hѣʔ "крутить" (веревку), кѣʔй "ходить", "охотиться";

с 3-м: са:л "ночевать", ти: "черпать", ы:н "варить", и: "точить";

с 4-м: тāр' "бить", ыс' "грести" (веслом), бэр' "делать", ҷэт "плакать", ҷэс' "брать"[II].

Вышеприведенный словарный материал показывает, что реализация слоговых тонов не зависит от структуры слога: каждый из четырех тонов встречается в слогах любого типа (открытых, полузакрытых и закрытых)[I2]. Не наблюдается также какой-либо зависимости тона от характера инициали, как это характерно для многих языков Юго-Восточной Азии. Но в кетских говорах, как и в сымском, имеется определенная связь между слоговой акцентуацией и качеством вокализма: при наличии вокализма среднего подъема языка первый тон всегда реализуется на закрытом, а второй, третий и четвертый - на открытом вокализме. Этот факт немаловажен для реконструкции слоговой акцентуации исчезнувших енисейских языков по сохранившимся словарным материалам.

II. Правда, многие из них могут употребляться и как существительные, напр.: иʔл' "песня", дѣʔҷ "жизнь".

I2. В зависимости от строения слога можно различать лишь некоторые позиционные варианты одного и того же тона (подробнее об этом см. в указ. работах автора).

Г. К. ВЕРНЕР

ЗВУКОВЫЕ СООТВЕТСТВИЯ МЕЖДУ СЫМСКИМ И ДРУГИМИ ЕНИСЕЙСКИМИ ЯЗЫКАМИ

Среди енисейских языков и диалектов сымский по своим фонетическим особенностям в наибольшей степени сближается с кетскими говорами, распространенными в настоящее время от Подкаменной Тунгуски до Курейки, и образует в общем как бы переходную ступень от этих говоров к исчезнувшим енисейским языкам. Особенно показательна в этом отношении система вокализма : она , за редкими исключениями, почти полностью совпадает. Что касается других енисейских языков, то их вокализм обнаруживает в сравнении с сымским вокализмом значительные расхождения, которые в большинстве случаев предстают как регулярные соответствия звуков в одних и тех же словах и словоформах, не вызываемые влиянием соседних звуков и необъяснимые действием определенных фонетических закономерностей в системе вокализма или консонантизма. Как будет показано ниже, они возникли под воздействием слоговой акцентуации.

Рассмотрим соответствующие параллели для каждого сымского гласного в отдельности.

Сымскому /а/ в кетских говорах в подавляющем большинстве случаев соответствует /а/, а в других енисейских языках - /э/ или/е/, причем гласному /е/ в аринском соответствует обычно гласный /а/ в коттском, ассанском и пумпокольском, и, наоборот, аринскому /э/ соответствует в коттском, ассанском и пумпокольском гласный /е/[1]. Ср. некоторые примеры: сым.[2] ба?нг[3], кур. ба?нг, асс. кот. панг, ар. пенг, пиенг (ср. пумп. бинг) "земля"; сым. са?х, кур. са?қ, кот.

---

1. Ср.: А.П. Дульзон, Кетские наречия первой половины XVIII века. Труды Томского областного краеведческого музея, т.VI, вып. 2, Томск, 1963, стр. 42-43.

2. Принятые сокращения: кот.- коттский, асс.- ассанский, сым.- сымский, ар.- аринский, пумп.- пумпокольский, э.-ш.- говор р. Эдт-шеш, ост.- остяцкий, Кас.- Кастрен, Кл.- Клапрот, кур.- курейский, сул.- суломайский, ел.- елогуйский, бакл.- говор Баклашихи, сур.- говор Сургутихи.

3. Поясняем некоторые знаки транскрипции: нг - заднеязычный носовой сонант, h - фарингальный целевой, когда стоит перед гласными (после гласных этот знак передает фарингализацию); х - заднеязычный глухой щелевой (в сымских примерах этим знаком обозначен увулярный звук; для исчезнувших енисейских языков это различие не проведено); γ - заднеязычный велярный, а ʁ - соответствующий уву-

асс. шагэ, пумп. так "белка"; сым. фа?й, кур. ћэ?й, ар. имп'ћай, асс. пей, кот. п'ћей, фей (ср. пумп. пы) "кедр"; сым. ам, кур. ам, ар. б'ам'а, амё, асс.кот. ама, пумп. ам "мать"; сым. ахтэ́?, кур. ақтем (у А.Кастрена ёёқтэ), пумп. ектем "хорошо"; сым. ба:к, кур. ба:ўъ, кот. пе:г "бревно"; сым. а:ч'иш, кур. а:тис', кот. ашиш "напильник". В единичных случаях сымскому /а/ соответствуют в коттских словах А.Кастрена гласные /и/, /у/, ср.: сым. аћ:ш',кот. ич'и "перо"; сым. десфан, кот. тешфун "безглазый".

Сымским гласным /ɔ/, /о/, как правило, соответствуют в кетских говорах подобные же звуки, а в других енисейских языках - /о/, /а/. Сравним следующие примеры: сым. хɔхът, кур. қɔ:т// қɔЋɔт, бакл. қɔ:т, ар. қ'огат, асс. кајайнан, кот. кајанте, пумп. халдидин "голодный"; сым. дɔнгэ, сур. дɔнгём, ар. т'онга, асс.кот. тонга,пумп. донга "три"; сым. хо, кур. қо:, ар. қоа, ћиога, асс. ћашанг, хаћа, кот. ћага, пумп. хайанг "десять"; сым. хо, кур. қо:, ар. қон, асс. ћоћуй, ћобой, кот. ћобии (у А.Кастрена ћо:пи), пумп. қан "рот"; сым. оп, бакл. оп, ар. б'ап, асс.кот. оп, пумп. об "отец"; сым. фо:л', кот. фа:ли, па:ли "жирный"; сым. хɔ?нг, кур. қɔ?(мн.число қɔ?нг), кот. ћау "рог"; сым. ол, кот. ол, о:л "лысый (голый)". В кетских говорах сымскому закрытому /о/ может иногда соответствовать /у/, а открытому /ɔ/ - звук /а/:сым. хой, ел.сул. қуй "тетя"; сым. хафо:јах// хафоујах, бакл. қаујақ "вошел"; сым. адингч'о:нг, кур. арунгту "костистый"; сым. ајɔп, ел. арап "пей!"; сым. фɔјɔп, кур. ћɔдап "хвост". В исчезнувших енисейских языках сымским /ɔ/, /о/ могут в единичных случаях еще соответствовать: в пумп. /е/, в кот. /и/, /ау/, в асс. /а/, /е/, в ар. /у/, /ы/, ср.: сым. ш'ол, ар. шал, кот. чогар, асс. чегар, пумп. цел "нарта"; сым. энгнинг, ар. уйнунг, асс. ананг "рыбья икра"; сым. энс, ар. ын'а, уна, пумп. он'анг "семь"; сым. тɔ?т, кот. ти:т "таймень".

Сымскому /у/ почти во всех случаях соответствует /у/ (только в ассанском параллельно с /у/ иногда появляется /ы/), ср.: сым. ућ:ш// ућ:с, кур. ућ:с'е, ар. кус, асс. уча (ср. у Кл. ыча)[4], кот. уча, пумп, ута "береза"; сым. ду?, кур. ду?, ар. т'у, асс.кот.ту, ту:г, пумп. дукар "дым"; сым. ку?ш// ку?с, кур. ку?с', ар. кус, асс. ћуш, ћыш, кот. хуш "лошадь"; сым. ху?ш// ху?с, кур. қу?с', ар. кус, ћу, асс. ћуш, хыш, кот. ћуш, пумп. ћукут "чум", "дом"; сым. кур. тум, ар. т'ума, асс. тума, кот. т'ума, пумп. тума "черный".

лярный звук; қ - увулярный смычный; о, е, ъ̊ - закрытые, ɔ, э, ъ̊ - открытые гласные соответственно заднего, переднего и среднего ряда (для исчезнувших енисейских языков это различие не проведено); ? - фрингализация резкого тона (производит впечатление смычки).

4. См.: А.П. Дульзон, Словарные материалы XVШ века по кетским наречиям.- Ученые записки Томского пединститута, т. XIX, вып. 2, Томск, 1961.

Только в некоторых случаях сымскому /у/ соответствуют кет., пумп. /о/ и ар., асс., кот. /ау/, например: сым. фуш// фус, кур. ħɔʔс' "черника"; сым. куфах, кур. кɔЫъ, сур. кɔ: "кулак"; сым. хуħ:т', асс. ħуjа, кот. ħу:jа, ар. қуй, пумп. код'у "щука"; сым. у, асс. кот. ар. ау, пумп. уе "ты"; сым. хуше, ар. қусей, асс. ħауту, ħуч'а, кот. ħуч'а, пумп. хута "один" (по отношению к неодушевленным предметам).

Как сообщает в своей работе А. Кастрен[5], в коттском отсутствуют гласные /ы/, /ъ°/. Из них гласный /ъ°/ не нашел отражения и в словарных материалах по другим исчезнувшим енисейским языкам (он встречается только в двух словах, причем параллельно с другими гласными: ар. öггэ// ыга "шесть"; асс. öс// öш// еч// эс// эш "сог"), и сымским гласным /ь°/, /ъ°/ соответствуют в этих языках самые различные звуки, а именно: и, е, ы, у, о, а. Чаще всего встречаются: в аринском - /и/, /о/; в коттском - /и/, /о/, /а/; в ассанском - /и/, /о/; в пумпокольском - /е/, /о/, /а/. Ср. некоторые примеры: сым. бь°н', ар. бон, асс. кот. мон "не, нет"; сым. бь°:с'е, кот. монч'а, пумп. бейсем "нету"; сым. тъ°ʔх, пумп. ток "палец"; сым. фъ°нынг, пумп. пиннинг, фенынг, ар. пħин'энг " песок"; сым. бъ°ʔн, ар. пон'а (или пунä), асс. пин (или пын), кот. пин, пумп. бан "утка"; сым. къ°:нэ "светло", кот. киних "заря"; сым. ъ°хай, кот. о:гай "прежде, в старину". Реже соответствует сымским /ъ°/, /ь°/ в этих языках /у/, а в коттском, кроме того, еще /е/, например: сым. тъ°// тъ°у, асс. тугэ// туэ, пумп. тоу "окунь"; сым. фъ°р, кот. фур "крохаль"; сым. кь°:т, кот. ке:ти "зима".

Употребление этих гласных в сымском и в кетских говорах в большинстве случаев совпадает. Лишь в отдельных примерах сымским /ь°/, /ъ°/ соответствуют в этих говорах /ы/, /а/, /ɔ/: сым. дъ°хты, бакл. дъ°қтъ, кур. дъ°қтъ// дɔқтъ "быстро"; сым. къ°хын, бакл. сур. кур. къ°:н, сул. кыэнг "лисица"; сым. ч'ь°:нгфангси "волосогрызица", сул. тынгħаунгс "жук-дровосек"; сым. бъ°ссем, сур. бассым "вдова"; сым. фъ°нынг, ел. ħанэнг "песок".

Сымскому гласному /ы/ в большинстве случаев соответствуют: в кет. - /ы/, в ар. - /и/, /у/, /о/; в асс. - /у/, /и/; в кот. - /и/, /у/, /е/; в пумп. - /и/, /ы/, /о/, /ай/, ср.: сым. хы:т, ар. қут, кур. қы:т, пумп. хоту "волк"; сым. фый, кур. ħый, асс. пуй "живот"; сым. сы:, ел. сы:, ар. шħей, асс. кот. шега, пумп. цику "год"; сым. ыне, кур. ынäм, ар. кинä, асс. инее// ына, кот. и:на, пумп. ħинсанг "два"; сым. хык, асс. ħик, кот. ħек "дорога"; сым.

---

5. M.A. Castrén, Versuch einer jenissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den genannten Sprachen, SPb., 1858, § 2.

хыт', кур. қы?т, ар. қой, асс. Ьии, Ьуй, кот. хии, Ьи:, пумп.каи "лук"; сым. быш, кур. быс', ар. пош, асс. кот. пуш "пенис"; сым. ды?, имб. ды?, ар. теу, асс. кол-ты, кол-те, кот. ти, те, пумп. тайс "шапка"; сым. фыр, кот. фур// пур "ясный" (о погоде). В некоторых случаях сымскому /ы/ также соответствуют кет. /и/, /у/; ар. /е/, пумп. /а/, кот. /а/, асс. /ы/, /е/, например: сым. хы:п,кот. Ьапи "торговый"; сым. фы?й, ар. п'Ьие, асс. кенгэфуй "филин";сым. ыфыл, кот. и:пал "осина"; сым. лытсы, кур. л'ыттес, сур. лити:с' "черт"; сым. батпыл, кур. батпул' "колено".

Сымскому /и/, как правило,соответствуют гласные переднего ряда /и/, /е/. Из гласных среднего и заднего рядов ему часто соответствует /ы/, а в единичных случаях и гласные /у/, /э/. Ср. следующие примеры: сым. бис, кур. би:с', ар. пис, асс. ниджига, пичига, кот. пичига, пи:ш, пумп. бис, бичидин "вечер"; сым. тик, пумп. тыг, кур. ти:к, ар. те:, асс. тик// тыг, кот. тик "снег"; сым. и:, кур. и:, ар. еjэ, ега, асс. ега, кот. ега// е:га, пумп. Ьихем "солнце"; сым. ти:, пумп. тыг "лодка"; сым. ди?, кот. тэге "орел"; сым. сим, кот. шум "бы"; сым. ш'иjе, ар. шаjа// шэга, шега, асс. шега, кот. шега, ше:га, пумп. цианг "четыре"; сым. си, ар. сай, асс. кот. шиг "ночь"; сым. тиЬ:т', ар. т'ембир'энг, асс. тыйбул, туйбул, кот. т'и:ембуланг, ост. тыджин, пумп. тычи,тычы "корень".

Сымским гласным /э/, /е/ могут соответствовать: в кетских говорах - /е/, /э/, /ё/, /и/, /ы/, /а/; в пумп. - /э/, /й/, /е/; в кот. - /е/, /и/ (в единичных случаях /а/); в ар. - /э/, /и/, /е/; в асс. - /е/, /и/, /ы/ (в единичных случаях /э/), например: сым. э:т (предикативная форма для 3 -го л. ед.ч. муж. рода э:дду), ар. этис, кур. этэ, сур. ётэ, асс. едиту, кот. едиту, е:ти, пумп.атоду, еты "живой"; сым. дэ?, ар. курт'у, асс.кот. уртег "озеро" (ср. пумп. даннинг "озеро", сым. дэнгнинг "болото", букв. "озёрэ"); сым. эЬ:т', асс. иjэ, ыjэ, кот. иjэ, пумп. Ьиjу "соболь"; сым.имб. кэ?т, ар. Ьит, асс. Ьит, Ьыт, кот. Ьит, Ьет, пумп. кит "человек"; сым. эЬ:н', кот. ан'е "зять"; сым.имб. бей, ар. пай, асс.кот. пей, пумп. бэй "ветер"; сым. ч'ем, кур. те:м, ар. сам, асс.кот. шэме, пумп. хам "гусь"; сым. дес, асс. теш, тиш, кот. ти:ш, пумп. дат "глаз"; сым. хэтизда, ел. қассере, сур. қäссий "беременная"; сым. хэ?, бакл. қä?, ел. қа? "большой"; сым. бэнггоу, имб. банна "рукав"; сым. хем, имб. қим "женщина".

По вопросу о возникновении перечисленных соответствий между енисейскими языками в системе вокализма (см. таблицу I) нет полной ясности. Однако, учитывая некоторые особенности фонологической системы современных енисейских диалектов, можно предположить, что решающую роль в данном случае сыграла слоговая акцентуация, точнее диалектные расхождения в системах слоговой акцентуации.

I. Соответствия между енисейскими языками в системе вокализма.

современные енис. диал.		исчезнувшие енисейские языки			
сымский	кет.говоры	эринский	ассанский	коттский	пумпокольск.
а	а,(э),ä	а	е	е,(и)	е,(ы)
		е,(а)	а	а,(у)	а,(и)
ɔ,о	ɔ,о,(у)	о,а,(у,ы)	о,а,(е)	а,о,(и,ау)	о,а,(е,оэ)
ъ̊,ь̊	ъ̊,ь̊,ɔ,ы,(а)	и,о,(у)	и,(о,у)	и,о,а,(е,у)	е,о,а,(у,ы)
у	у,(о)	у,(ау)	у,(ау,ы)	у,(ау)	у,(о)
ы	ы,(и,у)	и,о,у,(е)	у,и,(ы,е)	и,е,у,(а)	и,а,ы,(о)
и	и	е,и,(а)	и,е,(ы,у)	и,е,(у,а)	и,ы
э,е	э(ä),е,и,ы,а	а,(у)	е,(а)	е,(а)	а,(е)
		и,е	и,ы,(е)	и,(е)	и,е,(а)

Подобные расхождения могли обусловить не только чередования типа и:е, э:а, у:о(ɔ), но и чередования нелабиализованных гласных с лабиализованными. По поводу подобного кетско-коттского соответствия уже А. Шифнер заметил в предисловии к грамматике А. Кастрена, что оно легко объяснимо, если учесть, что кетский гласный /э/ получает в известных случаях модификацию, сближающую его со звуком /о/. На этот оттенок гласного /а/ А. Кастрен указывает в § 3, выделяя, кроме того, и оттенок, близкий к гласному /ä/[6]. Эти оттенки гласного /а/ действительно существуют и обусловлены особенностями слоговых акцентов: задний оттенок обусловлен фарингализованными, а передний - нефарингализованными слоговыми акцентами. Переход а>о мог произойти как раз под воздействием фарингализации[7]. Имеющиеся словарные материалы по различным енисейским языкам позволяют заключить, что в каждом из них имелись как фарингализованные, так и нефарингализованные слоговые акценты, и различия в вокализме различных языков отражают не столько различия в фонетической характеристике акцентов подиалектам, сколько различия в лексико-морфологической дистрибуции акцентов.

Тесная взаимосвязь между звуковой системой и слоговой акцентуацией обнаруживается в современных енисейских диалектах, в кото-

---

6. См. указ. соч. А. Кастрена, стр. 2-3; ср. также предисловие, стр. IX.

7. Ср. замечание Р. Якобсона, Г.М. Фанта, М. Халле об акустической близости фарингализации и лабиализации (Введение в анализ речи,- Новое в лингвистике, II, М., 1962, стр. 196, 201).

рых фарингализованные слоговые акценты связаны с более широким, а нефарингализованные – с более узким вокализмом[8], ср.: кет. дэ?, мн. число де·нг "озеро"; ел., сул. е·й, мн. число э?н "сосна"; ел. сул. э?й// jэ?й, мн. число е·нг// je·нг "яйцо"; сым. ей, мн. число эн:й "язык"; кет. кэ?й, мн. число ке·нг "крыло"; сым. кɛ̌?н "светлый", кɛ̌·н "зэря"; ел. қэй, мн. число қо·н "медведь"; сул. тɛ̌?қ, мн. число тɛ̌·н "палец"; сым. тɛ̌?, мн. число тɛ̌:н// тɛ̌ун "окунь"; бакл. лɔ̌h:дъ, мн. число л'о·денг "пучка" (съедобное трубчатое растение); сым. хɔ̌h:т', мн. число хед'инг "жердь". Пары типа кет. қы?т, мн.ч. қɛ̌?нг "лук"; ди?, мн.ч. дä?н "комель", в которых при различном вокализме представлен один и тот же слоговой тон, не часты и не отражают взаимосвязи между вокализмом и тоном, так как в одной из словоформ произошла, видимо, мена слогового тона уже после того, как различия в вокализме сложились под воздействием двух различных тонов. Что такая мена была возможной, подтверждается, например, случаями, когда одно и то же слово в одном и том же говоре может употребляться с двумя различными тонами, ср. сым. сы?, сы: "год". Причем встречаются такие слова иногда даже у одного и того же носителя соответствующего говора. В зависимости от особенностей реализации фарингализации гласные могут восприниматься то как монофтонги, то как дифтонгообразные звуки с расширением в рекурсии, что производит впечатление неустойчивости качества гласных. Тот факт, что не только у разных, но и у одного и того же носителя языка появляются различные варианты произношения одного и того же слова, как раз и побудил К. Боуда усомниться в достоверности подобных вариантов слов[9]. Между тем все эти варианты произношения слов действительно имеются и зависят от особенностей реализации различных тональных признаков[10].

Отмеченная взаимосвязь между вокализмом и тональной системой прослеживается и при сопоставлении слов и словоформ из различных языков и диалектов, что наглядно иллюстрируют примеры типа ел. сул. л'ä?м, бакл. кур. л'е·м, сым. ла?м "доска", "стол", сым. хɛнг, ел. қä?нг, сург. қе·нг, кур. қэ?нг, сул. қä?нг// қе·нг "большие" (атриб. форма), в которых связь фарингализованного тона с широким вокализмом, а нефарингализованного – с узким, очевидна.

---

8. См. работу автора "Сымско-кетская система слоговой акцентуации" (в печати).

9. Karl Bouda. Über Ketica, Materialien aus dem Ketischen oder Jenissei-Ostjakischen von Kai Donner. Zeitschrift der DMG, Bd., 108, 2, SS. 430–444.

10. Подробно об особенностях реализации тональных признаков см. в указ. работе автора.

Воздействием слоговой акцентуации можно, видимо, объяснить и возникновение общей модели вокализма современных енисейских диалектов, характеризующейся наличием трех симметричных по отношению друг к другу структур: среди гласных переднего ряда четко различаются открытый /э/ и закрытый /е/, среди гласных среднего (среднезаднего) ряда - открытый /ъ/ и закрытый/ь/ и среди гласных заднего ряда - открытый /ɔ/ и закрытый /о/. В словарных материалах по исчезнувшим енисейским языкам это различие не проведено, хотя некоторые факты, в особенности данные А. Кастрена по коттскому языку, позволяют предполагать, что оно было и в этих языках. То же самое можно сказать и в отношении гласных ъ°, ь°, хотя в словарных материалах почти нет данных, которые указывали бы на то, что подобные звуки существовали и в этих языках.[11] Во всяком случае трудно предположить, что они являются новоприобретением современных енисейских диалектов и правомернее считать, что они либо просто не нашли отражения в словарных материалах, либо уже исчезли ко времени первых записей по этим языкам. Можно, таким образом, предположить, что современные енисейские диалекты сохранили в этом отношении более древнее состояние, при котором система гласных фонем могла быть описана в терминах следующих дифференциальных признаков: диффузный-недиффузный, компактный-некомпактный, бемольный-простой, высокий-низкий (см. приведенную матрицу).

Матрица идентификации гласных

фонемы / дифференциальные признаки	и	е	э	ы	ь°	ъ°	ɜ	у	о	ɔ
I) высокий-низкий	+	+	+	–	–	–	–	–	–	–
2) бемольный-простой	0	0	0	–	–	–	–	+	+	+
3) компактный-некомпактный	0	0	0	0	0	–	+	0	0	0
4) диффузный-недиффузный	+	±	–	+	±	–	0	+	±	–

Именно такая модель вокализма представлена в современном сымском[12]. Что касается фонологической модели вокализма кетских говоров, то она несколько отличается от сымской. Это отличие возникло, видимо, сравнительно недавно в результате фонологизации противопоставления ä:а, т.е. переднего и заднего "а". Правда, употребление

---

11. Ср.: E.G. Pulleyblank, The Consonantal System of Old Chinese. Appendix. The Hsiung-nu Language,- Asia Major, vol. IX, pt. II, 1963, p. 252.

12. См. работу автора "Звуковая система сымского диалекта кетского языка". Автореф. канд. дисс., Томск, 1966.

этих звуков нередко обусловлено различными фонетическими условиями, но они встречаются и в тождественных фонетических условиях и могут, следовательно, рассматриваться как различные фонемы. Отметим прежде всего, что оба гласных встречаются в различных тонах, ср.: сул. ел. дӓ:п "трава", дӓʔн мн.ч. от диʔ "комель"; тӓ'п "круг, обруч", тӓʔп мн.ч. от ти'п "собака"; ӓ'т "я", ӓʔт "кость"; ӓ'й "кузнечный мех", ӓй "мешок"[13]; ел. сул. саʔқ, мн.ч. са:н "белка"; қаʔ, мн.число қа:н "слово"; қаʔй "яр, гора", кай "сохатый". Далее следует отметить, что оба гласных могут встречаться в одном и том же тоне, ср. са:л "кочевать", тӓ:л' (мн.ч. тӓкнг) "выдра"; ӓс' "перо", ассуно "промышлять"; қаʔ "слово", қӓʔ// қӓ "большой". И, наконец, оба звука встречаются в одинаковом звуковом окружении: ӓнг "веревка", а:нг "горячий"; бӓʔт "правда", ба:т "старик"; қӓʔнг// қӓнг "большие", қанг "коршун". Вместе с тем в примерах типа бӓ'ɣ, мн.ч. бакнг "кряж"; тӓ'п, мн.ч. та:қ "круг, обруч"; тӓ'нг// та:нг "лямка упряжки" употребление этих звуков, кажется, обусловлено акцентологическими условиями.

Таким образом, представляется возможным выделить в кетских говорах 11 гласных фонем, тогда как в сымском их 10, ср.

сым.

и ы у
е ь̊ о
э ъ̊ ɔ
а

кет.

и ы у
е ь̊ о
э ъ̊ ɔ
ӓ а

Необходимо, кроме того, отметить, что в говорах Бакланихи и Сургутихи наблюдается тенденция к возникновению полностью симметричной системы, т.к. в них представлено еще заднее лабиализованное å[14]:

и ы у
е ь̊ о
э ъ̊ ɔ
ӓ а å

В общем вокализм современных енисейских диалектов, как, видимо, и общеенисейский вокализм, обнаруживает типологически сходные черты с вокализмом языков Юго-Восточной Азии, что выражается, в частности, в наличии развитого нелабиализованного вокализма заднего (средне-заднего) ряда. Правда, в свое время автор рассматривал звуки ь̊, ъ̊ как слаболабиализованные[15], но в ходе дальнейших исследований это не подтвердилось[16]. При восприятии этих звуков на слух впе-

---

13. О фонетической характеристике тонов и их обозначении в транскрипции см. статью автора в настоящем сборнике, посвященную слоговой акцентуации кетских говоров.

14. Наиболее отчетливо этот звук воспринимался нами у Хозова И.П., Максуновой Д.М. (Бакланиха), Дорожкиной В.А. и Пешкиной Е.П. в Сургутихе. У более молодых носителей этих говоров в некоторых случаях воспринимается /э/ вместо /å/: бэ:т "старик", бэ:м "старуха".

15. См. автореф. указ. работы автора; ср. А.П. Дульзон, Очерки, с.31.

16. Было бы поэтому целесообразно употреблять для них знаки ъ, ʌ, как это наблюдается в работах Е.А. Крейновича.

чатление легкой лабиализации возникает как раз вследствие их задней артикуляции. Это относится в равной степени и к звуку /ы/, который воспринимается иногда как /ӱ/ или /у/, особенно, когда он под воздействием восходящего нефарингализованного тона становится очень закрытым, как, например, в словах ды·л' "ребенок", с'ы·кнг мн.ч. от с'ы?к "ночевка"(корыто для приготовления теста), ты·л' "пупок", ды·н' "ель". Неудивительно поэтому, что в различных первоисточниках задние нелабиализованные гласные могли передаваться знаками ӧ,ӥ (ср., например, словарные материалы XVIII века). Любопытно, что звуки ӧ,ӥ могут самими носителями совр. диалектов приниматься иногда за ѣ̊,ы. В основе этого явления лежит, видимо, некоторая акустическая близость между задними нелабиализованными и передними лабиализованными гласными. Не исключено, что к этому восходят некоторые случаи соответствия лабиализованных гласных в исчезнувших языках гласным ы,ѣ̊,ѣ̊ в современных диалектах.

Рассмотрим далее звуковые соответствия в системе консонантизма.

Носовые сонанты /м/, /н/, /нг/ в большинстве случаев совпадают во всех енисейских языках, ср.: сым. тумэ, кур. тумъм, ар. т'умэ, асс. тума, кот. т'у:ма, пумп. тума "черно"; сым. ам, ел. ам, асс. кот. амэ, ар. амӓ, пумп. ам "мать"; сым. дын, сур. дын, бакл.ди:н "ель", ар. тин, асс. тин, кот. тини, пумп. дын'е "пихта"; сым.дэнге, кур. дэнгӓм, ар. т'онга, асс. тонг'ӓ, кот. тонга, пумп. донга "три". Однако в употреблении сонанта /нг/ иногда наблюдаются колебания. Так, например, сымскому /нг/ может соответствовать: в кот. и асс. - /н/, в пумп. - /н/, /г/: сым. фанггы, кур. Һанггъ "самка", кот. пен-куш "кобыла" (ср., однако, кот. фенг "самка" у А.Хастрена); сым. ѣ̊фынг, бакл. кур. ѣ̊Һнг, ар. ипонг, асс. јипан, пумп. ефиг "листья"; сым. е:мбанг "равнина", пумп. ембаг "пол".

Сымскому звуку /б/ чаще всего соответствует кет. /б/, пумп./б/, ар. асс. кот. /п/: сым. бис, ар. пис, асс. кот. пичига, пумп. бичидин "вечер"; сым. кет. бей, ар. пай, асс. кот. пай, пумп. бай "ветер". В отдельных случаях в ар., асс., кот. сымскому /б/ соответствует /б/, а в асс. и кот., кроме того, еще и сонант /м/:сым. бат, кот. ба:т "правда"; сым. бирей, кот. били "где"; сым. булынг, "ноги", кот. буланг "пешком"(ср., однако, кот. пул "нога"); сым. бинду "он сам", кот. минту "сам"; сым. боп, ар. б'ап "мой отец"; сым. бѣ̊н', ар. бон, асс. мон, бон "не, нет". Интервокальному (интерсонорному) сымскому /б/ в кетских говорах часто соответствует билабиальный спирант /w/, напр.: сым. ид'ингбед'багаҺан "писать стану", ел. ирингwат "писать"; сым. десэ:бындах, ел. десэwендақ "я-положил(это)"; сым. хул'банг, кур. қуйwанг// қуйбанг "вместе".

Сымскому /п/, как правило, всегда соответствует в других языках тоже /п/, ср.: сым. хеп, кур. қиеп, ар. қип "дедушка"; сым.

ч'ип, кет. тип,ти:п, эр. элчэп, асс. кот. элчип, пумп. чып "собака"; сым. фып, кет. ḥып, хып', асс. кот. пуп "сын".

Сымскому /ф/ могут соответствовать различные звуки: в кетских говорах - согласные /ḥ/, /х/, /п/ или нуль; в эр. - согласные /п/, /п'ḥ/ и в единичных случаях /ф/, /б/; в асс. - согласный /п/ и иногда /ф/; в кот. - согласные /п/, /ф/ и в единичных случаях /б/; в пумп. - /п/, /ф/, ср.: сым. асфыл, кет. аспул', эр. есперанг, асс. кот. эшпэран "облако"; сым. фа?й, кет. ḥа?й, эр. имп'ḥэй,асс. пей, кот. п'ḥей, фей, пумп. пы "кедр"; сым. фун, асс. пун, кот. пфун, фун "дочь"; сым. куфъл, эр. кубурунг, асс. кувулан "горящий уголь"; сым. тафа, кет. тэ:, кот. тапуй "посох"; сым. фи:к, кур. ḥиγъ, кот. фи: "мужчина"; сым. фалгы, сул. хэл'г "ёрш".

Сымскому звуку /д/, как правило, соответствует в кет. и пумп. /д/, а в других енисейских языках /т/, например: сым. ду?, кет. ду?, пумп. дукар, эр. т'у, асс. ту, кот. ту,туг "дым"; сым. дес, кур. де:с', эр. тиенг, асс. теш, кот. теш, ти:ш, пумп. дат "глаз"; сым. ду?т, кет. ду?т, кот. ту:т "шило"; сым. кет. дэ?, эр. курт'у, асс. кот. уртег, пумп. даннинг "озеро". Интервокальному сымскому /д/ в кетских говорах нередко соответствует сонант /р/: сым. адингч'о:нг, кур. арингту "сильный"; сым. хэḥ:ди, ел. қаре "большой", сул. қэр'у "он-большой"; сым. ахтаду, сул. эқтэр'у "он-хороший"; сым. табадэх, сул. тамерек "падает (это)"; сым. нэ:дʒй, кур. нарий, сур. надий "махай:"; сым. ш'уингадинг, ел. суjэранг, кур. суjанггэрэнг "рубашки".

Согласный /т/ совпадает во всех енисейских языках, а в коттском, кроме того, ему может в некоторых случаях соответствовать /й/ или /р/: сым. этинг "живые", кур. этъ, эр. этие, асс. етуту, едиту, кот. едиту, пумп. этоду "живой"; сым. уḥ:т, кур. утъ, асс. jуда, д'ута, кот. дута, д'ута, пумп. уте "мышь"; сым. ул'ат, кет. ул'ът, кот. улай "ребро"; сым. ха?т, кет. қа?т, кот. ḥей, ḥе:й "одежда"; сым. хвфът, кот. ḥапэр "спина"; сым. кыт, кот. ки:р "жир" (но сым. сар, кот. шат "карась"). Любопытно, что сымскому палатализованному звуку /т'/ в исчезнувших языках соответствует только /й/; в кетских же говорах ему соответствует непалатализованный /т/: сым. хыт', эр. қой, асс. ḥии, ḥуй, кот. хии, ḥи:, пумп. кай, кур. қы:т "лук"; сым. кит', кот. ки (по-видимому, кий, ср. мн. число ке:jанг) "цена"; сым. тиḥ:т', бакл. ти:т, кур. тиери (в данном слове /р/ появилось фактически вместо /д/ в позиции между гласными), асс. тыйбул, туйбул "корень". Сымский звонкий /д'/ имеет нередко в позиции между гласными своим соответствием сонант /j/ (в исчезнувших языках), ср.: сым. эḥ:т' (между гласными: эḥ:д'оу "соболя промышлять"), асс. кот. иjа, пумп. ḥиjу "соболь". В кетских говорах сымскому интервокальному /д'/ соответствуют звуки /д/,/р/:

сым. ад'ади, кур. ӧрӧт "он-болеет"; сым. ыh:т'(мн. число ыд'инг), кур. ыh:ре, ел. ыhр', бакл. ыh:дъ, кот. иди "весна"; сым. ейсад'и, кур. эс'ерей, бакл. эс'идий "кричи!"; сым. хуод'бъл, кур. қуробъл "май" (букв. "икромет щуки"); сым. ид'иh:р, кур. и:рел, бакл. сур. и:дел "спой!". В пумпокольском сымскому /д'/ в некоторых случаях соответствует /ч/. В качестве параллели сымскому /д'/ в начальной позиции этот звук появляется еще в коттском: сым. тид'инг "корнк", пумп. тычи "корень"; сым. д'и?, кет. ди?, кот. чи "комель"; сым. д'э?нг, кет. дэ?нг, кот. чеэнг "люди"; сым. д'ӧш', кет. дӧс', кот. чэш "моча".

Сымской аффрикате /ч'/ в кетских говорах регулярно соответствует /т/, в коттском и ассанском - /ш/ (реже /ч/), в пумпокольском - /с/,/т/,/к/,/ц/,/ч/; в аринском - /қ/,/ч/,/т/. Ср. следующие примеры: сым. ч'ы?с, кет. ты?с', ар. қес, асс. кот. шиш, пумп. кит,ч'ыс "камень"; сым. ч'ӧ?, кет. тӧ?, ар. тус, асс. чинджет, тинджет,шинчет, кот. чинчет, шинчет, пумп. тус, че "соль"; сым. ч'ип, кет. ти:п, ар. илчап, асс. алчип, алшип, пумп. чып, ци "собака"; сым. ч'ет, пумп. илсет, илзет "муж"; сым. кэнч'а, кот. кэнша "трубка для курения"; сым. ч'и:к, кот. ши:ги "лебедь"; сым. хэлэч'и, кот. hалчи:г "копыто".

Различные звуковые параллели прослеживаются и для сымского /с/ (шепелявое "с"). В кетских говорах ему соответствуют, как правило, звуки /с/, /с'/ и в некоторых позициях /т/,/т'/,/ч'/; в пумп. - /т/, /с/ и иногда /ч/,/ц/; в кот. - /ш/, /ч/ и иногда /т/; в асс. - /ш/, /ч/, /дж/ (реже /т/); в ар. - /с/, /ш/ и иногда /т/. Приведем некоторые примеры: сым. са?х, кет. са?қ, ар. сава, жоуа, асс. кот. шага, пумп. так "белка"; сым. уh:с, кур. уh:с', ар. кус, асс. кот. уча, пумп. ута "береза"; сым. ес, кур. е:с', ар. ес,еш, асс. еч,эс, эш, кот. еш, пумп. еч "бог"; сым. сы:, ар. шhей, асс. кот. шега, пумп. цику "год"; сым. бэ?с, пумп. бут "заяц"; сым. ку?с, пумп.кут, асс. кот. куш, ар. қус "лошадь"; сым. сым. сэ?с, кет. с'э?с', ар. т'шит, чит, асс. шет, чет, кот. шет, пумп. таг "лиственница"; сым. сол, соул, ар. шал, асс. чогар, кот. чогар, пумп. цел "нарта";сым. сес, кет. се:с, с'е:с', ар. сат, асс. кот. шет, пумп. татанг (видимо, мн. число от тат) "речка".

Сымским сонантам /л/,/л'/,/р/ соответствуют в кетских говорах /л/, /л'/, /l/, а в других енисейских языках им соответствует либо /л/, либо /р/, ср. следующие примеры: сым. ул, имб. ул', ар. кур, асс. ура, урту, кот. ура, пумп. ургэ "влажный"; сым. ур, имб. ул', ар. кул, кот. ул, пумп. ул "вода"; сым. ка:р, имб. ка:л', кот. hали, пумп. кары "война"; сым. хэнгырэх, кур. қэнглъқ, кот. конгрош "колокольчик"; сым. сар, кур. са?л', кот. шал "остриё"; сым. дар, бакл. кур. дал', кот. тал "жилка"; сым. биh:р, кур. биh:л', кот.

пил "далеко".

Сымскому согласному /к/ могут соответствовать следующие звуки: в кетских говорах - /к/,/г/,/ɣ/; в пумп. - /к/, /х/; в кот. /ɦ/, /к/; в асс. - /ɦ/,/к/,/х/; в ар. - /қ/,/к/: сым. ку:л', кур. ку:-л'е, ар. королеп, асс. хулуп, кот. ɦулуп, пумп. хлепук "борода"; сым. имб. кэ?т, ар. қит, асс. кот. ɦит, пумп. кит "человек"; сым. сым. ɛɦ:к, ел. ɛɦɣ, кот. ики "вошь"; сым. кет. ук "мучной суп", кот. ук "молочный суп"; сым. кы?л, кур. кы?л', кот. ɦи:ла "ворона". Звонкий /г/ совпадает, как правило, во всех енисейских языках. Только в кетских говорах ему часто соответствует звук /ɣ/, например: сым. дэ:сыгын "они-кричат", пумп. десыгын (переведено "крик"); сым. сугей, асс. шугэ, шухэ "назад"; сым. тыгей, кот. ти:-гэ "вниз (по течению)"; сым. дыгл, кот. тигал "возле"; сым. фигын, кур. ɦиɣън "мужчины".

Сымскому согласному /х/ соответствуют в других языках следующие звуки: в кетских говорах - /қ/,/ʁ/ (спорадически /R/); в кот. - /х/,/қ/,/к/,/ɦ/; в пумп. - /к/,/х/; в асс. - /ɦ/,/к/,/х/; в ар. - /қ/,/к/,/ɦ/. Ср. следующие примеры: сым. хɔ?х, кур. қɔ?, бакл. қɔʁъ, ар. илкой, пумп. кэкен (это, видимо, форма мн. числа)"звезда"; сым. ах, пумп. эк, кот. а:х, эк, кет. эқ "деревья, дрова"; сым. хэɦ:й, кур. қэɦ:ji, пумп. хэjу "лось"; сым. хɔ?т, ар. кут, пумп. коэт "дорога"; сым. хуш, кет. қус', ар. қусей, куиса, асс. ɦуча, кот. ɦуча, пумп. хута "один"; сым. хэ:, кот. хе:г, қе:г "слово"; сым. тɛ?х, кур. тɛ?к, кот. тох, тоқ, пкмп. ток "палец". Интервокальному сымскому /х/(или /ʁ/) в кетских говорах соответствует /ʁ/ (спорадически /R/), в пумп. /к/,/х/, э в других енисейских языках - /г/, например: сым. хɔхын, хɔʁын, кет. қɔ:н, қɔʁын (ср. пумп. какен) "звёзды"; сым. эхɔс, эʁɔс, кет. иʁус', иʁус' "дом"; сым. ɛхын, ɛʁын "ветви", кот. оге, пумп. jахи (в оригинале: яхи) "ветвь"; сым. фɔхе, кот. поге, фоге "глубоко"; сым. бɔ-хэн, бɔʁэн, кот. паган "рукавица".

Сымским звукам /j/, /й/ в исчезнувших енисейских языках чаще всего соответствует /г/ (реже /j/), а в кетских говорах /й/,/j/ и в некоторых случаях /ɣ/, /д/, ср.: сым. сиje, ар. шаja, шага,кет. с'иɣем, с'ийем, асс. кот. шега, пумп. цианг "четыре"; сым. хаje, кур. қаɣъм, қajем, ар. қага, асс. кот. кега "пять"; сым. е, кур. е:, пумп. аг, э.-ш. ыг "железо"; сым. и:, кур. и:, ар. еja, ега, ега, асс. кот. ега, пумп. ɦихем "солнце"; сым. хаɦ:й, пумп. хэjу "лось".

Описанные соответствия в системе консонантизма приведены на таблице 2.

В заключение следует отметить распространенную в некоторых языках синкопу и апокопу слогов, вследствие которых отдельные звуки

2.Соответствия между енисейскими языками в системе консонантизма:[17]

совр. енисейские диал.		исчезнувшие енисейские языки			
сымский	кет.говоры	аринский	ассанский	коттский	пумпокольский
м	м	м	м	м	м
б	б,w	п,(б)	п,(м,б)	п,(м,б)	б
п	п,п',-	п	п	п	п
ф	h,х,-	п,п'h,ф,б	п,(ф)	п,ф,(б)	п,ф
д	д,р,(р')	т	т	т	д
т	т,(д,р)	т	т,(д)	т,(р,й)	т
с,ш	с,с',(ч',т',т)	с,ш,(т)	ш,ч,дж,т	ш,ч,т	т,с,(ц,ч)
ч'	т	(қ,т,ч)	ш,ч	ш,ч	(с,т,к,ц,ч)
т'	т,(д,р)	й	й	й	й
д'	д,р	*ч, *j	j,*ч	ч,j	ч,(j,д')
л,л'	л,л',l	л,р	л,р	л,р	л,р
р	л,л',l	л,р	л,р	л,р,(т)	л,р,(т)
нг	нг,(н)	нг	нг,(н)	нг,(н)	нг,г,(н)
н,н'	н,н'	н,н'	н,(н')	н,(н')	н,(н')
к	к,ɣ,-	к,қ	к,h,(х)	к,h,(х)	к,(х,г)
г	г,ɣ,-	*г	г	г,-	г
х	қ,ʁ,-	қ,(к,h)	h,х,к	х,қ,к,h	к,х
х//ʁ	ʁ,-	г	г,(h)	г	к,х
j,й	j,й,ɣ,?,(д)	г,(j)	г,(j)	г,(j)	г,(j)
фар-ция	фар-ция	й,j,г,(у)	г	г,(х,?)	к,г,(j,у)

не находят звуковых соответствий в других языках и диалектах. Ср. следующие примеры: сым. эh:т', кур. эh:ри, сур. эh:дъ, асс. кот. иja "соболь"; сым. эh:н', кур. эh:н'и, кот. эн'е "зять"; сым.фи:к, сул. hих, кур. hиɣъ "мужчина"; сым. уh:т "мышь", кур. уh:ти "крот", кот. дутэ, д'утэ "мышь"; сым. ди?, кур. ди?, кот. таге "орел"; сым. сэh:р, кур. с'эɣэл', кот. чагэл "ночевать"; сым. ɛфынг, бакл. кур. ъ:нг, эр. ипонг, асс. jипэн, пумп. ефиг "листья"; сым. а:п, кет. а: "жаркий"; сым. и:п, кет. и: "выдох".

---

17. Звуки, стоящие в скобках, отмечены только в единичных случаях как соответствующая параллель, а помеченные звездочкой вообще не встречаются. Прочерк обозначает нуль звука.

Особенно широкое распространение получило исчезновение согласных п,ḥ,к,г,ɣ,қ,Ь в кетских говорах, ср.: сым. хɔḥ:х, ел. қɔЬ// қɔ?(мн. число қɔ:н), кур. қɔ? (мн.ч. қɔ:н') "звезда"; сым. хɔхът, кет.қɔ:т // қɔЬът "голод"; сым. хуп (мн.ч. хуфынг), ел. қуп (мн.ч. қу:н)"косач"; сым. ха:п, кет. қа: "дома"; сым. та:к (мн.ч. тагын), ел. тӑу // тӑуɣ// тӑ'ɣ (мн.ч. тӑун) "журавль". В основе всех этих явлений лежит, как нам кажется, слоговая акцентуация[18].

Точно таким же образом можно объяснить возникновение соответствия г,к - j,й, а также ?,ḥ (т.е. фарингализация) - j,й,г,к, где звуки j,й развились из фарингализации после исчезновения согласных г,к. Сюда примыкает и соответствие г,к - у (т.е. ɥ или w), ср. сым. хɔ?нг, кет. қɔ?, кот. ḥау "рог"; сым. сӗ:ге// сӗ:we "трудно". Иначе возникло соответствие д,т - j,й, в основе которого лежит процесс спирантизации сильно палатализованного д' или т'. Об этом свидетельствуют факультативные формы со звуком j вместо д' у некоторых современных сымских кетов, напр.: д'ɛ̆ш'// jɛ̆ш' "моча", д'ɛ̆гар// jɛ̆гар "обман", д'э?нг// jэ?нг "люди". Появление звука j в инициальной позиции перед гласными в говоре Елогуя и особенно Подкаменной Тунгуски (ср. эр'// jэр' "соболь", и'// jи' "солнце", е'й// jе'й "язык") носит факультативный характер, как это, впрочем характерно и для употребления ? в этой же позиции во всех кетских говорах.

Еще А. Шифнер заметил, что между енисейскими языками нет строго закономерных соответствий в употреблении звуков /р/, /л/[19]. Под этим он, видимо, подразумевал, что как сымскому /р/, так и сымским /л/, /л'/ в исчезнувших енисейских языках могут соответствовать и /р/, и /л/. На основании этого он предполагал (а позднее и К. Доннер[20]), что некогда в кетском языке имелся смешанный звук /рл/,как, например, в енисейско-самоедском языке. Предположение А. Шифнера очень вероятно, тем более, что звук типа /рлʲ/ факультативно встречается в сымском вместо /р/, а в некоторых кетских говорах вместо палатализованного /л'/. Звук /рл/ мог, таким образом, развиться из /л'/ и дать впоследствии /р/ во многих енисейских языках.

Большой интерес представляет вопрос о возникновении чередующегося ряда ḥ-ф-п[21] в звуковых соответствиях между различными енисейскими языками. По мысли А.П. Дульзона это соответствие может быть объяснено с точки зрения грамматики. Объяснение автора убеди-

---

18. См. автореф. указ. работы автора, стр. 22.
19. См. предисловие к грамматике А.Кастрена, стр. 23.
20. K. Donner, Russische Lehnworter im Jenissei-Ostjakischen. Annales Acad. Scientiarum Fennicae,Bd. XXVII,Helsinki,1932,S. 1,4.
21. Этот вопрос затрагивался К.Доннером (см. указ. работу), а также А.П. Дульзоном (Кетские наречия первой половины XVIII века, стр. 41-42).

тельно, хотя и не распространяется на все случаи. Если же учесть особенности реализации фонем этого ряда во всех енисейских языках и диалектах, то можно выдвинуть и другое предположение: эти согласные фонемы восходят к единой фарингально-лабиальной фонеме, свойственной в свое время всем енисейским языкам и нашедшей в ныне существующих и исторически засвидетельствованных енисейских языках самое различное отражение в зависимости от того, какая артикуляция стала в том или ином случае доминирующей - фарингальная или лабиальная. Данное предположение подтверждается и тем, что у современных сымских кетов наблюдаются случаи факультативного употребления звука /ħw/ вместо /ɸ/, например: ħwac "бубен", ħwиш' "хвост"(птиц). Это явление, видимо, сходно с соответствующим процессом в индоевропейских и других языках[22].

Таким образом, если сымский вокализм мало отличается от вокализма кетских говоров, то в системе консонантизма эти различия очень глубоки[23]. Сравниваемый материал показывает, что среди других енисейских языков сымский по особенностям своей звуковой системы занимает вполне самостоятельное место.

---

22. Ср.: А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.-Л., 1938, стр. 118. Ср. также точно совпадающую с енисейскими языками типологическую параллель в монгольских языках (Б.Х.Тодаева, Баонньский язык, М., 1964, стр. 12-13).

23. Ср. об этом: А.П.Дульзон, Очерки, стр. 56-57.

О. Е. КАПЫРИН

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ В ФУНКЦИИ ПОДЛЕЖАЩЕГО В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XУП века

Как известно, личные местоимения в функции подлежащего употреблялись в древнерусском языке сравнительно редко. Отмечая эту характерную синтаксическую особенность древнерусского языка, В.И.Борковский пишет: "Для древнерусских памятников характерно отсутствие при глаголе-сказуемом, стоящем в 1-м или 2-м лице, личных местоимений. В постановке личного местоимения не было необходимости, так как сама форма сказуемого заключала в себе указание на определенное действующее лицо".[1]

Личные местоимения в функции подлежащего употреблялись в тех случаях, когда на них в предложении падало логическое ударение, когда по логическим или стилистическим условиям фразы они оказывались ударными. На это указывали в своих трудах А.И.Соболевский, А.А.Шахматов, А.И.Томсон.[2]

Однако уже в памятниках XП-XШ вв. исследователи находят отдельные случаи употребления личных местоимений в функции подлежащего в соответствии с нормами их употребления в современном русском языке, т.е. случаи, в которых субъект действия или состояния не подчеркивается, не выделяется особо. Эти факты В.И.Борковский объясняет влиянием "широко распространенного /в тех случаях, когда сказуемым является глагол в 3-м лице ед. и мн.ч./ двусоставного типа предложения, в котором субъект и предикат выражены двумя членами предложения".[3]

Увеличение случаев употребления в роли подлежащего личных местоимений без логического ударения является очень длительным процессом в русском языке. Так, В.И.Борковский считает, что еще в XУП в. нормой было определенно-личное предложение, т.е. предлоежение, в ко-

---

[1] В.И.Борковский, Синтаксис древнерусских грамот. Львов, 1949, стр. 90-91.

[2] А.И.Соболевский, Лекции по истории русского языка. Изд. 4. М., 1907, стр. 240-241. А.А.Шахматов, Синтаксис русского языка. Изд. 2. Л., 1941, стр. 64-65, 162-164, 463. А.И.Томсон, Происхождение форм им. и вин. п. и грамматического рода в индоевропейском праязыке. "Изв. ОРЯС", т. XУП, 1913, кн. 4, стр. 155-156.

[3] В.И.Борковский, Синтаксис древнерусских грамот. Львов, 1949, стр. 92.

тором при глаголе-сказуемом, стоящем в I-м или 2-м лице, отсутствует личное местоимение, "хотя двусоставные предложения уже не составляют исключения".[4]

В данной статье мы попытаемся проследить те закономерности, которыми определялось употребление личных местоимений в функции подлежащего в русском языке XУП в., т.е. в начальный период формирования русского национального языка. Одновременное привлечение в некоторых случаях уже известных фактов древнерусского языка даст возможность, как нам кажется, хотя бы отчасти решить вопрос о соотношении старого и нового в русском языке XУП в. в отношении особенностей употребления личных местоимений, а сопоставление интересующих нас фактов изучаемой поры с соответствующими фактами современного русского языка позволит выявить более поздние изменения в этой области.

Обратимся непосредственно к показаниям памятников.[5] Здесь сразу же необходимо отметить то, что особенности использования личных местоимений в роли подлежащего по-разному проявляются в произведениях, написанных языком книжно-славянского и народно-литературного типа. В книжно-славянском типе языка преимущественно сохраняются древнерусские нормы употребления личных местоимений в роли подлежащего. В народно-литературном типе, а также в памятниках, непосредственно отражающих разговорную русскую речь, употребление личных местоимений во многом сходно с современным русским языком.

В произведениях Симеона Полоцкого, написанных, по словам И.П.Еремина, "на том "книжном языце", который в его время обслуживал "высокие" формы литературы господствующего класса",[6] представлены в основном определенно-личные предложения.

Это наблюдается даже тогда, когда имеется противопоставление действующих лиц. Например:

Вижду аз светло, како нас любиши,
егда твоих благ общники твориши. /Комедия о блудном сыне/
Еже велиши, того мы хелаем. /Там же/
Не слузи мы тебе, сам будеш служити,
токмо бы кто хлебом изволил кормити. /Там же/

Иногда в произведениях С. Полоцкого личные местоимения отсутствуют в силу стилистических причин: автору необходимо выделить со-

---

4/ Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Простое предложение. М., 1968, стр. 53.

5/ Список использованных памятников и условных сокращений см. в конце статьи.

6/ См. Симеон Полоцкий, Избранные сочинения. М.-Л., Изд. АН СССР, стр. 259.

ответствующие сказуемые, сконцентрировать внимание только на них, поставить на них смысловые ударения:

Что сотворю? Пойду, велю их имати,
еда что сокровищ возмогу сыскати.

/Комедия о блудном сыне/

Интересно употребление личных местоимений в произведениях протопопа Аввакума. Здесь, как отмечает В.И.Борковский, определенно - личные предложения преобладают над двусоставными.[7] Однако, как нам кажется, вряд ли на этом основании можно сделать общий вывод, что "в XVII в. нормой было определенно-личное предложение".[8] Частое использование Аввакумом определенно-личных предложений было обусловлено всем содержанием его произведений, их идейной направленностью. В связи с этим можно привести соответствующие наблюдения академика В.В.Виноградова. Установив, что типичной синтаксической конструкцией "Жития" является предложение определенно-личное, он замечает, что употребление этих форм вызвано тем, что действующее лицо в повествовании всегда известно: в центре всех событий находится или сам Аввакум, или его враги - Никон, Пашков и др. Следовательно, за формой определенно-личного предложения субъект действия всегда очевиден.[9]

В произведениях Аввакума двусоставные предложения с личными местоимениями без логического ударения также не составляет исключения. Кроме примеров, проанализированных В.И.Борковским[10], можно привести дополнительно еще следующие: Я опять побреду сбирать по окошкам, еще мне надают, добры до меня люди те, помогают моей нищите. А я и паки вам, бедненьким, поделюсь, сколько бог даст /264/. Простите же меня за сие. И больши тоя безделицы я ведаю, да плюнуть на все /236/. Я чаял, живучи на Востоке в смертях многих, тишину здесь в Москве быти; а я ныне увидял церковь паче и прежняго смущенну /279-280/.

В памятниках, отражающих живую русскую речь, употребление личных местоимений имеет свои особенности. Эти особенности наиболее ярко проявляются в "Русской грамматике" Генриха Вильгельма Лудольфа и в менее известном "Русском рукописном разговорнике XVII в." /издан в Копенгагене в 1962 году/. В этих источниках даются разнообразные по содержанию записи устной речи того времени. Ценно и то, что жи-

---

7/ Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Простое предложение. М., 1968, стр.53.

8/ Там же, стр.53.

9/ См. В.В.Виноградов, О задачах стилистики. Наблюдения над стилем "Жития" протопопа Аввакума. Русская речь. Сб.статей под ред. Л.В.Щербы. Пг., 1923, стр.269-270.

10/ Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Типы простого предложения. М., 1968, стр.54-55.

вая речь русских людей представлена здесь непосредственно, в виде диалогов.

В современном диалоге личные местоимения I-го и 2-го лица, как известно, обычно опускаются, если речевая ситуация подсказывает, кто именно является автором речевого акта и к кому обращена речь.

В изучаемый период эта закономерность не всегда строго выдерживается, и личные местоимения ставятся не только при глаголах прошедшего времени, но и при личных формах глагола. Например:

- Куди ты дел мои ножик?
- Я положил на тарелку...
/Луд.,76/
- Пожалуи приди чаще к нам в предки.
- Я рад буду часто свидат ся с тобою
/Там же,74/
- Я рад свидат ся с тобою
прежде отошествия твоево
/Там же,8I/

Маря: Анна, что ты не весела?
Не поговоришь ты ничего.
Анна: Что мне говорить?
Лутчи мне нишкнути
нижели худое говорить,
яз не умею по француски говорить,
и яз для ради того молчю
/Разг.ХУП в.,30/
Анна: Рихарт, пожалуй, дай мне своего
ножичька на подержание.
Рихард Возьми на том, что отдать назад,
как ты отешь.
/Там же,3I/

Личное местоимение I-го лица многократно повторяется в некоторых случаях при сказуемых, стоящих чаще всего в разных предложениях. Например:

Мария: Яз тобе веть велела,
чтоб ты опять пришел
в четвертом часу,
а ныне блиско шестого.
Скажи мне где ты был?
Яз то ведаю.
Яс скажу твоему мастеру
благо слово выговорить.
/Разг.ХУП в.,I7/
Катерина: Яз тобе покажу иной статии,

то яз продам дешевле
.....
яз тобе безмала
не на ту ж цену отдаю,
почему яз сама купила,
а надобно мне что
нибуд принять,аз не для
того здесь сижу,что
мне ничего не принять,
от того яз кормлюся.
/Разг.ХУП в.,43-44/

То же самое можно обнаружить в письмах царя Алексея Михайловича: А ныне я еду под Тушино с соколами,а я буду поутру в пятницу коньчяе к Москве,потому што я Борису Ивановичю велел послать по старых по трех соколов /Ал.Мих.,7I/. То-то де меня и страх взял, я де чаял ожил, для того де я и двери отворил,хотел бежать /Ал. Мих.,I69/.

В современном русском языке в частных,а также в деловых письмах личное местоимение I-го лица,как правило,пропускается.Например: Спешу сообщить Вам... Обращаюсь к Вам с большой просьбой... Рассмотрим данный вопрос... и т.п.

При глаголах повелительного наклонения постановка личных местоимений в основном вызывается стилистическими причинами.

У протопопа Аввакума местоимения чаще всего стоят после форм повелительного наклонения. Когда отсутствует противопоставление Субъектов, то "постановка местоимения после глагольной формы вызвана стремлением несколько смягчить приказание".[II]

В большинстве случаев в своих произведениях Аввакум строит предложения с формами повелительного наклонения без личных местоимений.Например: А Еремей мне говорит: "Батюшко,поди,государь,домой!" /I06/. Слушай-ко,игумен Сергий! Иди во обитель Меланьи матери и прочти сие написанное... /359/. И аз отвещал: "Аз есмь Аввакум,протопоп; говори: что тебе дело до меня?" /88/. Вот вам и место оставил: припишите своею рукою мне, и жене моей, и дочери... /I08/.

В "Русском рукописном разговорнике ХУП в." мы встретили всего один случай с постпозицией местоимения:

Маря: Франца, встань ты ныне
и послужи перед столом,чего нет. /27/

Здесь постановка местоимения может быть объяснена логически: говорящему нужно особо подчеркнуть,кто именно из присутствующих должен выполнить приказание /в данном случае Франца/.

II/ Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Простое предложение. М.,I968, стр.52.

В языке произведений устного народного творчества,а также в "Повести о Горе и Злочастии", которая тесно соприкасается с на - родно-поэтическим творчеством,личное местоимение при повелитель- ном наклонении может быть объяснено причинами ритмо-мелодическими. Например:

Закричала она громким голосом:
"Ох вы,няньки мои,мамки!
Вы берите поскорее
Золотые ключи,
Вы мечитесь в новы выходы,
Отпирайте вы немецкие замки,
Наливайте вы зеленого вина...
/Ист.песни ХУП в., 57/
Милое ты наше чадо,
послушай учения родителскаго,
ты послушай пословицы
добрыя,и хитрыя, и мудрыя...
/ Горе и Злоч.,387/

Следует подчеркнуть,что в ХУП в. продолжали сохраняться в некоторых случаях древнерусские нормы употребления личных местоимений в роли подлежащего. В то же время в языке произведений демократического типа наблюдается дальнейшее развитие стилистического использования личных местоимений,когда резко подчеркнутое противо - поставление передается с помощью многократного повторения соот - ветствующего личного местоимения. Например: Побили мы их, в тот час вышед, многия тысящи, взяли мы у них в те поры на вылоске на том бою у той горы 16 знамен... Тем-то мы их порохом,подкопався под ту их гору высокую,разбросали всю ее... /Азов.,367-368/.Граждане же суздальцы князю Андрею не воспротивяста ни в чем ему, и покоришася и глаголюща ему государю: "Князь Андрей Александрович! Мы тем убийцам не советницы были на смерть брата твоего... но мы вемы, яко же на его злую тое смерть ему умыслила с любовники своими Кучковичи, и мы тебе,государь,будем собствовати на тех злых изменников на отмщение великаго государя князя Даниила. /О нач. Москвы,стр.433/.

Наконец,в русском языке ХУП в. очень часто встречаются стереотипные конструкции,в которых употребление личного местоимения-подлежащего является строго обязательным. Мы имеем в виду сложнопод - чиненные предложения с придаточным условным или обстоятельственным. За этим придаточным идет главное предложение, и начинается оно обычно с союза и /реже то,так,ино/,за которым следует личное место - имение в функции подлежащего.Последнее иногда необходимо для разъяснения высказывания,когда имеется два различных подлежащих в различных предложениях. Если же в обоих предложениях подлежащее одно,то в главной части оно является,очевидно,лишним.Например: А

толко будет нет, и ты поди да принеси /Разг.ХУП в.,27/. Будет яз тебе не отдам назад, и ты мне потом вперед ничего не давай на подержанье /Там же ,31/. Только он тебе не заплатит, ино яз тобе заплачю /Там же,51/."... как предешь ко мне,и яз тебя научу" / Ер.Лаз.,380/. ... и Уруслан молвил: "Коли ты мне дал чару золоту,то ты мне дал воды умытися" /Там же,378/. Коли не знаешь в книгах силы, и ты вопроси бабы поселянки /Аввак.,270/.

Как видим,личные местоимения употребляются здесь и при глаголах повелительного наклонения.В последних двух примерах личное местоимение является лишним,так как обозначает то же самое лицо, которое названо в придаточном.Указанная закономерность касается также и личного местоимения 3-го лица: И голова молвит: "Господине Уруслане! Поедеш ты к городу и как тебя ис полаты увидит Зеленой царь,так он не утерпит,выедит он против тебя..." /Ер. Лаз.,379/.

Мы попытались определить некоторые закономерности употребления личных местоимений I-го и 2-го лица в роли подлежащего в русском языке ХУП в., когда "устанавливаются многие из тех явлений,которые характеризуют грамматическую систему русского литературного языка I8-I9 вв."[12/]

Наши наблюдения показывают,что употребление личных местоимений зависело от типа литературного языка.В памятниках книжно - славянского типа сохранились в основном древнерусские нормы функционирования личных местоимений. В языке демократического типа наблюдается тенденция использовать двусоставные предложения вместо определенно-личных.Особенно ярко данная закономер - ность проявляется в памятниках,непосредственно отражающих жи - вую речь того времени. Так,в "Русском рукописном разговорнике ХУП в." двусоставные предложения составляют большинство. Поэтому вряд ли можно говорить о преобладании определенно - личных предложений в этот период,а также о том,что в ХУП в. двусоставные предложения только начали закрепляться в разговорной речи.

Стилистические причины обусловливали употребление личных местоимений не только при глаголах изъявительного,но и повелительного наклонения,что особенно ярко проявилось в произведениях Аввакума.

Указанная тенденция отражается также в многократном механическом использовании личных местоимений.

Яркой закономерностью рассматриваемой поры было постоянное употребление личных местоимений в главной части сложноподчиненного предложения с придаточным условным или обстоятельственным.

В целом функционирование личных местоимений в роли подлежащего в русском языке ХУП в. характеризуется своеобразным переплетением старых,древнерусских черт и новых,свойственных современному русскому языку.

I2/ Русский язык. БСЭ,т.37,стр.434.

Список источников работы и условных сокращений

1. Аввак. – Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Изд. "Академия", 1934.
2. Азов. – Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков.– В кн.: Хрестоматия по древней русской литературе. Сост. Н.К.Гудзий. Изд.7-е. М., 1962.
3. Ал.Мих. – Собрание писем царя Алексея Михайловича... /1646-1662 гг./. Изд. П.Бартенева. М., 1856.
4. Ер.Лаз. – Повесть о Еруслане Лазаревиче.– В кн.: Хрестоматия по древней русской литературе. Сост. Н.К.Гудзий. Изд.7-е. М., 1962.
5. Горе и Злоч. – Повесть о Горе и Злочастии.– Там же
6. Ист.песни XVII в. – Исторические песни XVII в. М.–Л., 1966.
7. О нач.Москвы. – Повесть о начале Москвы.– В кн.: Хрестоматия по древней русской литературе. Сост. Н.К.Гудзий. Изд.7-е. М., 1962.
8. Разг.XVII в. – Ein russisches handschriftliches Gesprächbuch aus dem 17. Jahrhundert. Kobenhavn, 1962.
9. Луд. – Генрих Вильгельм Лудольф, Русская грамматика. Оксфорд, 1696. Переиздание, перевод, вступительная статья и примечания Б. А. Ларина, Ленинград, 1937.

Г.М. КАЛАНЧА

О ПЕРЕДАЧЕ РИТМИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ К.Г.ПАУСТОВСКОГО В НЕМЕЦКОМ ПЕРЕВОДЕ

"У подлинной прозы всегда
есть свой ритм".
К.Паустовский.

Проблема ритма прозы неоднократно была предметом внимания отечественных и зарубежных ученых, но и до сих пор остается мало разработанной и потому нерешенной. Исследование ритма прозы от начала века до последних лет ведется в основном по следующим трем направлениям:

I) отождествление ритма прозы с ритмом стиха, приводящее к абсолютно противоречивому результату, к отыскиванию в прозе чередования метрических стоп и тем самым к отрицанию ритма прозы как такового;

2) к стопной теории примыкают слоговая и тактовая теории: слоговая теория основывается на учете количества слогов и ударений в ритмических группах, а тактовая - на выделении чередования слабых и сильных тактов;

3) третье направление, находясь в стороне от двух первых, опирается на связь ритма, синтаксиса и семантики и имеет большое число сторонников; к их числу принадлежит и автор данной статьи, хотя он и не отрицает те положения слоговой теории, которые представляются ему наиболее убедительными и правильными.

Следует различать ритм как "естественное свойство речи вообще" и ритм как средство художественного воздействия так называемой ритмической прозы.

"Естественный ритм" прозы представляет неорганизованную последовательность сильных и слабых звуков речи (ударных и неударных слогов) и в этом смысле отличается от стиха, метрически организованного, т.е. представляющего закономерное чередование сильных и слабых слогов [1]. "Ритм прозы", утверждает А.В.Федоров, "создает-

---

1) В.М.Жирмунский. О ритмической прозе. "Русская литература", № 4, Москва, 1966, стр. 103.

ся прежде всего упорядоченным расположением более крупных смысловых и синтаксических элементов речи, их следованием в определенном порядке – повторениями слов, параллелизмом, контрастами, симметрией, характером связи фраз и предложений. Кроме того, ритм прозы обусловливается также эмоциональным нагнетанием, распределением эмоциональной силы, патетической окраски, связанной с тем или иным отрезком речи" [2]. В ритмической же прозе ритм настолько организован, что она приближается к стиху.

Выявить некоторые особенности ритмической организации прозы К.Паустовского и сопоставить ее "звучание" со "звучанием" в немецком переводе и является целью данной статьи.

Б.Томашевский, называя ритм "спектром синтаксиса", считал, что ритмические единицы (колонны) легко отождествить с синтаксическими единицами (синтагмами), так как ритм "не имеет средств к самостоятельному самоутверждению вне показаний графического синтаксиса" [3].

Нам кажется поэтому правомерным выделить синтаксический фактор как решающий при определении закономерностей, из которых складывается ритм прозы. А так как ни одна синтаксическая категория не может быть выражена вне синтагмы, то за единицу членения синтаксических целых мы берем синтагму. При этом мы исходим из определения Л.В.Щербы, который рассматривал синтагму как фонетическое единство, выражающее единое смысловое целое в процессе речи – мысли, в данной ситуации – далее неделимое и могущее состоять из слова, словосочетания и даже из группы словосочетаний [3]. Как семантико-стилистическое понятие, синтагма определяется в зависимости от задач сообщения, от своеобразия стиля, от экспрессии речи и т.д. В зависимости от этого предложение с одним и тем же лексическим составом и грамматической оформленностью может члениться на синтагмы различно.

Как логико-синтаксическая единица речи, синтагма связана с членами предложения в том смысле, что синтагматическое членение не произвольно, а зависит от синтаксических отношений между членами предложения, хотя не тождественно им.

Синтагма, являясь основной единицей в составе предложения, вычленяется из него прежде всего на основании семантического критерия и зависит от стилистической направленности сообщения. Изучая ритмическую сторону художественной прозы К.Паустовского, мы исходили из данного принципа членения синтаксических целых на

---

1) А.В.Федоров. Введение в теорию перевода. Москва, 1958, стр. 314.
2) Б.Томашевский. О стихе. "Прибой", Москва, 1929, стр.310.
3) См. Л.В.Щерба. Фонетика французского языка. Москва, 1957 стр. 86.

синтагмы.

Материалом для наблюдений явились рассказы и сказки К.Паустовского и их переводы на немецкий язык.

"Ритм... в прозе, где он основан на синтаксическом факторе и на чередовании различных синтаксических единиц, глубоко специфичен для каждого отдельного языка, связан с его внутренними закономерностями (фонетическими и синтаксическими). Механического переноса ритма из одного языка в другой быть не может (как вообще невозможен такой перенос в отношении любого языкового элемента)[1]. Главная задача переводчика - сохранить в переводе ту функцию ритма, носителем которой он является в подлиннике.

Воспроизведение ритма прозы в переводе обусловливается композиционно-синтаксическими особенностями оригинала. Именно поэтому для выявления ритмической организации прозы К.Паустовского подвергался анализу также ее синтаксический аспект.

Романтическая настроенность рассказов и сказок К.Паустовского и эмоционально-лирический тон повествования определяют стилистические и синтаксические особенности его прозы и связанную с ними ритмизацию.

В рассказах и сказках этого большого художника каждый абзац, обладая своим внутренним ритмом, вплетается в ритмическую ткань всего произведения и создает шаг за шагом тот "прозрачный, сверкающий всеми цветами спектра и крепкий, как сталь, кристалл"[2], о котором писал К.Паустовский, определяя творческий процесс писателя.

В чем же проявляется синтаксическое, а, следовательно, и ритмическое своеобразие прозы рассказов и сказок К.Паустовского? Сопоставление синтаксических конструкций оригинала и перевода может быть полезным для выявления ритмических особенностей прозы подлинника.

Попытаемся показать это на примерах.

Ритмическая композиция начала рассказа "Корзина с еловыми шишками" определяется, естественно, его синтаксическим построением.

Композитор Эдвард Григ проводил осень в лесах около Бергена.

Все леса хороши с их грибным воздухом и шелестом листьев. Но особенно хороши горные леса около моря. В них слышен

Alle Wälder sind schön mit ihrem Pilzgeruch und Blätterrauschen, doch besonders schön sind die Bergwälder am Meer,

---

1) А.В.Федоров. Введение в теорию перевода. Москва, 1958, стр. 307-308.

2) К.Г.Паустовский. Поэзия прозы. "О писательском труде", стр. 151. Советский писатель, Москва, 1953.

шум прибоя. С моря постоянно наносит туман, и от обилия влаги буйно разрастается мох. Он свешивается с веток зелеными прядями до самой земли.

Кроме того, в горных лесах живет, как птица пересмешник, веселое эхо. Оно только и ждет, чтобы подхватить любой звук и швырнуть его через скалы [1].

wo man das Tosen der Brandung hört. Vom Meer her wandert der Nebel, und die feuchte Luft läßt das Moos üppig wuchern. In grünen Flechten hängt es von den Ästen bis zum Erdboden. Auch lebt in den Bergwäldern wie ein Lachvogel das lustige Echo, das jeden Ton aufgreift und gegen die Felsen wirft [2].

Внутри данного отрывка ритмическое движение создается последовательностью шести простых распространенных предложений, причем четвертое и пятое разделены сложно-сочиненным, а самый конец оформлен сложно-подчиненным предложением. Каждое последующее предложение как бы раскрывает, уточняет содержание предыдущего, благодаря подхвату одного слова другим, повторяющимся: "проводил... в лесах, все леса хороши; но особенно хороши... горные леса около моря; с моря постоянно наносит туман".

Ритм, являясь "результатом смысловой и выразительной конструкции речи" [3], ощущается, как некое организующее, закономерное начало, гораздо отчетливее в более крупных синтаксических единицах.

Поэтому при выявлении ритмических ходов в прозе К.Г.Паустовского мы исходили не непосредственно из предложения, а из понятия "сложного синтаксического целого" [4], которое либо образует абзац [5], либо является частью его, как более высокого единства.

Абзац, представляя собой явление синтаксическое, оказывается одновременно и явлением литературной композиции (и все это на базе графической выделенности абзаца).

Эта двойственная природа абзаца делает возможным изучение его синтаксической динамики и на ее фоне - анализ тех явлений, кото-

---

1) К.Г.Паустовский. Бег времени. Москва, 1954, стр. 103. Все цитаты из "Корзины с еловыми шишками" приводятся по этому изданию.

2) **K. Paustowski. Ein Korb mit Tannenzapfen. Kultur und Fortschritt, "Mädchenerzählungen".** Все цитаты в немецком переводе приводятся по этому изданию.

3) Б.Томашевский. Теория литературы (поэтика). 4-е издание, 1928, стр. 73.

4) ... "как синтаксической единицы, служащей для выражения сложной и законченной мысли и имеющей в составе окружающего ее контекста относительную независимость, которой обычно лишено отдельное предложение в контексте связной речи". Н.С.Поспелов. Проблема сложного синтаксического целого в современном русском языке. Ученые записки МГУ, выпуск 137. Москва, 1948. Труды кафедры русского языка, кн.2, стр. 31.

5) Термин "абзац" имеет три значения: "типографское, синтаксическое" (определенные А.М.Пешковским) и "значение некоего относительно законченного отрезка литературного текста, т.е. значение литературно-композиционное" (Т.П.Сильман. Проблемы синтаксической стилистики. Ленинград, 1967, стр. 107.

рые участвуют в создании ритма прозы. Нам представляется удобным поэтому проследить на примере абзаца те более или менее закономерные явления, из которых складывается понятие ритма прозы.

В приведенном примере все части сложного синтаксического целого, разнообразные по своей синтаксической структуре, теснейшим образом связаны между собой по смыслу. Все движение синтаксических групп, а внутри них - лексических повторов подчинено единому, стройному композиционному ритму.

Перевыражение его на другой язык - особенно трудное, тонкое и ответственное дело. Осложняется оно тем, что в двух языках и количество словесных единиц, и число слогов в самих словах, необходимых для выражения определенного содержания, различно. Прямолинейных соответствий искать нельзя, уже хотя бы потому, что нужно иметь в виду поправку на количественное соотношение: общеизвестно, что 21 стр. русского текста дает 24 стр. немецкого. Уже в первом примере количественное соотношение слов оригинала и перевода равно соответственно 67 и 70.

"Ритм, мелодика, словарь, композиция не живут независимой жизнью, они связаны наподобие шахматных фигур на доске; так нельзя "поправить" в произведении литературы только ритмику, только словарь, не повлияв при этом на другие слагаемые стиля. Зачеркивая слово, я меняю строй фразы, ее музыку, ее стопу, ее отношение к окружающей сфере" [1]. Поэтому даже поправка на количество слов не может не вызвать изменения в ритме прозы при переводе. Передача ритма прозы всегда имеет относительный характер и поэтому следует признать не случайными, а закономерными те небольшие изменения, которые допущены в переводе.

В оригинале рассказ предваряется сообщением о том, что "композитор Эдвард Григ проводил осень в лесах около Бергена". В переводе это предложение переставлено в начало второго абзаца, для чего трудно найти какое-либо оправдание, так как перенос данного предложения вряд ли изменил ритмико-синтаксические особенности перевода.

Рассматриваемый абзац оригинала состоит, как уже говорилось, из 8 предложений. В переводе три первых предложения объединены в одно большое предложение с сочинением и подчинением. Четвертое и пятое предложения подлинника сохранены в переводе полностью. А 6-ое и 7-ое в немецком тексте представляют собой одно сложноподчиненное предложение с придаточным определительным. Синтаксический рисунок оригинала несколько изменен, но изменение это чисто внешнее, грамматическое. Логическая последовательность повествования нисколько не пострадала, и, следовательно, в перево-

---

1) К.Федин. "Писатель, искусство, время". Москва, 1961, стр. 380.

де сохранена данная функция ритма.

Действительно, связь предложений, выраженная в немецком переводе специфическими грамматическими средствами (союзом doch, относительным наречием wo и относительным местоимением das) полностью соответствует семантической связанности русских предложений, которая раскрывается из всего контекста, а также из употребления местоимений (он, оно), соотносящих предложения между собой.

Местоименный повтор в русских предложениях более четко включает элементы предшествующего предложения в данное, поскольку местоимение сочетает в себе функцию связи с функцией повторно-назывной. Местоименный повтор "благодаря своей особой знаковой природе воспроизводит не слово, а данное понятие как таковое, стоящее за словом, и именно и только его" [1].

Как раз в этом плане местоименная связь в оригинале имеет много общего с союзной связью в немецком тексте, передающей в первую очередь отношения между мыслями и создающей в цепи предложений логический поворот мысли от сказанного только что (Alle Wälder sind schön mit ihrem Pilzgeruch und Blätterrauschen...) в сторону дополнения, нарастания, нагнетания (... doch besonders schön sind die Bergwälder am Meer, wo man das Tosen der Brandung hört; Auch lebt in den Bergwäldern... das lustige Echo, das jeden Ton aufgreift und gegen die Felsen wirft).

В результате образное целое и ритмический рисунок, обусловленные построением русских фраз, полностью сохраняются и как бы немного заостряются в немецком переводе. Если, с одной стороны, "ряд самостоятельных предложений, семантически и лексически неразрывно связанных друг с другом, непосредственно смыкается со сложно-сочиненным предложением, являясь его бессоюзной формой, (что имеет место в русском тексте), то, с другой стороны, само самостоятельное предложение, становясь все более и более "полным" и превращаясь в слитное предложение с несколькими сказуемыми, также приближается по своему характеру к сложносочиненному предложению, поскольку именно сказуемое в первую очередь выявляет особый предикативный характер предложения как такового" [2].

Это свидетельствует о трудности четкого разграничения последовательного ряда самостоятельных, семантически тесно связанных между собой предложений и сложно-сочиненного предложения и подтверждает верность подхода немецкого переводчика Л.Дункеля к передаче подобного ряда самостоятельных предложений (которые, кстати, в прозе К.Г.Паустовского часто выражают причинные отно-

---

1) Т.И.Сильман. Проблемы синтаксической стилистики. Ленинград, 1967, стр. 72.

2) В.Г.Адмони. Введение в синтаксис современного немецкого языка. Москва, 1953, стр. 211.

шения и, следовательно, могут уподобиться также сложно-подчиненному предложению) сложно-сочиненным, либо сложно-подчиненным предложением, либо предложением с сочинением и подчинением.

Следующий абзац представляет собой развернутое сложно-подчиненное предложение, обе части которого расширены одинаковыми в ритмическом отношении придаточными определительными, каждое из которых представляет собой одну синтагму, состоящую из 4 коротких слов ("какие есть на земле" и "что лежал на горах").

Примечательно, что эти определительные предложения уравновешивают в ритмическом отношении всю фразу, разделяя ее на три равные по количеству слов синтагмы. Чередование синтагм с большим и меньшим количеством слов (9,4,8,9,4), соответствующее эмоциональным переходам в тексте, создает четкий ритмический контур.

Глубоко эмоциональный тон высказывания завершает ритмизацию этого сложно-подчиненного предложения, с которым по своей лирической настроенности тесно контактирует следующее за ним предложение.

Стояла осень.

Если бы можно было собрать все золото и медь/, какие есть на земле/, и выковать из них тысячи тысяч тоненьких листьев/, то они составили бы ничтожную часть того осеннего наряда/, что лежал на горах. К тому же кованые листья показались бы грубыми в сравнении с настоящими, особенно с листьями осины. Всем известно, что осиновые листья дрожат даже от птичьего свиста[1]

Einst verbrachte Edvard Grieg einen Herbst in den Wäldern bei Bergen.

Würde man alles Gold und Kupfer der Welt nehmen und daraus Tausende und aber Tausende feine Blätter schmieden, so würden sie doch nur einen winzigen Teil jenes herbstlichen Festgewandes ergeben, das die Berge zu dieser Zeit angelegt hatten. Und wie grob würden die künstlichen Blätter gegen die zarten Gebilde der Natur wirken, wo doch ein bloßes Vogelgezwitscher das Espenblatt erzittern läßt[2].

Сложно-подчиненное предложение, являлось центральной частью абзаца, обрамлено двумя фразами, вводящей и заключающей, которые носят скорее назывной констатирующий характер, и потому и в синтаксическом, и в смысловом, и в эмоциональном планах контрастируют с ядром сложного синтаксического целого.

В немецком переводе вновь обнаруживается стремление к объединению предложений в сложные синтаксические конструкции. Таким образом все семантико-стилистическое и ритмическое богатство русского текста вмещено на этот раз в два сложно-подчиненные предложения. Ритм подлинника в немецком тексте повторяется функционально.

I) См. цит. произв., стр. 103.

2) См. цит. перевод, стр. 303.

Та же взволнованность и эмоциональная приподнятость передается бессоюзным сложно-подчиненным предложением с придаточным нереального условия, употреблением союза und в начале предложения, троекратным повторением вспомогательного глагола в Präteritum Konjunktiv (würden), парными сочетаниями (Gold und Kupfer, Tausende und aber Tausende) и сочетаниями типа определение + определяемое, в качестве которого выступает существительное (jenes herbstlichen Festgewandes, die künstlichen Blätter, die zarten Gebilde, ein bloßes Vogelgezwitscher).

Порой целые страницы рассказа настолько тесно переплетаются, что невозможно выделить, обособить какое-то синтаксическое целое, не нарушив при этом сложного смыслового единства, внутренней синтаксической композиции, общей поэтической настроенности.

Повествование строится на нанизывании повторов. Фраза, или чаще часть фразы, несколько слов, синтагма повторяется и варьируется два и более раза, а пока она варьируется, в эту систему включился другой повтор, они цепляются друг за друга "как перевивающиеся ленты серпантина", по удачному сравнению Вл.Россельса. "В стихотворной строфике это можно сравнить с терцинами, где средняя строчка каждой предыдущей терцины рифмуется с крайними строками последующей, и трехстишья входят одно в другое, как звенья цепи" [1].

Григ думал так и играл обо всем, что думал. Он подозревал, что его подслушивают. Он даже догадывался, кто этим занимается. Это были синицы на дереве, загулявшие матросы из порта, прачка из соседнего дома, сверчок, снег, слетавший с нависшего неба, и Золушка в заштопанном платье.

So dachte Grieg, und er spielte alles, was er dachte. Er ahnte, daß man ihn belauschte – es waren die Blaumeisen auf den Bäumen, bezechte Matrosen vom Hafen, die Wäscherin aus dem Nachbarhaus, das Heimchen, der Schnee, der vom verhängten Himmel fiel, und Aschenbrödel im geflickten Kleid.

Каждый слушал по своему. Синицы волновались. Как они ни вертелись, их трескотня не могла заглушить рояля.

Jeder hörte auf seine Art zu. Die Blaumeisen waren sehr aufgeregt, doch so sehr sie sich auch mühten, ihr Gezeter vermochte das Spiel des Mannes nicht zu übertönen.

Загулявшие матросы рассаживались на ступеньках дома и слушали, всхлипывая. Прачка разгибала спину, вытирала ладонью покрасневшие глаза и покачивала головой. Сверчок вылезал из тре-

Die bezechten Matrosen setzten sich auf die Stufen des Hauses und lauschten leise aufschluchzend. Die Wäscherin richtete sich auf, fuhr sich mit der nassen Hand über

1) Вл.Россельс. Тетради переводчика. Москва, 1966, стр. 15.

щины в кафельной печке и подглядывал в щелку за Григом.

Падавший снег останавливался и повисал в воздухе, чтобы послушать звон, лившийся золотыми ручьями из дома. А Золушка смотрела, улыбаясь, на пол. Около ее босых ног стояли хрустальные туфельки. Они вздрагивали, сталкиваясь друг с другом, в ответ на аккорды, долетавшие из комнаты Грига.

Этих слушателей Григ ценил больше, чем нарядных и вежливых посетителей концертов" [1].

die geröteten Augen und wiegte den Kopf im Takt der Musik. Das Heimchen schwieg und kroch aus seiner Ritze im Kachelofen, der Schnee blieb in der Luft hängen, um den Klängen zu lauschen, die goldenen Bächlein gleich aus dem Hause strömten. Aschenbrödel aber schaute lächelnd vor sich hin auf den Fußboden. Neben ihren nackten Füßen standen die Glaspantöffelchen. Als Antwort auf die Akkorde, die aus Griegs Zimmer drangen, stießen sie klingend aneinander.

Diese Zuhörer liebte Grieg, liebte sie mehr als die eleganten, gesitteten Konzertbesucher[2].

Переводчик с большим мастерством использовал средства родного языка, чтобы донести до читателя ритм подлинника. Четкий, чеканный ритм начала абзаца воссоздается не только двукратным повторением сказуемого (dachte) в главном и придаточном предложениях, но и двукратным повторением личного местоимения er , чего нет в оригинале и что можно было бы опустить в переводе. Действительно, переводчик, не заботящийся о ритмической стороне фразы, мог бы свободно обойтись без местоимения er в первом случае, превратив сложно-сочиненное предложение в простое распространенное с однородными сказуемыми, и тем самым обеднить ее звучание.

Интересно, что даже число синтагм и количество слогов в них почти полностью совпадает в русском и немецком предложениях. В русском предложении в каждой из 3-х синтагм по 4 - 6 и 3 слога, в немецком по 4 - 6 и 4 слогов. Дальнейшее сопоставление показывает, что и в оригинале, и в переводе ритм является результатом повторяемости параллельных синтаксических конструкций типа: подлежащее-существительное + определение, выраженное существительным с предлогом (синицы на дереве, матросы из порта, прачка из соседнего двора - die Blaumeisen auf den Bäumen, Matrosen vom Hafen, die Wäscherin aus dem Nachbarhaus)

Поразительно и, кажется, даже нарочито однообразны синтаксические построения, участвующие в ритмизации второй половины отрывка; тип: подлежащее-существительное + сказуемое-глагол + сказуемое - глагол проходит с небольшими вариациями через 5 предложений, причем каждое существительное в данном типе - это симметричный подхват уже ранее названных автором "действующих лиц":

---

1) См. цит. произв., стр. 107.

2) См. цит. перевод, стр. 307-308.

"Синицы волновались... вертелись..., матросы рассаживались... и слушали...; прачка разгибала..., вытирала... и покачивала...; сверчок вылезал... и подглядывал...; снег останавливался... и повисал...". В немецком переводе это несколько изменено: die Blaumeisen waren sehr aufgeregt...; die...Matrosen setzten sich... und lauschten...; die Wäscherin richtete sich auf, fuhr sich... und wiegte...; das Heimchen schwieg und kroch...; der Schnee blieb... hängen.

Уже говорилось о том, что часто целые страницы рассказа представляют собой монолитные единства со сложным, но четким и прозрачным ритмическим рисунком. Невозможно разделить вторую главу "Корзины с еловыми шишками"! Две страницы главы - это одна ритмически завершенная композиция.

Синтаксическая структура этой главы состоит из 51 предложения. Из них 32 - простые распространенные, одно - простое нераспространенное, 2 - сложно-сочиненных и 16 - сложно-подчиненных предложений. В переводе это соответственно: 27 - 3 - 10 и 3 предложения с сочинением и подчинением, т.е. всего 43 предложения.

Для синтаксической структуры рассматриваемой главы, как и для всего рассказа в целом, характерно деление синтаксических целых на ритмически организованные части. Синтаксические конструкции состоят в основном из 2,3,4-х, а иногда и 8-ми смысловых и ритмических частей, которые делятся на ритмико-синтаксические группы (синтагмы).

Структура членов сложного синтаксического целого определяется не только количеством синтагм в члене, но и количеством слогов в синтагме, поскольку слог является элементарной составной частью любого ритмического перевода. "Слог, как самая мелкая единица, дает более точную картину объема фразовых частей даже при собственной изменчивости" [1].

Но это вовсе не значит, что принцип слогового единообразия является основой ритма. "Если бы силлабическое содержание являлось ритмизирующим элементом, то в прозе мы встречали бы тенденцию к повторению строк одинаковой силлабической длины" [2]. На самом деле это не так. Как показывает подсчет количества слогов в предложениях второй главы, повторяемость предложений с равным количеством слогов - явление весьма редкое, тогда как по слоговой наполняемости они необычайно разнообразны [3].

Во второй главе оказалось предложений длиной в

---

1) Б.Томашевский. "О стихе", Прибой, 1929, стр. 273.

2) Там же, стр. 273.

3) Данные наблюдения относятся к малой прозаической форме.

3 слога – I	I8 слогов – 3	3I слог – 2
4 – " – – 2	20 – " – – I	32 – " – – I
5 – " – – 2	23 – " – – I	36 – " – – I
7 – " – – 2	24 – " – – I	37 – " – – I
8 – " – – I	25 – " – – 3	39 – " – – I
9 – " – – 4	26 – " – – I	40 – " – – I
I0 – " – – 2	27 – " – – 3	44 – " – – I
II – " – – I	28 – " – – I	48 – " – – I
I3 – " – – 5	29 – " – – I	53 – " – – I
I5 – " – – I	30 – " – – 3	88 – " – – I.
I7 – " – – 2		

В немецком тексте – предложений в

3 слога – 0	I6 слогов – 2	27 слогов – 2
4 – " – – I	I7 – " – – I	3I – " – – 2
5 – " – – I	I8 – " – – I	33 – " – – I
6 – " – – I	I9 – " – – I	35 – " – – I
7 – " – – I	2I – " – – 2	36 – " – – I
8 – " – – I	22 – " – – 2	38 – " – – I
9 – " – – I	23 – " – – I	44 – " – – I
I0 – " – – 3	24 – " – – 3	57 – " – – I
II – " – – 3	25 – " – – 2	6I – " – – I
I4 – " – – I	26 – " – – I	80 – " – – I
I5 – " – – I		

Отклонения в количестве слогов русских и немецких предложений весьма незначительны. Но отклонения внутри рассматриваемых предложений в немецком и русском текстах настолько велики (от 3–4 слогов до 80–88 слогов), что теряется всякая аналогия между длиной разных предложений. Это еще раз говорит о том, что слоговое единообразие следует искать в делениях более мелких, а именно в синтагмах.

Подсчет слогов в синтагмах второй главы рассказа показал, что слоговая длина синтагм гораздо более устойчива, чем слоговая длина предложений. Мы получили следующие результаты: в оригинале синтагм в

2 слога – 3	9 слогов – I0	I6 слогов – 4
3 – " – – 4	I0 – " – – II	I7 – " – – 4
4 – " – – 4	II – " – – I2	I8 – " – – 3
5 – " – – 9	I2 – " – – 4	I9 – " – – 2
6 – " – – 8	I3 – " – – 4	20 – " – – 2
7 – " – – II	I4 – " – – 5	22 – " – – 2
8 – " – – I0	I5 – " – – 5	

В немецком переводе синтагм в

2 слога – I	9 слогов – 5	I5 слогов – 2
3 – " – – 5	I0 – " – – I4	I6 – " – – 3
4 – " – – 7	II – " – – 8	I7 – " – – 2
5 – " – – 4	I2 – " – – 7	I8 – " – – I
6 – " – – 7	I3 – " – – 5	I9 – " – – 4
7 – " – – 8	I4 – " – – 6	20 – " – – 2
8 – " – – 7		

Сравнивая количество слогов в синтагмах и предложениях, нетрудно увидеть, что в синтагмах нет того многообразия слоговой длины, которое наблюдалось в предложениях, и что большая часть синтагм вмещает в себя в среднем от 5 до II слогов в русском тексте и от 4 до II–I2 слогов в немецком.

Интересно отметить, что в анализируемой главе не оказалось ни одного предложения, в котором полностью совпадало бы количество слогов в синтагмах. Между тем подавляющее большинство предложений состоит из синтагм, содержащих приблизительно одинаковое количество слогов (разница не превышает 2–6 слогов). Это снова подтверждает мысль Томашевского о законах ритма прозы: "Нормы прозаического ритма не являются конструктивным законом, а только дают нам средние формы, около которых допустимы и равноправны колебания в ту или в другую сторону" [1].

Быть может, поэтому правильнее говорить не о количестве слогов в синтагмах, а об ударении, как о факторе, играющем решающую роль в создании ритма прозаической речи. Число слогов в соседних синтагмах, как правило, различно, но если в них сходно число ударений, то налицо четкий ритмический рисунок.

Проследим это на следующих примерах.

Рояль мог петь обо всем / – о порыве человеческого духа к великому и о любви,/ Белые и черные клавиши/, убегая из-под крепких пальцев Грига/, тосковали, смеялись, грозили бурей и гневом/ и вдруг сразу смолкали.

... Григ писал о глубочайшей прелести девичества и счастья/. Он писал и видел/, как навстречу ему /бежит, задыхаясь от радости/, девушка с зелеными сияющими глазами.

Unter Griegs Händen sang das Instrument von der Liebe und vom ungestümen Streben der menschlichen Seele zum Erhabenen. Unter seinen Händen weinten, lachten und dröhnten die Saiten des Instruments, verstummten plötzlich.

Grieg schrieb von jungfräulichem Liebreiz und Glück. Er sah ein Mädchen, atemlos vor Freude, mit strahlenden grünen Augen ihm entgegenlaufen. Sie schlang ihre Arme um seinen Hals und schmieg-

---

I) Б.Томашевский. О стихе. Москва, I929, стр. 274.

Она обнимает его за шею/ и прижимается горячей щекой/ к его седой небритой щеке. "Спасибо!"- говорит она, сама не зная, за что она благодарит его [1].

te ihre glühende Wange an die seine. Hab Dank! sagte sie [2].

Здесь в составе первого предложения 2 синтагмы: I)"Рояль мог петь обо всем", 2) "о порыве человеческого духа к великому и о любви". В первой синтагме 7 слогов, во второй - 2I; в первой имеется 3 ударения, во второй - 5.

В следующем сложном синтаксическом целом, представляющем четырехчастную конструкцию, синтагмы и ударения располагаются таким образом:

Первая часть представляет собой две синтагмы: I) "Григ писал" (два ударения), 2) "о глубочайшей прелести девичества и счастья" (4 ударения).

Вторая часть содержит два члена: первый член состоит из одной синтагмы: "он писал и видел" (2 ударения); второй член - из трех синтагм: I) "как навстречу ему" (I ударение), 2) "бежит, задыхаясь от радости" (3 ударения), 3) "девушка с зелеными сияющими глазами" (4 ударения).

Третья часть вмещает в себя три синтагмы: I) "Она обнимает его за шею" (2 ударения), 2) "и прижимается горячей щекой" (3 ударения), 3) "к его седой небритой щеке" (3 ударения).

Четвертая часть включает также 3 синтагмы: I) "Спасибо!" - говорит она", (2 ударения), 2) "сама еще не зная" (2 ударения), 3) за что она благодарит его (2 ударения).

Чередование синтагм с двумя, тремя, и четырьмя ударениями в анализируемом отрывке создает мерность и ритмическую организацию прозаической речи, приближающейся по своему звучанию к народному тоническому стиху.

Ритм в приведенных примерах создается также синтаксическим параллелизмом, проявляющимся в данном случае в одинаковом порядке членов предложения (подлежащее + сказуемое), а также однородными членами предложения. Обычно это парные группы слов, соединенные союзом "и" (о порыве и о любви, белые и черные; бурей и гневом; девичество и счастье; писал и видел; обнимает и прижимается) или двойные эпитеты- прилагательные (с зелеными сияющими глазами; к седой небритой щеке и т.д.).

Л.Дункель передает ритмическое дыхание рассматриваемого отрывка анафорическим повторением группы слов в первом и во втором предложениях первого абзаца (unter Griegs Händen; unter

---

1) См. цит. произв., стр. I06.

2) См. цит. перевод, стр. 306-307.

seinen Händen), нагнетанием одного за другим четырех однородных сказуемых (**weinten, lachten, dröhnten... verstummten...**) и обособленными определениями (**...Aschenbrödel, von ihren hartherzigen Schwestern erniedrigt...; ein Mädchen, atemlos vor Freude**). усиливающими экспрессивную наполненность отрывка.

Необыкновенно ритмична следующая часть главы:

Ты как солнце, говорит ей Григ. Как нежный ветер и раннее утро. У тебя на сердце расцвел белый цветок и наполнил все твое существо благоуханием весны. Я видел жизнь. Что бы тебе ни говорили о ней, верь всегда, что она удивительна и прекрасна. Я старик, но я отдал молодежи жизнь, работу, талант. Отдал все без возврата. Поэтому я, может быть, даже счастливее тебя, Дагни.

Ты - белая ночь с ее загадочным светом. Ты - счастье. Ты - блеск зари. От твоего голоса вздрагивает сердце [1].

Du bist wie die Sonne, sang Grieg von ihr. Wie ein Windhauch, wie der taufrische Morgen! In deinem Herzen ist eine weiße Blume erblüht und hat dein ganzes Wesen mit Frühlingsduft erfüllt... Ich liebe das Leben! Was immer man dir darüber sagen mag, glaube stets, daß es wunderbar und herrlich sein soll! Ich bin ein alter Mann, aber ich schaffe für junge Menschen - für immer! Deshalb bin ich vielleicht sogar glücklicher als du, Dagny.

Du bist wie die weißen Nächte mit ihrem rätselvollen Licht. Du bist wie das Leuchten des Morgenrots. Deine Stimme läßt das Herz erbeben[2].

В поэзии метрическая организация связана со смысловой композицией произведения по строфам, периодам и стихам и с его синтаксическим членением в тех же рамках. Чередование синтаксических единиц разной или одинаковой величины в прозе - то же, что чередование метрических единиц в стихе, т.е. необходимое условие ритма.

Действительно, эмоциональная напряженность и обусловленная ею прерывистость ритма в приведенном тексте определены чередованием коротких и более длинных предложений, а внутри них - своеобразным чередованием синтагм, то приблизительно, то абсолютно равных, то совершенно контрастных по количеству наполняющих их слогов.

Нагнетание ритма ощущается сразу же: "Ты как солнце", а в следующем предложении, сохраняющем ту же синтаксическую форму, сравнение углубляется и расширяется определениями "как нежный ветер и раннее утро".

Парные слова /расцвел и наполнил, удивительна и прекрасна/, обилие однородных членов усиливают ощущение то трепетного, то чеканного ритма. А в конце абзаца снова учащается ритм, и троекрат-

---

1) См. цит. произв. стр. 107.
2) См. цит. перевод, стр. 307.

ное анафорическое повторение слова "ты" звучит рефреном, перекликающимся с началом абзаца.

Ощущение ритма, аналогичного ритму начальных фраз отрывка, усиливается повторением фиксированного синтаксического рисунка: подлежащее-местоимение + предикатив-существительное. Таким образом создается рамка учащенного, пульсирующего ритма.

И как финал, как разрешение звучат слова:

Да будет благословенно все/, что окружает тебя/, что прикасается к тебе/, и к чему прикасаешься ты/, что радует тебя/ и заставляет задуматься [1].

Gesegnet sei alles, was dich umgibt, was du berührst, was dir Freude schenkt und was dich nachdenklich stimmt [2].

Ритм этой фразы создается благодаря поступательному движению однородных сложно-подчиненных предложений, объединенных троекратно повторенным союзом "что", их абсолютным грамматико-синтаксическим параллелизмом и одинаковым количеством ударений в пяти синтагмах.

Одной из особенностей ритмической прозы данного рассказа является нанизывание, нанизывание одного однородного члена за другим. Получается цепь из 4-9 и даже I2 однородных элементов. Они придают ритму повествования чаще всего четкость, размеренность и даже монотонность, как в нижеследующем отрывке:

В комнате у тетушки Магды было множество театральных вещей: парчи, шелка, тюля, лент, кружев, старинных фетровых шляп с черными страусовыми перьями, цыганских шалей, седых париков, ботфорт с медными шпорами, шпаг, вееров и серебряных туфель, потертых на сгибе. Все это приходилось подшивать, чинить, чистить и гладить.

In Tante Magdas Zimmer gab es eine Unmenge Theatertand: Brokat, Seide, Tüll, Bänder, Spitzen, alte Filzhüte mit schwarzen Straußenfedern, Umschlagtücher, graue Perücken, Stulpenstiefel mit Messingsporen, Degen, Fächer und silberne abgewetzte Pantöffelchen. All das mußte gesäumt, ausgebessert, gereinigt und gebügelt werden.

На стенах висели картинки, вырезанные из книг и журналов: кавалеры времен Людовика XIV, красавицы в кринолинах, рыцари, русские женщины в сарафанах, матросы и викинги с дубовыми венками на головах [3].

An den Wänden hingen aus Büchern und Zeitschriften ausgeschnittene Bilder: Kavaliere aus der Zeit Ludwigs XIV., schöne Damen in Reifröcken, Ritter, russische Frauen in Sarafanen und eichenlaubbekränzte Wikinger [2].

I) См. цит. произв., стр. I07.
2) См. цит. перевод, стр. 307.
3) См. цит. произв., стр. I08.
4) См. цит. перевод. стр. 308-309.

Но и стремительность и большую лирическую напряженность:

Мелодия росла, подымалась, бушевала, как ветер, неслась по вершинам деревьев, срывала листья, качала траву, била в лицо прохладными брызгами.

Да! Это был ее лес, ее родина! Ее горы, песни рожков, шум ее моря!

Стеклянные корабли пенили воду. Ветер трубил в их снастях. Этот звук незаметно переходил в перезвон лесных колокольчиков, в свист птиц, кувыркавшихся в воздухе, в ауканье детей, в песню о девушке - в ее окно любимый бросил на рассвете горсть песку. Дагни слышала эту песню у себя в горах [1].

Die Melodie schwoll an, brauste über die Wipfel der Bäume, zerrte an den Blättern, brachte das Gras zum Wogen und schlug wie kühlende Tropfen ins Gesicht.

Ja, das war ihr Wald, das waren ihre Berge, die Lieder der Hirtenhörner, das Rauschen ihres Meeres!

Gläserne Schiffe stürmten durch den Gischt. Der Wind sang in ihrem Tauwerk. Dieser Ton ging unmerklich in Maiglöckchenläuten über, in das Gezwitscher der Vögel, die sich in den Lüften tummelten, in die Rufe von Kindern, in das Lied von dem Mädchen, dem der Liebste eine Handvoll Sand an die Fensterscheibe warf. Dagny hatte dieses Lied daheim, in den Bergen gehört [2].

Поступательное движение однородных сказуемых в двух последних абзацах (росла, подымалась, бушевала, неслась..., срывала..., качала..., била — schwoll an, brauste..., zerrte..., brachte... zum Wogen..., schlug...), однородных обстоятельств места, вводимых предлогом "в" и расширенных постпозитивными определениями, (... в перезвон лесных колокольчиков, в свист птиц..., в ауканье детей, в песню о девушке... — in Maiglöckchenläuten..., in das Gezwitscher der Vögel..., in die Rufe von Kindern, in das Lied von dem Mädchen...), а также контрастное сочетание то длинных, то коротких предложений создают лирически-взволнованный и ритмически-мерный строй, ту музыку речи, которая свойственна лирической поэзии. Ритмическая проза, отличная по своей структуре от стихотворной речи, получает таким образом силу лирического воздействия, присущего поэзии.

Лирически-взволнованное описание завершается взрывом эмоциональной напряженности в конце первого абзаца. Восклицания, поддержанные четырехкратным повторением слова "ее" звучат каданссом.

И снова:

---

1) См. цит. произв., стр. III.

2) См. цит. перевод, стр. 3II.

Если бы можно было увидеть его! Если бы он появился здесь! С каким стремительно бьющимся сердцем она побежала бы к нему навстречу, обняла бы за шею, прижалась мокрой от слез щекой к его щеке и сказала бы только одно слово: "Спасибо!"- "За что?" - спросил бы он. "Я не знаю... - ответила бы Дагни. - За то, что вы не забыли меня. За вашу щедрость. За то, что вы открыли передо мной то прекрасное, чем должен жить человек [1].

Wenn ich ihn doch sehen könnte! Mit welch stürmisch klopfendem Herzen würde sie ihm entgegenlaufen, ihn umarmen, ihre tränennasse Wange an die seine schmiegen und nur das eine Wort sagen: Danke! Dank, daß Sie mir das Herrliche offenbart haben, für das der Mensch leben soll [2].

Поэтичность, взволнованность, тонкий лиризм, которые пронизывают весь рассказ, ярко подчеркиваются и здесь лирическими вопросами и восклицаниями. Они образуют эмоциональную вершину всего рассказа.

В переводе этого абзаца опущено 5 предложений. Второе предложение: "Если бы он появился здесь!", которое благодаря синтаксическому параллелизму с первым предложением и анафорическим повторением союза "если" участвует в ритмической организации абзаца. Не переведены также 4 предложения внутреннего диалога: "За что?" - спросил бы он. "Я не знаю... - ответила бы Дагни. - За то, что вы не забыли меня. За вашу щедрость". Объяснить подобный произвол в переводе столь высокого уровня весьма трудно.

Естественно, от этого не могла не пострадать ритмическая ткань подлинника в переводе. В самом деле, ритмический рисунок в немецком тексте опрощен и не передает трепетности и фрагментарности воспоминаний девушки о большом добром человеке, вернувшемся вместе с музыкой из ее детства. Эти воспоминания вылились в робкой взволнованной внутренней речи, к сожалению, утраченной в переводе.

Таким образом, параллельное рассмотрение синтаксических конструкций оригинала и перевода позволило нам определить основу ритмической организации прозы К.Г.Паустовского, которую, как и основу художественной прозы вообще, образуют различные формы грамматико-синтаксического параллелизма, свободного или несколько связанного, усиленного лексическими повторениями.

---

1) См. цит.произв., стр. III-II2.

2) См. цит.перевод, стр. 3I2.

За единицу исследования ритмико-синтаксических особенностей прозы мы брали абзац как наиболее сложную синтаксическую единицу. Абзац ритмической прозы К.Г.Паустовского вмещает в себя сложное синтаксическое целое, состоящее из взаимосвязанных и соподчиненных частей.

Это - I) чаще всего сложно-сочиненное предложение, состоящее из синтаксически параллельных предложений, соединенных либо союзами, либо лексическими и местоименными повторами, либо сочинительными паузами, обозначенными графически запятой или точкой;

2) простое распространенное предложение с большим количеством однородных членов, объединенных большей частью интонационными паузами и реже - союзами;

3) сложно-подчиненное предложение, иногда с двумя-тремя параллельными по своей синтаксической конструкции подчиненными предложениями, почти всегда обрамленное простыми предложениями.

Большое количество повторов, усиленных анафорой, подхватывания слов, чередование в пределах абзаца коротких и более длинных предложений, а внутри них - коротких и более длинных ритмических групп (синтагм), а также тенденция, наблюдавшаяся в некоторых случаях, к выравниванию числа слов, слогов и ударений создают основу ритмической прозы рассказов и сказок К.Г.Паустовского.

Несмотря на разницу некоторых синтаксических конструкций подлинника и перевода, заключающуюся преимущественно в стремлении объединить простые распространенные предложения в более сложные синтаксические конструкции, а также - разницу, обусловленную национальной спецификой языка, переводчику в основном удалось донести синтаксический рисунок оригинала в логической, эмоциональной и ритмической функциях.

Анализ ритмической прозы К.Г.Паустовского и ее немецкого перевода приводит нас к заключению, что передача ритма прозы возможна прежде всего в функциональном плане. Механическое же воспроизведение ритма заранее обречено на неудачу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Г. Г. ЕДИГ. Придаточные предложения в функции главных членов сложноподчиненного комплекса . . . . . 1— 19
2. Г. Г. ЕДИГ. Дополнительные придаточные предложения в нижненемецком говоре Алтайского края . . . . 20— 42
3. Г. И. ВАЛЛ. Система деривации глагола нижненемецкого говора Омской области . . . . . 43— 49
4. В. К. ГЕЙНЦ. Иноязычные заимствования в верхнегессенских говорах Омской области . . . . . 50— 56
5. В. К. ГЕЙНЦ. К фонологической интерпретации долгих гласных и дифтонгов (на материале верхнегессенского говора Омской области и немецкого литературного языка) . 57— 63
6. Г. К. ВЕРНЕР. К проблеме генезиса индоевропейского аблаута . . . . . 64— 85
7. Г. К. ВЕРНЕР. Слоговая акцентуация кетских говоров . 86— 94
8. Г. К. ВЕРНЕР. Звуковые соответствия между сымским и другими енисейскими языками . . . . . 95—109
9. О. Е. КАПЫРИН. Личные местоимения в функции подлежащего в русском языке XVII века . . . . . 110—117
10. Г. М. КАЛАНЧА. О передаче ритмической прозы К. Г. Паустовского в немецком переводе . . . . 118—135

ПД 00694. Формат 60×92 1/16. печатных листов 7. Зак. 12214, тир. 700 Цена 1 руб.

Омская обл. тип. Управления по печати, Декабристов, 37 1969 г.

Цена 1 руб.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 125171170